SOCIOM

2022

ISSN 2658-5855

12+

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ
Том 7 № 2-3

SOCIAL COMPETENCE

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

педагогические науки

социологические науки

юридические науки

сетевое издание № 2-3 2022

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 7 № 2-3

2022

SOCI@COM

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Редакционная коллегия

Главный редактор – Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Заместитель главного редактора – Коршунова Наталья Леонидовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Школы педагогики Дальневосточного федерального университета

Ответственный за выпуск – Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Ларионова Лариса Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Кармадонов Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия

Пахаруков Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Поветкина Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, доцент, заведующая отделом финансового, налогового и бюджетного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)

Пятковская Юлия Валерьевна, доктор юридических наук, проректор по научной работе Байкальского государственного университета (г. Иркутск, Россия)

Сидорова Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Степаненко Диана Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, заместитель директора Восточно-Сибирского филиала Российской академии правосудия, член Квалификационной коллегии судей Иркутской области (г. Иркутск, Россия)

Швецов Михаил Юрьевич, доктор педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», профессор кафедры педагогики и психологии развития (г. Владивосток, Россия)

Редакционный совет

Байков Николай Михайлович, доктор социологических наук, профессор Дальневосточного института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Хабаровск, Россия)

Воротилкина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой сервиса, рекламы и социальной работы Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема (г. Биробиджан, ЕАО, Россия)

Козлов Владимир Васильевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета. Президент Международной Академии психологических наук (г. Ярославль, Россия)

Липатова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и программ государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия» (г. Саранск, Россия)

Подлиняев Олег Леонидович, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Педагогического института Иркутского государственного университета. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Иркутск, Россия)

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Туяа Готовын, доктор Ph, профессор, заведующая кафедрой Европеистики Монгольского государственного университете науки и технологий (г. Улан-Батор, Монголия)

Хагуров Темыр Айтечевич, доктор социологических наук, профессор, проректор по учебной работе и качеству образования Кубанского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Действительный член Российской академии социальных наук (г. Краснодар, Россия)

Эрдэнэмаам Сосорбарам, доктор Ph, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Монгольского государственного университета (г. Улан-Батор, Монголия)

Network edition No. 2-3 2022

SCIENTIFIC JOURNAL

Vol. 7 No. 2-3

2022

SOCIAL COMPETENCE

SOCI@COM

EDITORIAL COLLEGIUM

Editor-in-Chief – Struk Elena Nikolayevna, Doctor of Philosophical Sciences, Head of Sociology and Psychology Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Deputy editor-in-chief – Korshunova Natalia Leonidovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy of the School of Pedagogy of the Far Eastern Federal University
Responsible to sign off the issue – Kopalkina Evgeniya Gennadyevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Larionova Larisa Aleksandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Karmadonov Oleg Anatolyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of State and Municipal Management Department in Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
Pakharukov Aleksandr Anatolyevitch, Candidate of Juridical Sciences, Head of Jurisprudence Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Povetkina Natalia Alekseevna, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Financial, Tax and Budget Legislation Department, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of State and Legal Disciplines Department, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Pyatkovskaya Julia Valeryevna, Doctor of Juridical Sciences, Vice-Rector for Research, Baikal State University (Irkutsk, Russia)
Sidorova Natalia Vasilievna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Stepanenko Diana Arkadyevna, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Criminal Law Department, Deputy Director of East-Siberian Branch of the Russian Academy of Justice, a Member of Qualification Board of Judges of Irkutsk region (Irkutsk, Russia)
Shvetsov Mikhail Yurievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Pedagogy and Development Psychology (Vladivostok, Russia)

EDITORIAL BOARD

Baikov Nikolay Mikhailovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor of Far East Institute of Management – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration (Khabarovsk, Russia)
Vorotilkina Irina Mikhailovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Service, Advertising and Social Work Department, Sholem Aleichem Amur State University (Birobidzhan, Jewish Autonomous Region, Russia)
Kozlov Vladimir Vasilyevich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of Social and Political Psychology, Yaroslavl State University. President of the International Academy of Psychological Sciences (Yaroslavl, Russia)
Lipatova Lyudmila Nikolayevna, Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher of Department of Regional Studies and Programs of Mordovia Public Institution "Scientific Research Institute of Humanities under the Government of Mordovia Republic" (Saransk, Russia)
Podlinyaev Oleg Leonidovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Pedagogics Department of Pedagogical Institute of Irkutsk State University. Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Irkutsk, Russia)
Romashov Roman Anatolyevich, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Theory of Law and Law Enforcement Activities Department of Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. Honored Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)
Tuya Gotovyn, PhD, Professor, Head of European Studies Department of Mongolian State University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia)
Hagurov Temyr Aitechevich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Quality of Education, Kuban State University, Leading Researcher of Sociology Institute, Russian Academy of Sciences. Full member of the Russian Academy of Social Sciences (Krasnodar, Russia)
Erdenemaam Sosorbaram, PhD, Professor, Head of the Russian Language and Literature Department of Mongolian State University (Ulan Bator, Mongolia)

сетевое издание № 2-3 2022

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 7 № 2-3

2022

SOCI@COM

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Содержание

Содержание 129

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Куликов Е. А. Специальные правила усиления наказания за преступление, совершенное в соучастии, по УК РФ: правовая и социальная обусловленность 130

Евстратова Ю. А., Самусевич Д. В. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника, совершающего преступления против общественной безопасности и общественного порядка 142

Колосова А. И. Проблемы квалификации и совершенствование концепции уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере банкротства 151

Пахаруков А. А., Файзиева К. А. Теоретические аспекты понятия «конкуренция» 164

Тихий Р. С. Конституционно-правовые основы административного судопроизводства в зарубежных странах 172

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гомбоева И. С. Сущность и механизмы взаимодействия субъектов наставничества в условиях образовательного процесса колледжа 181

Попов А. И., Обухов А. Д. Формирование профессиональной готовности специалиста на адаптивных тренажерных комплексах 191

Рошко Е. П. Организация дистанционного обучения в сельских школах в условиях эпидемиологических рисков 201

Черепанова Е. А., Копалкина Е. Г. Социально-педагогическая поддержка неполных семей в дошкольной образовательной организации (на примере АН ДОО «Алмазик» д/с 52 «Крепыш» г. Мирный Республика Саха (Якутия)) 211

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кривошеев В. В., Базенко А. Е. Социально-управленческие аспекты оказания паллиативной помощи детям в Калининградской области 218

Нгуен Т. Х., Бахматова Т. Г. Исследование удовлетворенности пожилых людей качеством оказания социальных услуг в ОГАУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения» 228

Сухарькова М. П. Мотивация волонтеров Паралимпийских игр 238

Contents

Contents 129

JURIDICAL SCIENCES

Kulikov E. A. Special rules for strengthening punishment for a crime committed in complicity under the Criminal Code of the Russian Federation: legal and social conditionality 130

Evstratova Y. A., Samusevitch D. V. Criminological characteristics of the personality of a minor criminal who commits crimes against public safety and public order 142

Kolosova A. I. Problems of qualification and improvement of the concept of criminal law counteraction to crimes in the field of bankruptcy 151

Pakharukov A.A., Faizieva K.A. Theoretical aspects of the concept of "competition" 164

Tikhy R. S. Constitutional and legal bases of administrative proceedings in foreign countries 172

PEDAGOGICAL SCIENCES

Gomboyeva I. S. The essence and mechanisms of interaction between the subjects of mentoring in the context of the educational process of the college 181

Popov A. I., Obuhov A. D. Formation of professional readiness of a specialist on adaptive training complexes 191

Roshko E. P. Organization of distance learning in rural schools in conditions of epidemiological risks 201

Cherepanova E. A., Kopalkina E. G. Socio-pedagogical support for single-parent families in a preschool educational organization (on the example of AN NGO «Almazik» d/s 52 «Krepysh» Mirny, Sakha Republic (Yakutia)) 211

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Krivosheev V.V., Bazenko A.E. Social and managerial aspects of palliative care for children in the Kaliningrad region 218

Nguyen T. H., Bakhmatova T. G. Research of satisfaction of elderly people with the quality of social services in OGAUSO "Integrated Center for Social Services of the population" 228

Sukharkova M. P. Motivation of Volunteers of Paralympic Games 238

Оригинальная статья / Original article
УДК 343.24

Специальные правила усиления наказания за преступление, совершенное в соучастии, по УК РФ: правовая и социальная обусловленность

© Е. А. Куликов
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена обстоятельствам, отягчающим наказание, предусмотренным в ч. 1 ст. 63 УК РФ, которые применяются при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии. По отношению к ч. 1 ст. 67 УК РФ эти обстоятельства выступают специальными правилами, поскольку охватывают отдельные частные случаи совершения преступления в соучастии. Причём это те случаи, которые существенно повышают общественную опасность совершаемого преступления. Повышенная степень общественной опасности содеянного выступает социальным основанием усиления наказуемости в соответствии со ст. 63 УК РФ. Хотя само по себе совершение преступления в соучастии не считается обстоятельством, отягчающим наказание, но отдельные его проявления таковыми выступают. Правовая обоснованность усиления наказания представлена отдельными положениями главы 7 УК РФ, а также как ст. 67 УК РФ, так и другими уголовно-правовыми нормами, в т. ч. принципами законности и справедливости. Предметом исследования выступают закономерности взаимосвязи и взаимодействия уголовно-правовых норм, в соответствии с которыми существование и содержание одних норм обусловлено наличием и содержанием других. В качестве методологии используются формально-юридический метод, метод системного толкования права. В результате представленного в статье исследования автор приходит к выводу о том, что специальные правила усиления наказания за преступление, совершенное в соучастии, социально и юридически обоснованы, и обеспечивают реализацию принципов законности и справедливости, а также требования строго индивидуального подхода к назначению наказания.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, назначение наказания, отягчающие обстоятельства, степень общественной опасности, роль лица в преступлении

Для цитирования: Куликов Е. А. Специальные правила усиления наказания за преступление, совершенное в соучастии, по УК РФ: правовая и социальная обусловленность // *Социальная компетентность*. 2022. Т. 7. № 2–3. С. 130–141.

Special rules for strengthening punishment for a crime committed in complicity under the Criminal Code of the Russian Federation: legal and social conditionality

© Egor A. Kulikov
Altai State University,
Barnaul, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the circumstances aggravating the punishment provided for in Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation, which are applied when imposing punishment for a crime committed in complicity. In relation to Part 1 of Article 67 of the Criminal Code of the Russian Federation, these circumstances act as special rules, since they cover individual private cases of committing a crime in complicity. Moreover, these are the cases that significantly increase the public danger of the crime being committed. The increased degree of public danger of what has been done acts as a social basis for increasing punishability in accordance with Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation. Although the commission of a crime in complicity in itself is not considered an aggravating circumstance, but its individual manifestations are such. The legal validity of increased punishment is represented by separate provisions of Chapter 7 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as Article 67 of the Criminal Code of the Russian Federation, and other criminal law norms, including the principles of legality and justice. The subject of the study is the patterns of interrelation and interaction of criminal law norms, according to which the existence and content of some norms are conditioned by the presence and content of others. The methodology used is the formal legal method, the method of systematic interpretation of law. As a result of the research presented in the article, the author comes to the conclusion that special rules for strengthening punishment for a crime

committed in complicity are socially and legally justified, and ensure the implementation of the principles of legality and justice, as well as the requirements of a strictly individual approach to sentencing.

Keywords: complicity in a crime, sentencing, aggravating circumstances, degree of public danger, the role of a person in a crime

For citation: Kulikov E. A. (2022) Special rules for strengthening punishment for a crime committed in complicity under the Criminal Code of the Russian Federation: legal and social conditionality. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 7. No. 2-3. P. 130-141. (In Russ.)

При рассмотрении уголовно-правовой регламентации назначения наказания необходимо учитывать ряд специфических моментов. Во-первых, речь идет о положениях уголовного закона, непосредственно вопроса о преступности и наказуемости деяний не касающихся, а имеющих скорее процедурную направленность. Во-вторых, подобная в некотором роде «вторичная» природа правил назначения наказания (ч. 1 ст. 60 УК РФ - лицу, признанному виновным, назначается... наказание...) предполагает существование «первичных» норм уголовного закона, предопределяющих или юридически обусловливающих то или иное положение о назначении наказания. В-третьих, особенностью любых правил назначения наказания (в т. ч. и правил назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии), выступает их ориентирующий, рамочный характер (в связи с чем зачастую используют термин «начала» назначения наказания, подразумевая, что «концы» находятся уже в правоприменительном акте – приговоре), и таким образом предоставляется широкое усмотрение для суда. При этом Пленум Верховного Суда РФ в разъяснениях по практике назначения уголовного наказания указывает на необходимость придерживаться строго индивидуального подхода. В связи с этим необходимо выделить в уголовном законе не просто начало назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, но и рассмотреть его с системной стороны, т. е. во взаимосвязи и взаимодействии с другими положениями УК РФ.

Немаловажным проявлением системности выступает взаимосвязь первичных и производных правил, т. е. положений, регламентирующих вопросы уголовной ответственности соучастников и положений, регулирующих назначение наказания за преступление, совершенное в соучастии. При этом первые могут быть рассмотрены в качестве законодательных предпосылок вторых или их правовых оснований. Наличие же такого рода оснований выступает аргументом в пользу наличия того или иного специального правила назначения наказания.

Что касается социальной обоснованности уголовно-правовых предписаний, то в контексте рассматриваемой темы в качестве таковой необходимо рассматривать повышенную опасность того или иного обстоятельства. Как точно отмечает, например, Т. А. Плаксина, «социальные основания квалифицирующего преступление обстоятельства можно определить как социальную потребность в более строгой уголовно-правовой охране общественных отношений от характеризующегося резко повышенной степенью общественной опасности деяния или личности субъекта вида какого-либо преступления, а также порождающие эту потребность социальные факторы, которые в своей совокупности являются причинами выделения квалифицированного состава и детерминируют содержание квалифицирующего обстоятельства и соответствующей санкции» (Плаксина, 2006. С. 44).

Говоря об усилении наказания за преступление, совершенное в соучастии, необходимо отметить, что ст. 67 УК РФ по существу своему носит нейтральный характер и выступает основанием не усиления, не смягчения наказания, а проявлением принципа индивидуализации наказания. Поэтому в рамках рассматриваемой темы речь может идти о входящих в перечень, предусмотренный в ч. 1 ст. 63 УК РФ, отягчающих наказание обстоятель-

ствах и их взаимосвязи с теми или иными положениями уголовного закона. Рассмотрим ряд обстоятельств, относящихся к ситуациям совершения преступления в соучастии.

А). Совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы, преступного сообщества (преступной организации) как отягчающее наказание обстоятельство.

Анализ конкретного отягчающего наказание обстоятельства представляется начать с общего определения смягчающих и отягчающих обстоятельств. Л. Л. Кругликов определяет смягчающие и отягчающие наказания обстоятельства как факторы объективного и субъективного порядка, относящиеся к преступлению и (или) к личности виновного и не являющиеся признаками состава преступления, которые свидетельствуют о большей или меньшей степени общественной опасности преступления и личности виновного либо характеризуют только личность (Кругликов, 2008. С. 269). М. Н. Становский под обстоятельствами, смягчающими и отягчающими наказание, предлагает понимать находящиеся за пределами состава преступления обстоятельства, характеризующие статус лица, совершившего преступление, обстановку, при которой было совершено преступление, характер действий виновного и тяжесть наступивших последствий, поведение виновного после совершения преступления (Становский, 2008. С. 303). По мнению Т. В. Непомнящей, под смягчающими и отягчающими наказание обстоятельствами следует понимать выходящие за пределы состава преступления обстоятельства, характеризующие объективные и субъективные свойства деяния, а также личность виновного, способствующие индивидуализации наказания (Непомнящая, 2006. С. 66). Н. А. Лопашенко отягчающие наказание обстоятельства определяет как «такие не относящиеся к признакам конкретного состава преступления, вменяемого виновному, обстоятельства, которые свидетельствуют о большей опасности преступления, совершенного виновным, или о большей опасности лица, его совершившего, и в связи с этим должны быть приняты во внимание судом при назначении наказания, с коррекцией в сторону повышения наказания в рамках санкции статьи, согласно судейскому усмотрению или с выходом за ее пределы в случаях, предусмотренных в законе» (Лопашенко, 2021. С. 176).

Итак, под отягчающими наказание обстоятельствами следует понимать такие обстоятельства, характеризующие объективные и субъективные свойства деяния (место, время, способ, обстановку и т. д.), личность виновного, которые способны повлиять на наказание в строну его усиления, и тем самым реализовать принцип индивидуализации наказания. В связи с этим следует отметить, исходя из принципа гуманизма, а также экономии уголовной репрессии, что для обстоятельств, усиливающих наказание, должен предусматриваться такой порядок их применения, чтобы не происходило неоправданного ограничения прав и свобод человека.

Ч. 1 ст. 63 УК РФ содержит закрытый перечень обстоятельств, отягчающих наказание, а ч. 2 этой статьи предусматривает запрет двойного учета данных обстоятельств при назначении наказания. Из этих двух законодательных установлений следует, что наказание может быть усилено строго при наличии указанных в законе обстоятельств, и только один раз – либо при квалификации преступления по соответствующему признаку (когда имеет место квалифицированный состав), либо при назначении наказания с учетом соответствующего отягчающего обстоятельства (при отсутствии аналогичного квалифицирующего признака состава).

П. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве отягчающего наказание обстоятельства предусматривает совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной

организации). Кроме того, в ряде статей Особенной части УК РФ в качестве квалифицирующих признаков закрепляются: совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Данные нормы содержатся в законе в соответствии с положением ч. 7 ст. 35 УК РФ, которое устанавливает, что совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных УК РФ. Таким образом, правовым основанием для содержащегося в п. «в» ч. 1 ст. 63 отягчающего наказание обстоятельства выступает ч. 7 ст. 35 УК РФ.

Если же говорить о социальной обоснованности анализируемого отягчающего наказание обстоятельства, то ее очень точно показывает, например, Р. Р. Галиакбаров. «Общественная опасность может возрастать, когда субъекты отношения объединяются для совместного причинения вреда. Особенно это проявляется в тех случаях, когда люди группируются с целью занятия криминальной деятельностью... На уровень опасности содеянного влияет не только факт совместного осуществления поступка несколькими лицами либо факт образования группы, но и особенности взаимодействия между несколькими участниками одного и того же события, которые соединяют свои интеллектуальные или физические усилия для посягательства на охраняемые интересы» (Галиакбаров, 2007. С. 207). Надо также отметить, что повышенная общественная опасность совершения преступления в составе группы социально обусловливает не только соответствующее квалифицирующее или отягчающее наказание обстоятельство, но и саму их законодательную предпосылку – ч. 7 ст. 35 УК РФ.

За всей очевидностью такой обоснованности в литературе иногда высказывается мнение о возможном исключении п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ по причине того, что законодатель и так во всех случаях, где смог учесть совершение преступления в составе группы в качестве квалифицирующего признака того или иного состава преступления. Однако нужно отметить, что в ч. 7 ст. 35 УК РФ содержится однозначный императив, который затем разворачивается в трех возможных вариантах уголовно-правового значения обстоятельства, повышающего общественную опасность совершенного при его наличии преступления. Для совершения преступления в составе группы это, в частности, а) установление ответственности за сам факт создания такой группы, руководства ею или участия в ней; б) установление совершения преступления той или иной группой в качестве квалифицированного состава; в) учитывая повышенную общественную опасность группового совершения деяния, в качестве своего рода «резервного» варианта – закрепление в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Таким образом, ч. 7 ст. 35 УК РФ реализована в тексте УК РФ через а) установление уголовной ответственности; б) закрепление обстоятельств, дифференциирующих уголовную ответственность; в) закрепление обстоятельств, позволяющих индивидуализировать наказание.

Вызывает вопросы позиция Р. Р. Галиакбарова, когда он разделяет ситуации, когда совершение в составе группы предусмотрено в качестве квалифицирующего признака состава преступления статьей Особенной части УК РФ, и когда таковое не предусмотрено, относя первые случаи к форме соучастия «групповое преступление» а вторые – к форме соучастия «соисполнительство» (Галиакбаров, 2007. С. 226–229). При этом совершенно игнорируется предусмотренное в качестве отягчающего наказание обстоятельства в п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы, преступного сообщества (преступной организации), которое как раз и рассчитано на те случаи, когда престу-

пление совершено группой, а квалифицирующий признак в составе отсутствует (при совершении, например, посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа, предусмотренного в ст. 317 УК РФ). Как отмечается, например, А. В. Бриллиантовым и С. А. Разумовым, «диспозиции многих статей Особенной части УК РФ не предусматривают форм соучастия в качестве составообразующих или квалифицирующих признаков, поэтому в этих случаях они могут быть признаны отягчающими обстоятельствами» (Комментарий..., 2016). Определения понятий при этом, используемых в п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ, даются в чч. 1–4 ст. 35 УК РФ, равно как и при раскрытии соответствующих квалифицирующих признаков составов преступлений. В связи со сказанным необходимо подчеркнуть важность внимательного отношения не только к правилам квалификации преступлений, но и к правилам назначения наказания.

Б). Особо активная роль в совершении преступления.

Это обстоятельство, отягчающее наказание, также относится в полном объёме к преступлениям, совершаемым в соучастии. Предусмотрено п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ. С позиций системного толкования перед нами частный случай общего правила, предусмотренного ч. 1 ст. 67 УК РФ – «при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, учитываются характер и степень фактического участия лица в преступлении...». Соответственно именно ч. 1 ст. 67 УК РФ необходимо считать правовым основанием п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Однако названная норма сама, в свою очередь, производна от ч. 1 ст. 34 УК РФ – «Ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления». Норма об учете особо активной роли в преступлении, таким образом, выступает уточняющим содержание ч. 1 ст. 34 и ч. 1 ст. 67 УК РФ положением, позволяющим, кроме того, выполнить требование о строго индивидуальном подходе к назначению наказания.

Отсюда можно вывести ещё одну законодательную предпосылку, ещё одно правовое основание п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ – положения ч. 3 ст. 60 УК РФ об учете степени общественной опасности деяния при назначении наказания. Согласно же последовательной правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, выраженной на сегодняшний день в постановлении от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами РФ уголовного наказания». В п. 1 этого постановления указывается, что «степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от... роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии». Там же закреплено положение согласно которому «обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (статьи 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, особо активная роль в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления»[1]. Таким образом, отягчающее наказание обстоятельство, предусмотренное п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ с юридической стороны опирается на общее правило о пределах ответственности соучастников преступления, предусмотренное ч. 1 ст. 34 УК РФ, на общее правило назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, предусмотренное ч. 1 ст. 67 УК РФ, а также конкретизирует одно из содержащихся в ч. 3 ст. 60 УК РФ общих начал назначения наказания.

Проанализируем содержание искомого обстоятельства. Особо активная роль в совершении преступления – наибольшее

[1] О практике назначения судами РФ уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru(20.03.2022).

с точки зрения действующего уголовного закона выражение степени фактического участия лица в совершении преступления, которое признается отягчающим наказание обстоятельством. Можно таким образом заключить, что степень фактического участия в совершении преступления в минимуме находит выражение в исключительных обстоятельствах, связанных с ролью виновного, позволяющих выйти за пределы санкции статьи Особенной части УК РФ, а в максимуме отражается в отягчающем наказание обстоятельстве «особо активная роль в совершении преступления», установление которого позволяет усилить меру наказания в пределах санкции статьи Особенной части УК РФ.

Приведем теоретические позиции, свидетельствующие в пользу отнесения пп. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ к правилам назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии. Н. А. Лопашенко указывает, что «это обстоятельство также связано с совершением преступления в соучастии (!), однако для его учета в качестве отягчающего наказание обстоятельства необходима даже не просто активная, а особо активная роль виновного в совершении преступления. Под ней понимается инициативное поведение соучастника (любого, на разных стадиях совершения преступления им могут быть разные соучастники) в процессе подготовки и осуществления преступления» (Лопашенко, 2021. С. 179). Исключительно со случаями совершения преступления в соучастии связывает данное обстоятельство Т. В. Непомнящая (Непомнящая, 2012. С. 231).

Становский М. Н. также отмечает, что «речь об особо активной роли лица в совершении преступления можно вести речь только в случаях, когда преступление совершено в соучастии в любой форме его проявления; признание данного обстоятельства отягчающим наказание при совершении преступления одним лицом является необъективным» (Становский, 2008. С. 393). Он немного подробнее расшифровывает данное обстоятельство: особо активная роль виновного может проявляться на любой стадии совершения преступления; она может принадлежать не обязательно организатору, но и другим соучастникам преступления; при этом, поскольку закон говорит не просто об активной роли лица в совершении преступления, а указывает на его особую активность, постольку поведение виновного в совершении преступления должно выражаться не просто в каких либо предложениях, инициативах, а в организаторстве, лидерстве во всех проявлениях, сплочении других участников, поддержании дисциплины и т. п. (Становский, 2008. С. 394). И в заключение рассмотрения вопроса М. Н. Становский отмечает, что поскольку данное обстоятельство не является квалифицирующим признаком ни одного состава преступления, то фактически при наличии к тому оснований оно может быть признано отягчающим наказание того или иного лица по любому делу о групповых преступлений с приведением соответствующих мотивов (Становский, 2008. С. 396).

Развернутую характеристику анализируемому отягчающему наказание обстоятельству дает В. И. Зубкова. «Об особо активной роли виновного следует говорить только в том случае, когда преступление совершается в соучастии (!) как при соисполнительстве, так и соучастии в тесном смысле слова, поскольку только в групповых преступлениях должна выявляться и устанавливаться роль каждого участника преступления. Лицо, проявившее особо активную роль в совершении преступления, представляет наибольшую опасность среди других участников преступления. Следует подчеркнуть, что закон говорит не просто об активной роли лица в совершении преступления, а указывает на его «особую» активность. Отсюда следует, что поведение виновного в совершении преступления должно выражаться не просто в каких-либо предложениях, инициативах, а, например, организаторстве, сплочении других участников, лидерством во всех проявлениях и т. д. Особо активная роль вино-

вного, как обстоятельство, отягчающее наказание, должна быть судом мотивирована в приговоре с указанием конкретных действий, которые свидетельствуют об этом» (Зубкова, 2020. С. 139).

Судебная коллегия ВС РФ на довод жалобы осужденного о том, что он считает необоснованным вывод суда о его особо активной роли в совершении преступления, указывает, что ведущую роль в организации и совершении убийства выполнял второй подсудимый, который получил менее строгое наказание из-за того, что суд не в полном объеме исследовал обстоятельства участия в преступлении каждого из обвиняемых, дала следующий ответ: «Также судом указано в приговоре, что в соответствии со ст. 67 УК РФ при назначении наказания учитывается характер и степень фактического участия каждого из подсудимых в совершении преступления. При этом судом обоснованно признано, что особо активную роль в совершении преступления выполнил Набатов, выводы суда об этом убедительно мотивированы. Установленные в судебном заседании фактические обстоятельства дела опровергают доводы апелляционной жалобы Набатова о том, что ведущую роль в организации и совершении убийства выполнял другой соучастник. Таким образом, доводы осужденных о том, что суд не в полной мере исследовал обстоятельства, предусмотренные ст. 67 УК РФ, и сделал о них неверные выводы, оставив их без учета при назначении наказания, являются несостоятельными»[2].

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021) рассмотрено несколько примеров неправильного применения нормы уголовного закона об учете особо активной роли в преступлении в качестве обстоятельства, отягчающего наказания. При этом основной ошибкой нижестоящих судов Верховный Суд РФ называет отсутствие либо неполный характер мотивировки учета названного обстоятельства. В качестве представляющего особый интерес хотелось бы упомянуть Определение N 5-УД20-91-К2, в котором содержится пример двойного учета обстоятельств совершения преступления как основания для изменения приговора, вследствие неправильного применения уголовного закона: Организация совершения преступлений и руководство их исполнением (ч. 3 ст. 33 УК РФ) является признаком объективной стороны соответствующих преступлений и в силу ч. 2 ст. 63 УК РФ не может повторно учитываться в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Приведем essentia solutio по нашему вопросу.

«Как усматривается из приговора, суд при назначении осужденному наказания на основании п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ признал обстоятельством, отягчающим наказание, особо активную роль в совершении преступлений. При этом судом установлено, что осужденный Б. являлся организатором и руководителем созданной им организованной группы, определял роли и степень участия в реализации единого преступного умысла каждого из участников преступлений, координировал их действия, разработал преступный план действий, разрешал вопросы финансового и материально-технического обеспечения организованной группы, соблюдения мер конспирации при ведении преступной деятельности и придания преступным действиям соучастников видимости законных. Эти действия осужденного квалифицированы судом по ч. 3 ст. 33 УК РФ. Между тем организация совершения преступлений и руководство их исполнением сами по себе предполагают особо активную роль лица в совершении преступлений и являются признаками объективной стороны совершенных преступлений.

В соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ, если отягчающее обстоятельство предусмотрено

[2] Апелляционное определение от 17 октября 2017 г. N 53-АПУ17-22 // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru (18.01.2022).

соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно не может повторно учитываться при назначении наказания. Иных обстоятельств, помимо организации совершения преступлений и руководства их исполнением, позволяющих признать особо активную роль осужденного Б. в совершении преступлений, судом в приговоре не приведено. Кроме того, в соответствии с п. 4 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания. Однако обоснование вывода об особо активной роли осужденного в совершении преступлений при признании такого отягчающего обстоятельства судом не приведено.

В связи с этим Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор, кассационное определение, исключила из описательно-мотивировочной части приговора указание о признании в качестве отягчающего наказание обстоятельства особо активную роль осужденного в совершении преступлений и смягчила назначенное Б. наказание по ч. 3 ст. 33 и ч. 4 ст. 160 УК РФ до 5 лет 10 месяцев лишения свободы, по ч. 3 ст. 33 и ч. 2 ст. 201 УК РФ (два преступления) до 4 лет 10 месяцев лишения свободы с лишением права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций сроком на 3 года за каждое[3].

Из приведенных теоретических и практических материалов следует ряд выводов относительно юридических свойств особо активной роли лица в преступлении как отягчающего наказание обстоятельства. Во-первых, это обстоятельство касается только преступлений, совершенных в соучастии, и представляет собой специальное правило по отношению к ч. 1 ст. 67 УК РФ, применяется в его развитии, для уточнения и большей детализации его содержания. Во-вторых, сформулировано с помощью оценочного термина оценочного характера – ***особо** активная* роль, что предполагает не просто установление роли и активности лица при ее исполнении, а сравнительный аспект – сопоставление с активностью других соучастников и явное над ними превосходство в интенсивности преступной деятельности. Наконец, в-третьих, как и другие смягчающие и/или отягчающие (равно как и иные индивидуализирующие наказание) обстоятельства, обстоятельство, предусмотренное пп. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ может применяться только тогда, когда не является признаком состава преступления. Поскольку же среди соучастников, предусмотренных ст. 33 УК РФ, есть роли, предполагающие значительную степень активности лица в преступлении (организатор, в частности), постольку при мотивировке признания анализируемого обстоятельства в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, необходимо обосновывать особую активность лица как относительно действий других соучастников, так и относительно обычного содержания вменяемой ему роли.

Следует, однако, заключить, что, несмотря на сложный по содержанию характер особо активной роли лица в преступлении как обстоятельства, отягчающего наказание, его наличие в уголовном законе уточняет общее правило назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии «учет степени фактического участия лица в совершении преступления» и позволяет реализовать строго индивидуальный подход при назначении уголовного наказания. С позиций социальной обусловленности особо активная роль в преступлении выступает не только характеристикой содеянного, но и ещё характеристикой личности виновного, его поведенческих особенностей, антисоциальной поведенческой установки, что как раз и учитывается законодателем при

[3] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2021)" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021) // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru (23.03.2022).

закреплении данного обстоятельства в качестве отягчающего наказание. Развернутая правовая и социальная обоснованность предусмотренного п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ отягчающего наказание обстоятельства делает сомнительными попытки обосновать необходимость исключения этого обстоятельства из УК РФ.

В). Привлечение к совершению преступления лиц, которые страдают тяжелыми психическими расстройствами либо находятся в состоянии опьянения, а также лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность.

Третье обстоятельство, отягчающее наказание, которое отчасти имеет отношение к назначению наказания за преступление, совершенное в соучастии, предусмотрено пп. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ. «Имеет отчасти», поскольку формулировка охватывает случаи, когда субъектом преступления выступает лишь один участник, который в чистом виде к соучастию не относится. Однако, если воспользоваться более широким термином «правила назначения наказания за преступление, совершенное несколькими лицами», то в объём этого понятия данное обстоятельство входит.

Подобную позицию в литературе хорошо формулирует Н. А. Лопашенко. По ее мнению, данный пункт содержит три самостоятельных отягчающих наказание обстоятельства: 1) привлечение к совершению преступления лиц, которые страдают тяжелыми психическими расстройствами; 2) привлечение к совершению преступления лиц, которые находятся в состоянии опьянения; 3) привлечение к совершению преступления лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность. «Все они имеют отношение к групповому способу совершения преступления как связанному, так и не связанному с соучастием, или же к посредственному причинению» (Лопашенко, 2021. С. 180). Достаточно подробно в современной уголовно-правовой литературе групповой способ совершения преступления проанализировал Н. А. Бабий, отразив позиции сторонников такого явления. При этом сам он применительно к квалификации преступления относится к выделению группового способа весьма критически. «Групповой способ совершения преступления даже при субъекте и не субъекте повышает опасность преступления, но не изменяет квалификацию преступления, поскольку именно в этом сочетании не является конститутивным или квалифицирующим признаком объективной стороны состава преступления» (Бабий, 2013. С. 228).

Однако мы анализируем не квалифицированные составы преступлений, а обстоятельство, отягчающее наказание, и в действующей редакции п. «д» ч. 1 ст. 63 перечисляются категории лиц, привлекаемых к совершению преступления, независимо от того, были они субъектами преступления или нет. Таким образом, это отягчающее наказание обстоятельство к правилам назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, относится лишь в той части, в которой лицо привлекает к ответственности лиц, подлежащих в соответствии с главой 14 УК РФ уголовной ответственности. Зато его вполне можно рассмотреть как правило назначения наказания при совершении преступления несколькими лицами (в т. ч. без признаков соучастия). По сути говоря именно п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ позволяет без прибегания к расширительному толкованию уголовного закона, законно учесть групповой «способ» совершения преступления если не при его квалификации, то при назначении наказания. Здесь отражается повышенная степень общественной опасности содеянного фактически группой, но юридически единолично, которая выступит социальным основанием данного обстоятельства. Другим социальным основанием выступает повышенная общественная опасность личности виновного, который привлекает для совершения преступления лиц, которые страдают тяжелыми психическими расстройствами либо находятся в состоянии опьянения, а также

лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность.

Как правильно отмечает В. Н. Воронин, степень общественной опасности преступления, совершенного посредством лиц, указанных в данном пункте, является довольно высокой, за счет того, что они обладают внушаемостью, и их легко привлечь к совершению преступления, при этом сам привлекающий может с высокой вероятностью избежать уголовной ответственности (Воронин, 2015. С. 140). М. Н. Становский, опираясь на высказанные в юридической литературе позиции, выделяет ряд оснований для признания указанных в пп. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ лиц «легко доступными» для привлечения к совершению преступления: 1) наличие у больного психических расстройств обусловливает его высокую степень внушаемости; 2) в случаях нахождения лица в состоянии опьянения оно как бы лишается защиты собственного характера и становится доступным любым негативным воздействиям – приобретает полную зависимость от случая; 3) в силу определенных особенностей психики подростков – не достигших возраста уголовной ответственности – они могут совершать преступления из озорства, ухарства, подражания, что также облегчает виновным задачу для привлечения несовершеннолетних к достижению своих преступных целей (Становский, 2008. С. 396–398). Поскольку в анализируемом отягчающем наказание обстоятельстве речь идет именно о привлечении таких лиц к совершению преступления, т. е. о целенаправленной деятельности, постольку виновному свойства этих лиц известны. Следовательно, правы те авторы, которые говорят об объективной и субъективной характеристиках данного обстоятельства: если групповой способ выступает объективной, то привлечение именно перечисленных в пп. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ лиц, свидетельствующее об особом цинизме и беспринципности виновного лица – субъективной характеристикой.

В качестве одной из возможных непосредственных правовых оснований анализируемого отягчающего наказание обстоятельства выступает, на наш взгляд, ч. 2 ст. 33 УК РФ в части регламентации опосредованного исполнителя преступления – «исполнителем признается лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом». Соисполнителями мы привлекаемых им лиц признать не можем, и с точки зрения уголовно-правовой регламентации соучастия он должен нести ответственность за единолично совершенное преступление (всякая иная квалификация будет расширительным толкованием уголовного закона не в пользу лица, совершившего преступление), но вменение ему отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного в п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ позволяет соблюсти и принцип справедливости, и принцип законности, и требование о строго индивидуальном подходе к назначению наказания.

Таким образом, действующий УК РФ в ч. 1 ст. 63 предусматривает по меньшей мере три отягчающих наказание обстоятельства, применение которых предполагает уголовно-правовую оценку преступления как совершенного в соучастии. В качестве правовых оснований регламентации усиления наказания в предусмотренных пп. «в», «г» и «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ необходимо рассматривать общие положения об ответственности соучастников, содержащиеся в ст. 34 УК РФ (в частности, ч. 1), ч. 7 ст. 35 УК РФ (предполагающая предусмотрение более строгого наказания за совершение преступления в составе той или иной группы), а также в ряде случаев непосредственно принцип законности и принцип справедливости, равно как и требование строго индивидуального подхода к назначаемому наказанию. Социально же обусловливает усиление наказания в названных случаях повышенная общественная опасность содеянного, возникающая вследствие наличия предусмотренных в пп. «в», «г» и «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельств.

Список источников / References

Бабий Н. А. Множественность лиц в преступлении и проблемы учения о соучастии: монография. М.: Юрлитинформ, 2013.

Babii N. A. (2013) Plurality of persons in a crime and problems of the doctrine of complicity: monograph. Moscow: Publishing house “Yurlitinform”. (In Russ.)

Воронин В. Н. Индивидуализация наказания: понятие, критерии, значение. Москва: Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, 2015.

Voronin V. N. (2015) Individualization of punishment: concept, criteria, meaning. Moscow: Kutafin Moscow State Law University (MSAL). (In Russ.)

Галиакбаров Р. Р. Формы соучастия // Энциклопедия уголовного права. СПб.: Издание профессора Малинина, 2007.

Galiakbarov R. R. (2007) Forms of complicity. *Entsiklopediya ugolovnogo prava = Encyclopedia of Criminal Law.* Saint Petersburg: Edition of Professor Malinin. (In Russ.)

Зубкова В. И. Уголовное наказание по законодательству России и стран Европы: монография. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2020.

Zubkova V. I. (2020) Criminal punishment under the legislation of Russia and European countries: monograph. Moscow: Publishing house “Yurlitinform”. (In Russ.)

Бриллиантова А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Изд-во «Проспект», 2016.

Brilliantova A. V. (2016) Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Moscow: Publishing house “Prospekt”. (In Russ.)

Кругликов Л. Л. Общие начала назначения наказания // Энциклопедия уголовного права. СПб.: Издание профессора Малинина, 2008.

Kruglikov L. L. (2008) General principles of sentencing. *Entsiklopediya ugolovnogo prava = Encyclopedia of Criminal Law.* Saint Petersburg: Edition of Professor Malinin. (In Russ.)

Лопашенко Н. А. Институт назначения уголовного наказания: уголовно-правовое исследование // Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс. Назначение наказания. М.: Юрлитинформ, 2021.

Lopashenko N. A. (2021) The institution of sentencing: a criminal law study. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast’. Nakazanie. Akademicheskii kurs. Naznachenie nakazaniya = Criminal law. A common part. Punishment. Academic course. Sentencin.* Moscow: Publishing house “Yurlitinform”. (In Russ.)

Мясников О. А. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в теории, законодательстве и судебной практике. М. : Юрлитинформ, 2002.

Myasnikov O. A. (2002) Mitigating and aggravating circumstances in theory, legislation and judicial practice. Moscow: Publishing house “Yurlitinform”. (In Russ.)

Непомнящая Т. В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012.

Nepomnyashchaya T. V. (2012) Measure of criminal punishment: problems of theory and practice: monograph. Moscow: Publishing house “Yurlitinform”. (In Russ.)

Непомнящая Т. В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.

Nepomnyashchaya T. V. (2006) Assignment of criminal punishment: theory, practice, prospects. Saint Petersburg: R. Aslanov Publishing House “Legal Center Press”. (In Russ.)

Плаксина Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: монография. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2006.

Plaksina T. A. (2006) Social bases of the circumstances qualifying the murder and their legal expression in the signs of the corpus delicti: monograph. Barnaul: Publishing House Altai State University. (In Russ.)

Становский М. Н. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства. СПб.: Издание профессора Малинина, 2008.

Stanovskii M. N. (2008) Mitigating and aggravating circumstances. Saint Petersburg: Edition of Professor Malinin. (In Russ.)

Информация об авторе

Егор Алексеевич Куликов,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат юридических наук, доцент,
Алтайский государственный университет,
656049, г. Барнаул, проспект Ленина, 61,
Российская Федерация,
kulikoveg@yandex.ru

Information about the Author

Egor A. Kulikov,
Cand. Sci. (Juridical Sciences),
Associate Professor of Criminal Law and Criminology Department,
Altai State University,
61 Lenin Avenue, Barnaul 656049,
Russian Federation,
kulikoveg@yandex.ru

Вклад автора

Автор выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

The Author carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 20 апреля 2022 г.; одобрена после рецензирования 23 мая 2022 г.; принята к публикации 10 июня 2022 года

Information about the article

The article was submitted April 20, 2022; approved after reviewing May 23, 2022; accepted for publication June 10, 2022.

Оригинальная статья / Original article
УДК 343.6

Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника, совершающего преступления против общественной безопасности и общественного порядка

© Ю. А. Евстратова[1], Д. В. Самусевич[2]
[1]Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
[2]Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя России генерала армии Е. Н. Зиничева, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

***Аннотация**:* В статье рассмотрена криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника, совершающего преступления в сфере общественной безопасности и общественного порядка. Особое внимание уделено причинам и условиям, способствующим формированию умысла совершения преступного деяния, рассмотрены основные группы преступных мотивов, присущих несовершеннолетним преступникам. Также исследованы мероприятия по профилактике, пресечению и предупреждению данного вида преступности как в отношении отдельных лиц, так и носящих общий характер. В качестве вывода обосновано выдвинуто положение о том, что систематическая профилактическая работа в образовательной системе города вполне справляется с функцией профилактики и предупреждения преступности в среде молодежи. Также отмечается эффективность таких мероприятий, как семейное консультирование, просветительская работа, направленная на объяснение важности соблюдения законов и формирование культуры поведения, массовые мероприятия, творческая деятельность, спортивные мероприятия и соревнования, а также всевозможные тренинги.

***Ключевые слова**:* криминология, преступность, детерминанты, национальная безопасность, Уголовный кодекс

Для цитирования: Евстратова Ю. А., Самусевич Д. В. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника, совершающего преступления против общественной безопасности и общественного порядка // *Социальная компетентность.* 2022. Т. 7. № 2–3. С. 142–150.

Criminological characteristics of the personality of a minor criminal who commits crimes against public safety and public order

© Yuliana A. Evstratova[1], Darya V. Samusevitch[2]
[1]St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation.
[2]St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after the Hero of Russia General of the Army E. N. Zinichev, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article considers the criminological characteristics of the personality of a juvenile offender completing a crime in the field of public security and public order. Particular attention is paid to the causes and conditions that contribute to the formation of the intent to commit a criminal act, the main groups of criminal motives inherent in juvenile offenders are considered. Measures for the prevention, suppression and prevention of the considered type of crime, both in relation to individuals and those of a general nature, were also investigated. As a conclusion, the position that systematic preventive work in the educational system of the city is fully coping with the function of preventing and preventing crime among young people is justified. The effectiveness of such events as family counseling, educational work aimed at explaining the importance of compliance with laws and the formation of a culture of behavior, public events, creative activities, sports events and competitions, as well as all kinds of trainings is also noted.

Keywords: Criminology, criminality, determinants, national security, criminal code

For citation: Evstratova Y. A., Samusevitch D. V. (2022) Criminological characteristics of the personality of a minor criminal who commits crimes against public safety and public order. *Sotsialnaya kompetentnost = Social Competence*. Vol. 7. No. 2-3. P. 142-150. (In Russ.)

Введение

21 сентября 2022 года Владимир Владимирович Путин подписал Указ № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации». В соответствии с данным документом принято постановление: «Объявить с 21 сентября 2022 года в Российской Федерации частичную мобилизацию. Осуществить призыв граждан Российской Федерации на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации» и т. д. Криминально-протестное движение не заставило себя ждать. Вечером 21 сентября в российских городах прошли акции протеста против частичной мобилизации. По состоянию на 22 сентября в 30 городах России были задержаны 1054 человека, сообщает проект «ОВД-Инфо» (признан иноагентом в России): в Петербурге – более 230, в Москве – более 190, в Екатеринбурге – около 40 человек. В ходе проведения научного круглого стола представители правоохранительный органов заявили, что на митинги вышло 24 процента несовершеннолетних, из них 70 – лиц женского пола, причем многие ранее привлекались к административной ответственности, в том числе к уголовной ответственности. В связи с этим возникла необходимость изучения личности несовершеннолетнего преступника, совершающего преступления против общественной безопасности.

С 4 марта действует и уголовная ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности (Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ), а с 5 апреля – также и за публичные действия, направленные на дискредитацию исполнения государственными органами РФ своих полномочий в указанных целях (Федеральный закон от 25 марта 2022 г. № 63-ФЗ). Диспозиция соответствующей ст. 280.3 Уголовного кодекса повторяет диспозицию ст. 20.3.3 КоАП РФ – только с оговоркой, что уголовные санкции применяются в случае, если перечисленные в статье нарушения совершены лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года.

В данной научной статье мы рассмотрим личность несовершеннолетнего преступника, детерминанты и обозначим конструктивные предложения по профилактике.

Личность преступника

Личность преступника представляет собой сложное понятие, поскольку находится на стыке нескольких наук и затрагивает такие сферы изучения, как криминология, психология и др. Понимается она как «совокупность интегрированных в ней социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми» (Антонян, Эминов, 2018. С. 9). При этом, как правило, общими особенностями личности преступника являются искажение жизненных ценностей, низкий уровень развития, малокультурность и др. (Антонян, Еникеев, Эминов, 2000. С. 344).

Структура личности преступника представляет собой совокупность и соотношение криминологически значимых социальных черт и психологических свойств личности преступника (Антонян, Еникеев, Эминов, 2000. С. 384–385). Криминологическая характеристика личности преступника включает в себя следующие основные группы особенностей: социально-демографические признаки (пол, возраст, образование и др.), нравственные качества (взгляды и интересы), а также психологические особенности (эмоциональные, волевые и интеллектуальные свойства).

В литературе существует точка зрения, в соответствии с которой общественно опасная личность формируется задолго до личности преступника (Ковалева,

2015. С. 115). Из этого следует, что непосредственно до совершения преступления лицо обладает только потенциально опасными для социума качествами, но ещё не является преступной личностью. Поведение лица, имеющего такие потенциально опасные для общества качества, может выражаться, например, в нарушении установленной дисциплины или в совершении административных правонарушений. Ярким примером являются протестные движения в Санкт-Петербурге, после официального опубликования Указа Президента о частичной мобилизации.

Личность несовершеннолетнего преступника, будучи составной частью общего понятия личности преступника, характеризуется своими особенностями. Ю. М. Антонян убеждён, что в силу бо̀льшей подверженности внешнему влиянию несовершеннолетние представляют собой наиболее криминально поражённую и наименее защищённую категорию населения (Антонян, 2017. С. 201).

Под несовершеннолетним делинквентом понимается «лицо, обладающее привычками, склонностями, устойчивыми стереотипами антиобщественного поведения» (Чванов, 2015. С. 132). При этом характерными чертами таких несовершеннолетних зачастую выступают неуравновешенность, тщеславие, неспособность к сочувствию, агрессивность. Агрессия представляет собой действие, которое наносит физический вред или психическую травму окружающим и сопровождается такими негативными эмоциями, как гнев, враждебность и ненависть (Антонян, Еникеев, Эминов, 2018. С. 331).

Г. И. Забрянский отмечает особую важность построения среднестатистической модели образа несовершеннолетнего правонарушителя и с этой целью предлагает рассматривать следующие параметры: пол, возраст, аутсайдерство, ценностные ориентации, занятость, криминальную карьеру (Забрянский, 2013. С. 235). Характеризуя личность несовершеннолетних правонарушителей, Ю. М. Антонян называет следующие присущие им особенности: отсутствие интереса к познавательной деятельности; отсутствие способности к сочувствию; неспособность устанавливать и поддерживать стабильные взаимоотношения; стремление к быстрому получению низменных удовольствий, не прилагая никаких усилий; переменчивое настроение со склонностью к вспыльчивости и раздражительности; презрительное отношение к общечеловеческим ценностям; эгоизм, оправдание своих неправомерных поступков; высокая предрасположенность к внешнему воздействию; раннее пристрастие к разнообразным вредным привычкам (Антонян, 2017. С. 207–208).

Девиантное поведение – это результат асоциального развития личности (Антонян, Еникеев, Эминов, 2018. С. 335). Такое отклоняющееся поведение принято подразделять на следующие виды: преступное (криминальное), делинквентное (допреступное) и аморальное (безнравственное) (Бутова, 2019. С. 271). Как уже было отмечено ранее, несовершеннолетние преступники придерживаются искажённых взглядов на жизнь и общество. Р. М. Абызов определяет формирование личностных деформаций как укрепление в поведении лица действий, отклоняющихся от общепринятых в обществе норм, правил морали, а также стандартов социально одобряемого поведения (Абызов, 1998. С. 13).

Отличительной чертой большинства несовершеннолетних выступает их конфликтность. В литературе выделяют следующие факторы, влияющие на неумение подростков адекватно разрешать конфликты: отсутствие жизненного опыта, нерешительность и неспособность отстаивать свою точку зрения

Т. М. Зайко отмечает, что эмоционально-волевая сфера несовершеннолетних преступников также искажена (Зайко, 2017. С. 14). Она, как и другие исследователи подростковой преступности, отме-

чает, что такие несовершеннолетние лишены самокритичности, сочувствия. В то же время они перманентно находятся в состоянии подавленности, страха, а также эмоциональной нестабильности.

Таким образом, специфика личности несовершеннолетнего преступника состоит в следующем:

1) антиобщественная опасность личности характеризуется деформациями как в социальной, так и в биологической сферах;

2) предрасположенность к совершению преступлений может проявляться в нарушении дисциплины, совершении административных правонарушений;

3) подавляющее большинство (2/3) несовершеннолетних преступников находятся в возрастной группе 16–17 лет;

4) на протяжении, как минимум, последних 5 лет представительницы женского пола составляют треть от общего числа несовершеннолетних преступников;

5) большинство несовершеннолетних преступников имеют начальное, основное общее или среднее (полное) общее образование;

6) наличие искажённых взглядов, пренебрежение общепринятыми нормами поведения, положительное отношение к вредным привычкам;

7) отсутствие способности к сочувствию, в то же время сами подростки чувствительны и одновременно жестоки;

8) наличие неадекватной самооценки и желания самоутвердиться;

9) повышенная конфликтность и неспособность принимать аргументированные решения.

Уполномоченный при Президенте России по правам ребенка Анна Кузнецова условно выделяет несколько категорий несовершеннолетних преступников, участвующих в несанкционированных акциях протеста. «Совсем маленькие дети с родителями, которые не понимают куда пришли, зачем пришли – их привели туда родители. Вторая группа детей – это подростки около 16–17 лет, которые представляли, куда идут. Эти дети понимали чем они рискуют. Существует и третья группа – дети 9–13 лет. Им было просто интересно посмотреть, что происходит. Корреспондент журнала «МЕЛ» провела опрос с некоторыми участниками одного из несанкционированных митингов, приведем результаты в научной статье:

«З., 13 лет: «Я пришла, потому что я против несправедливости. В школе нам хотели сделать экзамен по физике в субботу с обязательной явкой, но у них все пошло не по плану (со временем промахнулись). Здесь есть мои одноклассники – некоторые с родителями. Моя мама сказала, что сама не пойдет, но отпустила нас с сестрой. Я считаю, что без объяснений задерживать и избивать людей - неправильно и недопустимо».

«В., 14 лет: «Мы с друзьями пришли на митинг, потому что нам интересно. *Мама разрешила мне идти, а в школе обещали оторвать голову. Многие не пошли, но мне не страшно. Что могут сделать? На учет поставить или исключить из школы, но мне все равно».*

«А., 15 лет: «Я просто пришла выразить свою гражданскую позицию. *В школе нам ничего не говорили про митинг, мои родители в курсе, где я нахожусь, относятся спокойно. Я в курсе про штрафы и задержания, мы к этому готовы».*

«Г., 17 лет: «Я пришёл посмотреть и понаблюдать, что из этого выйдет. На месте учебы нам предложили в субботу пойти в театр, из моего класса сюда пришел я один. Видеть все вживую намного интереснее, чем наблюдать за трансляциями. Родители в курсе, отреагировали 50/50 – сказали, постарайся, чтобы тебя не задержали. О последствиях задержания я знаю, но не думаю, что с кем-то что-то сделают».

Детерминанты преступности несовершеннолетних

Подростковая преступность предопределена совокупностью отрицательных факторов как окружающей среды, так и

личностью самого несовершеннолетнего преступника (Зайко, 2017. С. 22). Детерминанты преступности – это конкретные обстоятельства, порождающие и обуславливающие данное негативное явление (Антонян, Еникеев, Эминов, 2017. С. 337). Причины преступности рассматриваются как негативные социально-психологические обстоятельства, включающие элементы экономической, политической, правовой психологии, порождающие преступность как следствие (Рябцев, 2015. С. 169).

В соответствии с точкой зрения Е. В. Демидовой-Петровой, несовершеннолетнее лицо выступает резервуаром накопления суммы воздействия всех криминогенных факторов, проявляющихся как при взрослении, так и на последующих стадиях социализации – в ходе трудовой деятельности, семейной жизни (Демидова-Петрова, 2019. С. 91–92).

При этом, по мнению автора, действие указанных факторов будет усиливаться под влиянием негативных явлений и процессов социального, идеологического, духовного, а также социально-психологического характера.

Общесоциальными причинами и условиями преступности несовершеннолетних выступают такие социальные противоречия, как, например, конкурентное развитие экономических процессов, социальной сферы, а также духовной культуры.

Ещё одной из немаловажных проблем стало то, что в связи с развитием информационных технологий, вынужденным дистанционным обучением по средствам глобальной сети Интернет, подростки стали чаще сталкиваться с социальными сетями, которые переполнены контентом с использованием фейковой информации, ненормативной лексики и призывом к экстремизму, что негативно влияет на эмоциональную незрелость подростков. «Число обращений, связанных с информационной безопасностью детей, за время пандемии выросло на 46 %. Речь идет не только об откровенно вредном контенте в Интернете, но и о призывах к опасному поведению и совершению незаконных действий». Об этом в эксклюзивном интервью программе «Поздняков» рассказала уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка Анна Кузнецова, касаясь темы участия несовершеннолетних в несанкционированных акциях протеста.

Одними из основных типов дисгармоничного воспитания, рассматриваемых в психологии, являются следующие:

1) гипопротекция, характеризующаяся недостаточным уровнем заботы, внимания, опеки и контроля;

2) гиперпротекция, характеризующаяся чрезмерной заботой родителей;

3) противоречивое воспитание, когда выбранные воспитательные тактики в отношении одного ребёнка несовместимы;

4) воспитание по типу повышенной моральной ответственности, основывающееся на необычайно высоких требованиях, предъявляемых к ребёнку;

5) гиперсоциализирующее воспитание, выражающееся в тревожно-мнительной концентрации родителей на социальном статусе ребёнка, его успехах и достижениях;

6) жестокое обращение с ребёнком;

7) воспитание в культе болезни – ребёнку навязывается роль «больного члена семьи»;

8) воспитание вне семьи (например, детские дома, интернаты и т. д.) (Карабанова, 2005. С. 198–202).

Как справедливо отмечается в литературе, основная функция семьи заключается как в правильном воспитании ребёнка, так и в его успешной социализации в соответствии с общепринятыми в обществе нормами (Антонян, Коновалова, 2016. С. 116).

Под предупреждением преступности понимается многоуровневая система осуществляемых различными субъектами мер воздействия на обстоятельства, обуславливающие совершение преступле-

ний, с целью их нейтрализации, устранения, а также мер воздействия на лиц, действия которых демонстрируют реальную возможность совершения ими преступных деяний. В зависимости от стадии развития указанных обстоятельств меры воздействия выражаются в конкретной форме – профилактике, предотвращении или пресечении.

Предупреждение преступности может осуществляться на общесоциальном и специально-криминологическом уровнях. Меры, рассматриваемые на общесоциальном уровне, предполагают различные мероприятия, направленные на повышение благосостояния общества, развитие общественных отношений, совершенствование демократии, а также повышение правосознания (Павлухин, 2017. С. 10). В то время как под специально-криминологическими мерами понимаются целенаправленные мероприятия по устранению и нейтрализации конкретных криминогенных факторов (Иванцов, 2015. С. 93).

Для решения проблем, связанных с недостатками семейного воспитания, системы образования, а также с негативным влиянием СМИ предлагается следующий комплекс мер по профилактике противоправного поведения несовершеннолетних: 1) создание условий для снижения безнадзорности; 2) сокращение числа правонарушений со стороны несовершеннолетних; 3) создание сети учреждений, осуществляющих профилактическую и социально-реабилитационную работу с подростками; 4) разработка и проведение научных изысканий по проблемам совершенствования методов профилактической работы с несовершеннолетними преступниками и их экспериментальная апробация; 5) организация переподготовки, а также повышения квалификации специалистов по работе с социально-неблагополучными семьями (Друзьяк, 2015. С. 113).

Для профилактики негативного влияния на детей создана платформа «Россия – страна возможностей», которая запустила проект «Цифровая гигиена детей и подростков»: «Проверьте, что делает ваш ребенок в Сети!». Он поможет родителям и детям, которые все чаще сталкиваются в Интернете с мошенниками, угрозами и фейками.

В процессе моделирования программы профилактики преступности несовершеннолетних предлагается уделять особое внимание возрастным, психологическим, физиологическим, а также эмоционально-волевым особенностям личности подростка (Лиховая, 2015. С. 373).

Заключение

Исследование наиболее характерных, типичных черт несовершеннолетних преступников представляет собой адресную составляющую мер профилактики, что позволит конкретизировать и повысить эффективность разрабатываемых программ. Помимо этого стоит обратить внимание на необходимость криминологического сопровождения программ предупреждения преступности несовершеннолетних на протяжении всех этапов её реализации, включая подведение итогов (Демидова-Петрова, 2017. С. 110). Будучи субъектами междисциплинарного познания, криминологии в силах обеспечить необходимую корректировку реализуемых программ в целях достижения наилучших результатов.

В г. Санкт-Петербурге при Правительстве действует Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав. Она осуществляет свою деятельность во исполнение ФЗ № 120, регулярно представляя отчёты о проделанной работе.

Предупреждение и профилактика преступности несовершеннолетних должны быть оперативными и своевременными. В раннем предупреждении преступности среди подростков ключевая роль отведена, в частности, центрам, оказывающим психологическую помощь (Харина, 2017. С. 166). Отмечается, что установление индивидуальных особенностей личности,

а также вовремя проведённая коррекция негативных черт характера позволят предотвратить возможное противоправное поведение в будущем.

Кроме того, проводится систематическая профилактическая работа в образовательной системе города. Отмечается эффективность таких мероприятий, как семейное консультирование, просветительская работа, направленная на объяснение важности соблюдения законов и формирование культуры поведения, массовые мероприятия, творческая деятельность, спортивные мероприятия и соревнования, а также всевозможные тренинги[1].

На наш взгляд, несмотря на наличие разработанных методик, профилактических программ и операций, указанные мероприятия не в полной мере успешны. Кроме того, для более эффективной разработки профилактических мероприятий следует регулярно обращаться к зарубежному опыту.

Список источников / References

Абызов Р. М. Типологические проблемы личностных деформаций несовершеннолетних преступников и их предупреждение. М.: Юридический институт, 1998. С. 13.

Abyzov R. M. (1998) Typological problems of personality deformations of juvenile delinquents and their prevention. Moscow: Yuridicheskii institute. P. 13. (In Russ.)

Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование: монография. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2018. С. 9.

Antonyan Yu. M., Eminov V. E. (2018) Lichnost' prestupnika. Kriminologo-psikhologicheskoe issledovanie: monografiya. Moscow: Norma: NITs INFRA-M. P. 9. (In Russ.)

Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания: монография. Москва: Проспект, 2018. С. 331.

Antonyan Yu. M., Enikeev M. I., Eminov V. E. (2018) Psychology of crime and punishment: monograph. Moscow: Prospekt. P. 331. (In Russ.)

Бутова М. В. Причины развития отклоняющегося поведения несовершеннолетних: коррекция и профилактика // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 2. С. 271.

Butova M. V. (2019) Reasons for the development of deviant behavior in minors: correction and prevention. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Voronezh institute of the Ministry of the interior of Russia.* No. 2. P. 271. (In Russ.)

Демидова-Петрова Е. В. Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения. Казань: ФГКОУ ВО Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2019. С. 91–92.

Demidova-Petrova E. V. (2019) Juvenile delinquency in modern Russia: theoretical, methodological and applied problems of its knowledge and prevention. Kazan': FGKOU VO Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii. P. 91–92. (In Russ.)

Демидова-Петрова Е. В. Методология предупреждения преступности несовершеннолетних в России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4 (42). С. 110.

Demidova-Petrova E. V. (2017) Methodology for preventing juvenile delinquency in Russia. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*. No. 4 (42). P. 110. (In Russ.)

Друзьяк Е. А. Роль органов внутренних дел в предупреждении преступности несовершеннолетних // Территория науки. 2015. № 4. С. 113.

Druz'yak E. A. (2015) The role of internal affairs bodies in the prevention of juvenile delinquency. *Territoriya nauki = Territory of science*. No. 4. P. 113. (In Russ.)

Забрянский Г. И. Криминология несовершеннолетних (социология преступности): монография. Москва: Российская академия адвокатуры и нотариата, 2013. С. 235.

Zabryanskii G. I. (2013) Criminology of minors (sociology of crime): monograph. Moscow: Russian Academy of Barristers and Notaries. P. 235. (In Russ.)

Зайко Т. М. Меры борьбы с преступностью несо-

1 Информационный материал об отдельных положительных практиках работы субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Санкт-Петербурга в сфере профилактики противоправного поведения несовершеннолетних, а также криминальных проявлений в отношении несовершеннолетних. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.gov.spb.ru/napravleniya-deyatelnosti/profilaktika-pravonarushenij-nesovershennoletnih-i-zashita-ih-prav/komissiya-po-delam-nesovershennoletnih-i-zashite-ih-prav/metodicheskie-rekomendacii/ (17.09.2022).

вершеннолетних и молодежи: правовой и психолого-криминологический аспекты: монография. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017. С. 14.

Zaiko T. M. (2017) Measures to combat juvenile delinquency and youth: legal and psycho-criminological aspects: monograph. Tambov: OOO "Konsaltingovaya kompaniya Yukom". P. 14. (In Russ.)

Иванцов С. В. Криминологическая характеристика и предупреждение организованной преступности с участием несовершеннолетних. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 93.

Ivantsov S. V. (2015) Criminological characteristics and prevention of organized crime involving minors. Moscow: YuNITI-DANA. S. 93. (In Russ.)

Карабанова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарика, 2005. С. 198–202.

Karabanova O. A. (2005) Psychology of family relations and the basics of family counseling. Moscow: Gardarika. P. 198–202. (In Russ.)

Ковалева Ю. А. Личность преступника в криминологической науке // Проблемы Науки. 2015. № 4 (34). С. 115.

Kovaleva Yu. A. (2015) The identity of the offender in criminological science. *Problemy Nauki = Problems of Science.* No. 4 (34). P. 115. (In Russ.)

Лиховая С. Я. Моделирование программы предупреждения и противодействия преступности несовершеннолетних // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2. С. 372.

Likhovaya S. Ya. (2015) Modeling a program to prevent and combat juvenile delinquency. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology journal of Baikal national university of economics and law.* Vol. 9. No. 2. P. 372. (In Russ.)

Павлухин А. Н. Предупреждение правонарушений несовершеннолетних средствами правового воспитания. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 10.

Pavlukhin A. N. (2017) Prevention of juvenile delinquency by means of legal education. Moscow: YuNITI-DANA. P. 10. (In Russ.)

Рябцев Г. В. Причины и условия преступности несовершеннолетних // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2015. № 1 (6). С. 169.

Ryabtsev G. V. (2015) Causes and conditions of juvenile delinquency. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative economy: prospects for development and improvement.* No. 1 (6). P. 169. (In Russ.)

Харина А. Е. Роль ранней профилактики в предупреждении преступности несовершеннолетних // Законность и правопорядок в современном обществе. 2015. № 27. С. 166.

Kharina A. E. (2015) The role of early prevention in the prevention of juvenile delinquency. *Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve = Law and order in modern society*. No. 27. P. 166. (In Russ.)

Чванов Н. А. Нравственно-психологические характеристики личности несовершеннолетних делинквентов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1–4 (61). С. 132.

Chvanov N. A. (2015) Moral and psychological characteristics of the personality of juvenile delinquents. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta =Bulletin of Kemerovo State University.* No. 1–4 (61). P. 132. (In Russ.)

Информация об авторах

Юлиана Айратовна Евстратова,
профессор, кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного процесса и криминалистики,
факультет (командного) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации,
198206 г. Санкт-Петербург,
ул. летчика Пилютова, д. 1,
Российская Федерация,
yuliana130682@mail.ru.

Дарья Васильевна Самусевич,
аспирант,
Санкт-Петербургский университет
ГПС МЧС России имени Героя России генерала армии Е. Н. Зиничева,
196105, г. Санкт-Петербург,

Information about the authors

Yuliana A. Evstratova,
professor, candidate of legal sciences,
associate professor,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
faculty (command) of St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of Troops National Guard of the Russian Federation,
St. Pilot Pilyutov, 1, 198206 St. Petersburg,
Russian Federation,
yuliana130682@mail.ru.

Daria V. Samusevich,
graduate student,
St. Petersburg State Fire Service EMERCOM of Russia named after the Hero of Russia General of the Army E. N. Zinicheva,
Moskovsky prospect, 149, 196105 St. Petersburg,

Московский проспект, 149,
Российская Федерация,
darya.samusevitch@yandex.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 11.09.2022; одобрена после рецензирования 27.09.2022; принята к публикации 01.10. 2022.

Russian Federation,
darya.samusevitch@yandex.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Information about the article

The article was submitted 11.09.2022; approved after reviewing 27.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

Оригинальная статья / Original article
УДК 343.7

Проблемы квалификации и совершенствование концепции уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере банкротства

© А. И. Колосова
Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится разграничение неправомерных действий при банкротстве со смежными и конкурирующими составами преступлений, выделяются основные критерии их разграничения. Анализируются возможные неправомерные действия должника, с учетом позиций ведущих экспертов относительно определения условий для возбуждения дела о признании должника несостоятельным. Определяются существующие законодательные пробелы и коллизии, обосновывается необходимость технико-юридического совершенствования действующих правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере банкротства. Сформулированы возможные проблемы при квалификации неправомерных действий при банкротстве, и предложены пути их решения, что позволит снизить количество ошибок в правоприменительной практике.

Ключевые слова: неправомерные действия при банкротстве, криминальное банкротство, смежные составы преступлений, конкурирующие составы преступлений, законодательные пробелы, правовые коллизии

Для цитирования: Колосова А. И. Проблемы квалификации и совершенствование концепции уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере банкротства // *Социальная компетентность.* 2022. Т. 7. № 2–3. С. 151–163.

Problems of qualification and improvement of the concept of criminal law counteraction to crimes in the field of bankruptcy

© Alina I. Kolosova
Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk,Russian Federation

Abstract. The article distinguishes misconduct in bankruptcy from related and competing elements of crimes, highlights the main criteria for their differentiation. Possible illegal actions of the debtor are analyzed, taking into account the positions of leading experts regarding the determination of the conditions for initiating proceedings to declare the debtor insolvent. The existing legislative gaps and conflicts are determined, the need for technical and legal improvement of the existing legal norms regulating public relations in the field of bankruptcy is substantiated. Possible problems are formulated in the qualification of illegal actions in bankruptcy, and ways to solve them are proposed, which will reduce the number of errors in law enforcement practice.

Keywords: misconduct in bankruptcy, criminal bankruptcy, related offenses, competing offenses, legislative gaps, legal conflicts

For citation: Kolosova A. I. (2022). Problems of qualification and improvement of the concept of criminal law counteraction to crimes in the field of bankruptcy. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence.* Vol. 7. No. 2-3. P. 151-163. (In Russ.)

Введение

С точки зрения обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в современных реалиях весьма актуальной представляется необходимость правильной квалификации преступлений в сфере экономики, в том числе неправомерных действий при банкротстве.

Одной из наиболее острых проблем квалификации преступлений в сфере банкротства является их разграничение со смежными и конкурирующими составами преступлений. В теории уголовного права под смежными составами преступлений принято понимать составы, которые имеют один или более общих признаков, однако не совпадают по объему, и в отличие от норм, предусматривающих конкурирующие составы преступлений, нормы о смежных составах являются автономными, и сфера применения каждой не претендует на сферу применения другой. Разграничение смежных составов производится по признакам, которые у таких составов не совпадают (по объекту, объективной стороне, субъекту, субъективной стороне, а также иногда по совокупности перечисленных признаков) (Иногамова-Хегай, 1999. С. 39).

Между тем в правоприменительной практике разграничение смежных составов зачастую вызывает затруднения, так как составы преступлений могут иметь отличие в один признак, найти и установить который порой непросто. В отличие от смежных составов, в которых содержится один или несколько признаков, отличающих их друг от друга, конкурирующие составы полностью поглощают один другого, поскольку элементы одного состава полностью входят в число элементов другого, то есть такие нормы не являются автономными.

Конкурирующие составы соотносятся между собой как часть и целое или как общее и частное (составы общей и специальной нормы). Кроме того, большинство ученых считают, что составы специальных норм по отношению друг к другу также можно считать конкурирующими (Куринов, 1984. С. 178). При конкуренции части и целого одно общественно опасное преступное деяние является частью, элементом другого. В случае возникновения такого вида конкуренции уголовно-правовых норм, приоритет отдается целому, а не части, иными словами применению подлежит та норма, которая наиболее полно охватывает все признаки совершенного преступления (Кудрявцев, 1972. С. 258). При конкуренции общего и частного в соответствии с положениями ч. 3 ст. 17 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), приоритет имеет специальная норма.

Возникновение трудностей и ошибок в квалификации смежных и конкурирующих составов преступления связано с несовершенством технико-юридического конструирования правовых норм, что приводит к коллизиям и мешает объективно оценить совершенные уголовно-противоправные деяния.

Материалы и методы

При проведении научного исследования были использованы следующие методы: общенаучные методы анализа и синтеза, системно-структурный метод, логический метод, а также частно – научные, формально-юридический, сравнительно – правовой методы и метод толкования норм права. Материальную основу исследования составили нормативные правовые документы, а также научные публикации российских ученых по теме исследования.

Основные результаты исследования

Считаем необходимым рассмотреть вопросы отграничения неправомерных действий при банкротстве от составов преступлений, которые вызывают наибольшие затруднения при квалификации.

1. Отграничение неправомерных действий при банкротстве от мошенничества (ст. 159 УК РФ).

Анализ диспозиции ст. 195 УК РФ позволяет выделить обязательный признак объективной стороны рассматриваемого состава преступления – причинение крупного ущерба при сокрытии имущества,

имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, а также сокрытии, уничтожении, фальсификации бухгалтерских и иных учетных документов. Изучение перечисленных способов совершения преступления позволяет сделать вывод, что все они совершаются путем обмана. При этом, как нам известно, термин «обман» используется и при конструировании статей, регламентирующих уголовную ответственность за мошенничество, что вызывает необходимость в их разграничении.

1. Отсутствие признака хищения.

Вопрос об отнесении неправомерных действий при банкротстве к формам хищения до сих пор является дискуссионным. Например, А. С. Горелик и другие исследователи считают подобные действия одной из форм хищения, отмечая, что преступное банкротство представляет собой своеобразный вид мошенничества. Шишко И. В. отмечает, что мошенничество служит способом преднамеренного банкротства, поэтому они соотносятся между собой как часть и целое (Горелик, Шишко, 1998. С. 136). Сторонники иного подхода отмечают, что, несмотря на значительное сходство, неправомерные действия при банкротстве имеют и существенные отличия от мошенничества – банкрот не распоряжается чужим имуществом (Карелина, 2008. С. 122).

2. Иной предмет.

Отсутствие признака хищения в неправомерных действиях при банкротстве определяет специфику предмета рассматриваемого преступления. Так, в отличие от мошенничества, предметом выступает не чужое имущество, а собственное имущество должника либо имуществом организации. Кроме того, предмет преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ значительно шире понятия имущества, предполагаемого при квалификации совершенного преступного деяния как мошенничества. Помимо имущества или право на имущество, в предмет неправомерных действий при банкротстве входят также сведения об имуществе, его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, а также бухгалтерские и иные учетные документы, отражающие экономическую деятельность и т. п.

3. Наличие специального субъекта.

Неправомерные действия при банкротстве в ряде отдельных случаев предусматривают наличие специального субъекта посягательства – руководитель юридического лица или его учредитель (участник), арбитражный управляющий или председатель ликвидационной комиссии (ликвидатор), и т. д. В мошенничестве субъект общий.

4. Направленность умысла.

Как отмечает Орлова Л. А., мошеннические действия направлены на завладение чужим имуществом, в то время как неправомерные действия при банкротстве на отчуждение имущества должника (уничтожение, передача имущества, отчуждение и так далее) в целях создания видимости неплатежеспособности, чтобы не допустить получения кредиторами денежных средств, образовавшихся от реализации конкурсной массы должника (Орлова, 2018. С. 183).

5. Объект посягательства.

Ущерб от мошенничества непосредственно причиняется собственнику или другому владельцу имущества, а преступления, связанные с банкротством, предполагают причинение ущерба кредиторам, не имеющим права собственности на имущество должника. Они обладают лишь правом требования возврата долга, удовлетворение которого зависит от реализации конкурсной массы должника (Клепицкий, 1997. С. 58).

Некоторые авторы предлагают в качестве дополнительного отличительного признака выделять отсутствие корыстной цели в преступлениях, связанных с банкротством (ст. 195-197 УК РФ), которая, в свою очередь, является обязательным признаком мошенничества как формы хищения. Однако, на наш взгляд, с данным

подходом трудно согласиться. Несмотря на то, что, как мы уже выяснили ранее, неправомерные действия при банкротстве не являются разновидностью хищений, нельзя не отметить корыстную их составляющую. Еще в конце XIX века Фойницкий И. Я. отмечал: «Корыстное банкротство предполагает определенную цель деятельности – извлечь имущественную выгоду путем сокрытия своего имущества, избежать платежа долгов этим путем, что в самом себе заключает имущественный вред для кредиторов» (Фойницкий, 1893. С. 171).

Предполагаем, что сущность рассматриваемого преступления мало изменилась даже за столь длинный промежуток времени, и направленность на извлечение выгоды при сокрытии, отчуждении или уничтожение имущества, а также совершении иных действий, предусмотренных диспозицией ст. 195 УК РФ, по-прежнему сохранилась, и несет в себе определенный корыстный характер.

2. Отграничение неправомерных действий при банкротстве от присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ) и сокрытия денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов (ст. 199.2 УК РФ).

Как отмечает Ляскало А. Н., неправомерные действия при банкротстве могут быть совершены способами, которые при наличии всех прочих признаков могут образовать самостоятельные составы преступлений (Ляскало, 2013. С. 50):

– «сокрытие имущества» (ст. 199.2 УК РФ);

– «отчуждение имущества» (ст. 160 УК РФ).

Соответственно, объекты данных составов преступления необходимо признать в качестве дополнительных непосредственных объектов неправомерных действий при банкротстве, вред которым причиняется посредством способов его совершения. Вопрос правильной квалификации подобных многообъектных преступлений был рассмотрен, например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», содержащий положение, согласно которому применение насилия при изнасиловании и совершении насильственных действий сексуального характера, в результате которого такими деяниями потерпевшему лицу причиняется легкий или средней тяжести вред здоровью, охватывается диспозициями статей 131 и 132 УК РФ (п. 15)[1].

Как можно заметить, в данном случае деяния квалифицируются по правилам идеальной совокупности, так как отсутствует конкуренция части и целого. Соответственно, можно сделать вывод, что, если санкция за деяние–способ его совершения соответствует санкции последнего или превышает ее, то конкуренции части и целого не возникает, а содеянное надлежит квалифицировать по правилам совокупности преступлений – то есть деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 195 УК РФ, поглощает деяния-способы, предусмотренные ч. 1 ст. 159, ч. 1 ст. 160, ч. 1 ст. 167, ч. 1 ст. 325, ч. ч. 1, 3 ст. 327 УК РФ.

3. Отграничение неправомерных действий при банкротстве от умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст. 167 УК РФ).

Анализ объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст.195 УК РФ, показывает, что перечисленные в диспозиции статьи действия могут пересекаться с уголовно-наказуемым деянием, ответственность за которое регламентирована ст. 167 УК РФ – умышленное уничтожение или повреждение имущества.

Легко можно представить ситуацию: директор ООО, имеющего признаки бан-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7932/(22.06.2022). (Утратил силу).

кротства, решает уничтожить имущество организации, чтобы скрыть факт фальсификации бухгалтерской отчетности и иных документов. Конечно, подобное деяние не требует дополнительной квалификации по ст. 167 УК РФ и полностью охватывается объективной стороной неправомерных действий при банкротстве. Тимербулатов А. Х. однако отмечает, что в зависимости от конкретной ситуации может потребоваться дополнительная квалификация по ч. 2 ст. 167 УК РФ, например, в случае совершения преступления общеопасным способом: уничтожение имущества путем поджога, взрыва и т. д.) (Тимербулатов, 2001. С. 12).

4. Отграничение неправомерных действий при банкротстве от злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ).

Анализ диспозиции ст. 177 УК РФ позволяет выделить три обязательных условия для наличия состава преступления:

1) крупный размер кредиторской задолженности;

2) вступление в законную силу судебного акта, согласно которому руководитель организации или гражданин обязан погасить соответствующую задолженность;

3) достоверно подтвержденные факты уклонения должника от уплаты задолженности.

Финогенов А. В. в качестве примеров юридических фактов, свидетельствующих о злостном уклонении должника от погашения кредиторской задолженности, приводит изменение фамилии, перемену места жительства, вывоз имущества за рубеж или отчуждение его в пользу третьих лиц (Финогенов, 2011. С. 87). В качестве критерия разграничения рассматриваемых составов преступления в данном случае будет выступать наличие вступившего в силу законного решения суда. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности предполагает неудовлетворение требований кредиторов, права которых подтверждены актом судебного органа. И наоборот, как мы уже выяснили ранее, для признания и удовлетворения кредиторской задолженности несостоятельность должника не нуждается в подтверждении решением суда, а порядок, регламентированный Законом «О несостоятельности (банкротстве)», и вовсе запрещает совершать действия, направленные на удовлетворение требований отдельных кредиторов.

5. Отграничение неправомерных действий при банкротстве от уклонения от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией - плательщиком страховых взносов (ст. 199 УК РФ).

В ряде случаев неправомерные действия при банкротстве представляют собой идеальную совокупность с уклонением от уплаты налогов. Так, например, приговором Ленинского районного суда г. Саранска С. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 195 УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ.

Приговором Ленинского районного суда г. Саранска С. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч.2 ст. 199 Уголовного кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 2 ст. 195 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Преступление, предусмотренное пунктом «б» части второй статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации, состояло в том, что С. совершил уклонение от уплаты налогов с ООО «Химэкс» путем включения в налоговую декларацию заведомо ложных сведений, в особо крупном размере.

В результате его действий была уменьшена налогооблагаемая база ООО «Химэкс» и данное общества не исчислило и не уплатило налог на прибыль с организаций в сумме 16 094 949 руб. 14 коп.

Преступление, предусмотренное частью первой статьи 195 Уголовного кодекса Российской Федерации, состояло в том, что С., являясь директором ООО «Химэкс», при наличии признаков банкротства, возглавляемого им общества, совершил отчуждение имущества этого

общества, причинив крупный ущерб кредиторам.

В результате его действий произошло уменьшение активов ООО «Химэкс», за счет которых кредиторы могли удовлетворить свои требования на сумму 10 260 000 рублей.

Преступление, предусмотренное частью второй статьи 195 Уголовного кодекса Российской Федерации, состояло в том, что С., являясь директором ООО «Химэкс», при наличии признаков банкротства, возглавляемого им общества, неправомерно удовлетворил имущественные требования отдельного кредитора за счет имущества должника ООО «Химэкс» заведомо в ущерб другим кредиторам, причинив им крупный ущерб.

В результате его действий произошло уменьшение активов ООО «Химэкс», за счет которых кредиторы могли удовлетворить свои требования, на сумму 46 000 000 рублей[2]

В правоприменительной практике, однако, можно встретить случаи конкуренции указанных правовых норм, что вызывает проблемы с их верной квалификацией. Для разрешения подобных вопросов необходимо обратиться к теории об общих и специальных правовых нормах.

Пустяков А. В. считает, что в данном случае в качестве специальной нормы будет выступать ст. 195 УК РФ, аргументируя тем, что с точки зрения юридической конструкции ст. 199 УК РФ сформулирована как бланкетная норма, отсылающая правоприменителя к налоговому законодательству. Согласно его положениям в счет уплаты налога взыскание обращается на имущество предприятия, а если размер задолженности меньше стоимости активов предприятия, то недоимка погашается за счет такого имущества. Соответственно, если в случае банкротства должника, сокрытие имущества проводилось с целью уклонения от уплаты налогов, то действия лица, в зависимости от обстоятельств, надлежит квалифицировать по ст. 195 или ст. 196 УК РФ (Пустяков, 2006. С. 114).

6. Отграничение неправомерных действий при банкротстве от уклонения от злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ).

Наиболее часто встречающимся примером конкуренции общей и специальной нормы можно назвать конкуренцию ст. 201 и ст. 195 УК РФ.

Стоит отметить, что судебная практика по разрешению подобных деяний неоднородна. Так, например, согласно материалам уголовного дела *Хмелин С. Н., являясь генеральным директором ОАО «.....», умышленно реализовав принадлежащее обществу имущество по заведомо низкой стоимости и на заведомо невыгодных для общества условиях, использовал свои полномочия вопреки интересам общества, в целях извлечения выгод для себя, т. е. совершил злоупотребление служебными полномочиями, которое повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам ОАО «.....», кредиторам, и лишило ОАО «.....» основных средств, без которых оно не могло осуществлять свою хозяйственную деятельность, определенную Уставом.*

В соответствии со ст. 3 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», предприятие ОАО «.....» обладало признаками банкротства, поскольку с этого времени не имело возможности удовлетворить требования своих кредиторов.

Зная об этом Хмелин С. Н., умышленно, действуя вопреки законным интересам ОАО «.....» и в целях извлечения выгоды для себя, нанесения вреда правам и законным интересам ОАО «.....», кредиторам, злоупотребляя должностными полномочиями, умышленно реализовал

[2] Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 03.04.2018 по делу № 33-701/2018 Об отказе в удовлетворении заявления о пересмотре по новым обстоятельствам апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам по иску о возмещении вреда, причиненного преступлением. [Электронный ресурс]. URL: http: //www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=373770#cVPQyFTmJ4iEdhwp (21.08.2022).

принадлежащее обществу имущество по заведомо низкой стоимости и на заведомо невыгодных для общества условиях, лишив ОАО «.....» имущества, возможности осуществлять производственно-хозяйственную деятельность при следующих обстоятельствах: Хмелин С. Н. заключил четыре взаимосвязанных сделки с одними и теми же условиями, без определения рыночной стоимости, в пользу ООО «Торговая компания» по отчуждению 4 объектов, расположенных на территории ОАО «.....». При этом стоимость отчуждаемого имущества не соответствовала его рыночной стоимости.

Как отметил суд, *противоправность действий Хмелина С. Н. по отчуждению сооружений и технологического оборудования ОАО «.....» посягает на два объекта.*

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, являются общественные отношения, складывающиеся в сфере осуществления службы лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой организации. Хмелин С. Н., совершив сделки по отчуждению имущества, злоупотребил служебными полномочиями вопреки законным интересам ОАО «.....».

В то же время указанные сделки совершены в условиях наличия признаков банкротства ОАО «.....», о чем Хмелину С. Н. с достоверностью было известно, что повлекло за собой уменьшение конкурсной массы.

При такой ситуации действия Хмелина С. Н. по отчуждению имущества ОАО «.....» требуют самостоятельной квалификации как по ч. 1 ст. 201 УК РФ, так и по ч. 1 ст. 195 УК РФ[3].

С точки зрения теории квалификации преступлений по правилам конкуренции общей и специальной норм, на наш взгляд, более правильным подходом к квалификации будет являться следующее решение суда:

Минасян С. Н., являясь учредителем и директором совершил неправомерные действия при банкротстве, то есть передачу имущества во владение иным лицам, отчуждение имущества, и эти действия совершены при наличии признаков банкротства и причинили крупный ущерб.

С целью сокрытия имущества - самоходных машин и транспортных средств и для дальнейшего их использования в своих намерениях, по заранее надуманному плану, директор Минасян С. Н., злоупотребляя своим служебным положением, предпринимает некоторые действия, направленные на вывод техники из организации и продажи её в другую, вновь созданную организацию, в которой впоследствии он же стал занимать должность заместителя директора.

Все 8 единиц самоходных машин были проданы Г. за символическую сумму, хотя реальная, рыночная, в том числе и залоговая сумма имущества, указанная ранее в определениях суда, в разы превышает стоимость проданной техники. В кассу денежные средства в размере от проданной техники не поступили.

Государственный обвинитель полагал, что действия Минасяна С. Н. необходимо квалифицировать по ч.1 ст.195 УК РФ и по ч.1 ст.201 УК РФ, однако суд отметил, что согласно ч.3 ст.17 УК РФ, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме.

Оценивая деяния Минасяна суд считает, что ч.1 ст.201 УК РФ является общей нормой, а ч.1 ст.195 УК РФ – специальной. Следовательно, действия Минасяна С. Н. излишне были квалифицированы по ч.1 ст.201 УК РФ.

С учетом вышеизложенного, суд квалифицирует действия Минасяна С. Н. по ч.1 ст.195 УК РФ – как неправомерные

[3] Приговор Котласского городского суда Архангельской области № 1-146/2011 от 26 августа 2011 г. по делу № 1-146/2011. [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/bmpN0GXuLoWL/ (22.08.2022).

действия при банкротстве, то есть передача имущества во владение иным лицам, отчуждение имущества, и эти действия совершены при наличии признаков банкротства и причинили крупный ущерб[4].

Отграничение неправомерных действий при банкротстве, ответственность за которые регламентируется уголовном законодательством, от схожих административных правонарушений проводится по ряду существенных отличительных признаков:

1. Субъект правонарушения.

По сравнению со ст. 195 УК РФ субъектный состав правонарушения, предусмотренного ст. 14.13 КоАП РФ, существенно расширен – помимо перечисленных в уголовном законе субъектов, в их круг также входят:

кредитор, принявший удовлетворение имущественных требований, осведомленный в том, что ему отдано предпочтение в ущерб остальным кредиторам;

арбитражный управляющий, реестродержатель, организатор торгов, оператор электронной площадки либо руководитель временной администрации кредитной или иной финансовой организации.

2. Размер ущерба.

Диспозиция статьи, регламентирующей административную ответственность за неправомерные действия при банкротстве, в отличие от аналогичного деяния, предусмотренного уголовным законодательством, не содержит признака «крупного ущерба».

В соответствии с примечанием к ст. 170.2 УК РФ в статьях 195-197 УК РФ крупным ущербом признается стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей, особо крупным – девять миллионов рублей.

Таким образом, в качестве основных критериев разграничения преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ со смежными и конкурирующими составами преступлений, можно назвать отличия в объекте, объективной стороне и объеме рассматриваемой правовой нормы. Кроме того, наличие в действующем уголовном законодательстве специальных норм, регламентирующих порядок привлечения к ответственности за правонарушения, непосредственно связанные с неправомерными действиями при банкротстве, позволяет избежать возникновения законодательных пробелов и конкретизировать составляющие элементы объективной стороны рассматриваемого правонарушения.

В настоящее время несогласованность положений Закона о банкротстве и уголовного законодательства приводит к возникновению проблем с квалификацией преступлений, предусмотренных ст. 195 УК РФ.

Изучение действующего законодательства, регламентирующего общественные отношения в сфере банкротства, позволяет выделить два уровня правового регулирования.

1. Правовые акты, направленные на урегулирование конфликта и сбалансирование интересов должника и кредитора.

Основными нормативными правовыми актами данного уровня являются Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и иные специальные нормативно-правовые акты.

2. Уголовное законодательство, регламентирующее порядок привлечения к ответственности за совершение общественно опасных деяний в сфере банкротства.

Как отмечает Дерягина С. В., изменения специального законодательства напрямую влияют и на уголовно-правовые нормы, и при этом не всегда носят системный характер, что приводит к образованию пробелов правового регулирования, и отрицательно влияют на возможность применения норм об ответственности за неправомерные банкротства (Дерягина, 2021. С. 63).

Согласно данным Федресурса, в 2021 году количество корпоративных банкротств

[4] Приговор Мучкапского районного суда Тамбовской области № 1-25/2011 от 3 ноября 2011 г. по уголовному делу № 1-25/2011. [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/IclAteZpOiYC/ (22.08.2022).

составило 10319 шт., что на 3,9 % выше по сравнению с «ковидным» 2020 годом, на фоне которого можно было наблюдать снижение количества банкротств на 19,9 %. При этом продолжается рост числа банкротств граждан – количество граждан (включая индивидуальных предпринимателей), признанных банкротами в 2021 году, составило 192 846, что на 62 % больше, чем в 2020 году. Рост замедлился, по сравнению с предыдущим годом, в 2020 году число банкротств граждан выросло на 72,6 % к 2019 году[5]. При этом общая динамика количества регистрируемых преступлений в сфере несостоятельности (ст. 195-197 УК РФ), имеет общую тенденцию к снижению (по данным официальной статистики Министерства внутренних дел Российской Федерации[6]).

Однако с учетом кризисной экономической ситуации в настоящее время можно предположить, что снижение количества регистрируемых преступлений связано с увеличением их латентности, а не совершенствованием уголовно-правовой политики в сфере неправомерных банкротств.

В настоящее время нормы специального законодательства имеют превентивное значение, поэтому представляется необходимым проанализировать те изменения, которые наиболее существенным образом влияют на возможность предупреждения банкротства мерами гражданско-правового характера (Багреева, 2020. С. 60).

1. Введение субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве.

Так, Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс РФ об административных правонарушениях» введена глава 111.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве» в Закон о банкротстве. В результате этого был определен круг контролирующих должника лиц, которые при негативном влиянии на предпринимательскую деятельность юридического лица, могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности. Кроме того, правовой статус вышеуказанных лиц позволяет признать их субъектами преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ.

2. Наличие положений по оспариванию сделок должника.

Согласно ст. 61.1 главы III Закона о банкротстве, оспариваемыми либо недействительными могут быть признаны подозрительные сделки, сделки при неравноценном встречном исполнении, сделки, в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, сделки, влекущие за собой оказание предпочтения отдельным кредиторам

Практики отмечают, что наиболее частым способом совершения преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ, является совершение сделок на невыгодных условиях, при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной (Лямкина, 2020. С. 49).

Согласно п. 1 ст. 61.2 «Закона о банкротстве» неравноценным исполнением обязательств признается любая передача имущества или иное исполнение обязательств, если рыночная стоимость переданного должником имущества или осуществленного им иного исполнения обязательств существенно превышает стоимость полученного встречного исполнения обязательств, определенную с учетом условий и обстоятельств такого встречного исполнения обязательств.

Кроме того, сделка, совершенная с целью причинения вреда кредиторам, может быть признана недействительной в соответствии с положениями п. 2 ст. 61.2 «Закона о банкротстве».

Таким образом, можно заметить, что сделки, указанные в ст. 61.2 Закона, образуют одновременно и способы совер-

[5] Банкротства в России: итоги 2021 года. Статистический релиз Федресурса. [Электронный ресурс]. URL: https://fedresurs.ru/news/a57795a8-e1f1-4e2e-ba8b-da58725127e2?attempt=1 (23.08.2022).

[6] Статистические данные по преступлениям (ст. 195-197 УК РФ) за 2004-2021 гг. согласно отчетам 1-ЕГС (код 491) // ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics (23.08.2022).

шения неправомерных действий при банкротстве (ст. 195 УК РФ). Соответственно, положения о недействительности сделок помогают решить вопрос в рамках гражданско-правовых отношений, не прибегая к мерам уголовно-правового воздействия.

3. Внедрение мер по предупреждению банкротств.

С точки зрения экономической целесообразности и кредитор, и государство заинтересованы в восстановлении платёжеспособности должника. Следуя этому принципу, законодатель в 2017 году внес изменения в положения гл. II «Закона о банкротстве», согласно которым в случае возникновения признаков банкротства, руководитель должника обязан включить сведения о наличии таких обстоятельств в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц в течение десяти рабочих дней с даты, когда руководителю стало или должно было стать известно об их возникновении, а также в разумный срок предпринять все зависящие от него необходимые меры, направленные на предупреждение банкротства должника.

4. Мониторинг незаконных интернет-ресурсов.

Современные реалии распространения информации побуждают государственные органы внимательно относиться к интернет-ресурсам, зачастую содержащим информацию, которая способствует совершению должником неправомерных действий и предпринимать действия по её нейтрализации.

Кроме того, в результате изучения действующей практики правоприменения, а также научных исследований, посвященных рассмотрению неправомерных действий при банкротстве, было выяснено, что в настоящее время существует определенный пробел в законодательстве, который при определенных условиях может помешать привлечению виновного к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ.

Так, в действующем законодательстве отсутствует нормативное закрепление признаков банкротства граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей.

На наш взгляд, данная проблема заслуживает внимания, так как отсутствие у правоприменителя возможности четко определить наличие признаков банкротства у гражданина (индивидуального предпринимателя) влечет за собой невозможность его привлечения к ответственности за совершение неправомерных действий при банкротстве, так как согласно диспозиции ст. 195 УК РФ обязательным элементом объективной стороны рассматриваемого состава преступления является наличие признаков банкротства. Как следует из названия ст. 3 «Закона о банкротстве», в настоящее время она определяет признаки несостоятельности только юридических лиц.

Согласно ч. 2 ст. 213 «Закона о банкротстве» заявление о признании гражданина банкротом принимается арбитражным судом, если сумма неисполненных им требований составляет не менее пятьсот тысяч рублей и не исполнены они в течение трех месяцев. Кроме того, в ч. 3 ст. 213.6 упомянутого закона содержится специальное положение, согласно которому под неплатежеспособностью гражданина понимается его неспособность удовлетворить в полном объеме требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Соответственно можно заметить, что согласно специальному законодательству, несостоятельность гражданина представляет собой некое общее понятие, которое включает в себя одновременно и признаки неплатежеспособности, и признаки банкротства.

Статья 14.12 КоАП Р при формулировании ответственности за неправомерные действия при банкротстве содержит указанием на признак неплатежеспособности: «сокрытие имущества, имущественных прав … при наличии признаков банкротства юридического лица либо признаков неплатежеспособности индивидуального предпринимателя или гражданина». При этом как мы помним дефиниция ст. 195 УК РФ содержит упоминание только о признаках

банкротства: «сокрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей … должника – юридического лица, гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя … если эти действия совершены при наличии признаков банкротства». Получается, что при конструировании норм об условиях ответственности за неправомерные действия при банкротстве, законодатель использовал совершенно разные формулировки:

– ст. 195 УК РФ – признаки банкротства;

– ст. 14.12 КоАП РФ – и признаки банкротства, и признаки неплатежеспособности.

При этом, как мы помним, специальное законодательство положений о признаках банкротства граждан (индивидуальных предпринимателей) не содержит.

Заключение

Таким образом считаем необходимым как можно скорее привести в соответствие отраслевое, административное и уголовное законодательство. В настоящий момент представляется два возможных пути решения:

1. Дополнить ст. 195 УК РФ критерием неплатежеспособности гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя.

2. Дополнить ст. 3 «Закона о банкротстве» и закрепить в ней признаки банкротства для граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, – неспособность удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанности по уплате обязательных платежей, если требования на сумму не менее пятисот тысяч рублей не исполнены ими в течение трех месяцев. Данное решение представляется нам наиболее предпочтительным, так как в этом варианте правовая норма будет звучать наиболее полно, включая в себя признаки банкротства всех субъектов – юридических лиц, граждан и индивидуальных предпринимателей, что создаст возможность для формирования единообразия практики правоприменения ст. 195 УК РФ.

Вопросы дальнейшего развития концепции уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере банкротства, на наш взгляд, должны основываться на текущей экономической ситуации. Целесообразными будут являться меры, которые позволят должнику восстановить платежеспособность в любой период финансово-хозяйственной деятельности организации. Основным направлением государственной деятельности должно стать технико-юридическое совершенствование действующих правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере банкротства, ликвидация существующих законодательных пробелов, коллизий и приведение в соответствие специального, административного и уголовного законодательства.

Список источников / References

Багреева Е. Г., Петухов С. В. К вопросу об уголовной и субсидиарной ответственности контролирующих лиц // Российский следователь. 2020. № 6. С. 58–62.

Bagreeva E. G., Petukhov S. V. (2020) On the issue of criminal and subsidiary liability of controlling persons. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator.* No. 6. P. 58-62. (In Russ.)

Горелик А. С. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Красноярск: Красноярский государственный университет, 1998. С. 136.

Gorelik A. S. (1998) Crimes in the sphere of economic activity and against the interests of service in commercial and other organizations. Krasnoyarsk:Krasnoyarsk State University, 1998. 136 p. (In Russ.)

Дерягина С. В. Пути повышения эффективности норм об ответственности за преступные банкротства // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 60–66.

Deryagina S.V. (2021) Ways to improve the effectiveness of the norms on responsibility for criminal bankruptcy. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Law order: history, theory, practice.* No. 3 (30). P. 60-66. (In Russ.)

Иногамова-Хегай Л. В. Конкуренция норм уголовного права. М.: Щит-М, 1999. С. 39.

Inogamova-Khegay L. V. (1999) Competition of criminal law norms. Moscow: Shield-M. 39 p. (In Russ.)

Карелина С. А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 122.

Karelina S. A. (2008) The mechanism of legal regulation of insolvency relations. Moscow: Wolters Kluver. 122p. (In Russ.)

Клепицкий И. А. Банкротство как преступление в современном уголовном праве // Государство и право. 1997. № 11. С. 58–59.

Klepitsky I. A. (1997) Bankruptcy as a crime in modern criminal law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law.* No. 11. P. 58-59. (In Russ.)

Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юридическая литература, 1972. С. 258.

Kudryavtsev V. N. (1972) General theory of qualification of crimes. Moscow: Legal literature. 258 p. (In Russ.)

Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М.: Изд-во Московского университета, 1984. С.178.

Kurinov B.A. (1984) Scientific bases of qualification of crimes. Moscow: Publishing House of Moscow University. 178 p. (In Russ.)

Лямкина А. С. Оспаривание безрезультативных сделок: столкновение интереса должника и интересов кредиторов // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2020. № 2. С. 47–51.

Lyamkina A. S. (2020) Challenging fruitless transactions: the collision of the debtor's interest and the interests of creditors. *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie «Pravo i Biznes» = Entrepreneurial Law. Appendix "Law and Business".* No. 2. P. 47-51. (In Russ.)

Ляскало А. Н. Конкуренция уголовно-правовых норм и совокупность преступлений при квалификации криминальных банкротств (ст. 195, 196 УК РФ) // Уголовное право. 2013. № 1. С. 49–53.

Lyaskalo A. N. (2013) Competition of criminal law and the totality of crimes in the qualification of criminal bankruptcies (Articles 195, 196 of the Criminal Code of the Russian Federation).*Ugolovnoe parvo = Criminal Law.* No. 1. P. 49-53. (In Russ.)

Орлова Л.А. Разграничение преступлений, связанных с банкротством, со смежными правовыми деликтами // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 182–190.

Orlova L. A. (2018) Differentiation of crimes related to bankruptcy, with related legal torts. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation.* No. 6. P. 182-190. (In Russ.)

Пустяков А. В. Уголовное банкротство: некоторые аспекты субъективной стороны и субъекта в преступлениях, предусмотренных статьями 195, 196, 197 УК РФ // Закон. 2006. № 9. С. 111–115.

Pustyakov A.V. (2006) Criminal bankruptcy: some aspects of the subjective side and the subject in crimes provided for by articles 195, 196, 197 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Zakon = Law.* No. 9. P. 111-115. (In Russ.)

Тимербулатов А. Х. Неправомерные действия при банкротстве // Законность. 2001. № 6. С. 10–15.

Timerbulatov A. H. (2001) Illegal actions in bankruptcy. *Zakonnost' = Legality.* No. 6. P. 10-15. (In Russ.)

Финогенов А. В. Проблемы квалификации преступлений, связанных с неправомерными действиями при банкротстве // Вестник ЧелГУ. 2011. № 4. С. 87–89.

Finogenov A.V. (2011) Problems of qualifying crimes related to illegal actions in bankruptcy. *Vestnik ChelGU = Bulletin of Chelyabinsk State University.* No. 4. P. 87-89. (In Russ.)

Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства на личность и имущество. Спб.: Изд-во: Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. С. 171.

Foinitsky I. Ya. (1893) Criminal law course. Part Special. Attacks on person and property. SPb.: Publishing house: Type. M. M. Stasyulevich. 171 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Алина Ильинична Колосова,
специалист аналитической лаборатории,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
Российская Федерация,
tiverka07@mail.ru

Information about the Author

Alina I. Kolosova,
Analytical laboratory specialist,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontova St., 664074 Irkutsk,
Russian Federation,
tiverka07@mail.ru

Вклад автора

Автор выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

The Author carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of this manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 21 июня 2022 г.; одобрена после рецензирования 30 июня 2022 г.; принята к публикации 10 сентября 2022 года.

Information about the article

The article was submitted June 21, 2022; approved after reviewing June 30, 2022; accepted for publication September 10, 2022.

Оригинальная статья / Original article
УДК 346.546+339.137.2

Теоретические аспекты понятия «конкуренция»

© А. А. Пахаруков, К. А. Файзиева
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Рассмотрены проблемные вопросы дефинирования понятия «конкуренция». Выделены основные подходы к определению конкуренции – поведенческая модель, структурный и функциональный подход к определению категории конкуренции, ценностно-сетевая концепция. Определить конкуренцию можно через категории состояния, процесса, поведения, средства. Выделены следующие свойства конкуренции – присущее противостояние субъектов экономических отношений; постоянное изменение конкурентной среды; развитие стадий конкурентных отношений. Сделан вывод о том, что конкуренция представляет собой многоплановое явление, отражающее способ взаимодействия субъектов экономической деятельности, отличается свойствами приспосабливаемости, изменчивости и сохраняемости. В качестве правового явления конкуренция аккумулирует средства регуляции поведения участников рынка. Обозначены следующие признаки конкуренции как правового явления: способность конкуренции выступать в качестве социального регулятора; конкуренция связана с презумпцией свободы экономической деятельности; конкуренция является обеспечивающим механизмом реализации прав и интересов потребителей; конкуренция является средством обеспечения независимости участников рынка и их состязательность; конкуренция предполагает запрет злоупотреблением правом, картельные соглашения. Обоснован вывод о том, что субъектный состав недобросовестной конкуренции подлежит расширению за счет включения органов государственной власти, местного самоуправления, организаторов торгов, а также самозанятых граждан. Отдельного внимания требует исследование деловой репутации субъектов экономической деятельности, которая на данный момент является стратегическим ресурсом и обеспечивает долгосрочное конкурентное преимущество.

Ключевые слова: предпринимательское право, конкуренция, защита конкуренции, злоупотребление правом, недобросовестная конкуренция, конкурентные отношения

Для цитирования: Пахаруков А. А., Файзиева К. А. Теоретические аспекты понятия «конкуренция» // *Социальная компетентность.* 2022. Т. 7. № 2–3. С. 164–171.

Theoretical aspects of the concept of “competition”

© Aleksandr A. Pakharukov, Kamilla A. Faizieva
Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The problematic issues of defining the concept of “competition” are considered. The main approaches to the definition of competition are singled out - a behavioral model, a structural and functional approach to determining the category of competition, a value-network concept. You can define competition through the categories of state, process, behavior, means. The following properties of competition are singled out: the inherent opposition of the subjects of economic relations; constant change in the competitive environment; development stages of competitive relations. It is concluded that competition is a multifaceted phenomenon that reflects the way economic entities interact, and is distinguished by the properties of adaptability, variability and persistence. As a legal phenomenon, competition accumulates means of regulating the behavior of market participants. The following signs of competition as a legal phenomenon are indicated: the ability of competition to act as a social regulator; competition is linked to the presumption of freedom of economic activity; competition is a providing mechanism for the realization of the rights and interests of consumers; competition is a means of ensuring the independence of market participants and their competitiveness; competition involves the prohibition of the abuse of law, cartel agreements. The conclusion is substantiated that the subject composition of unfair competition is subject to expansion by including public authorities, local governments, organizers of auctions, as well as self-employed citizens. Special attention should be paid to the study of the business reputation of economic entities, which is currently a strategic resource and provides a long-term competitive advantage.

Keywords: entrepreneurial law; competition; protection of competition; abuse of the right; unfair competition; competitive

For citation: Pakharukov A.A., Faizieva K.A. (2022) Theoretical aspects of the concept of “competition”. *Sotsial’naya kompetentnost’* = *Social Competence*. Vol. 7. No. 2-3. P. 164-171. (In Russ.)

Введение

Конкурентные отношения и многоплановое явление конкуренции являются ключевыми детерминантами экономического развития. На необходимость повышения эффективности обеспечения нормальных условий конкуренции обращается пристальное внимание в Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной протоколом Президиума Федеральной антимонопольной службы от 3 июля 2019 года № 6[1].

Вместе с тем действующее российское антимонопольное законодательство не отвечает в полной мере требованиям правовой определенности, а также единства и взаимосвязи с нормами гражданского законодательства. Какие-либо злоупотребления правом и акты недобросовестной конкуренции запрещены как антимонопольным законодательством, так и в рамках общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации[2] (далее – ГК РФ). Обеспечение данных запретов надлежащим образом напрямую связано с обеспечением стабильности гражданского оборота и экономического развития. В свою очередь, основополагающий критерий добросовестности действий неоднозначно представлен нормами гражданского законодательства, с одной стороны, и антимонопольного и конкурентного – с другой.

До сих пор в правовой доктрине ведутся дискуссии относительно соотношения злоупотребления правом и недобросовестной конкуренции по признаку добросовестности и иных оценочных категорий, продолжает развиваться противоречивая судебная практика. Вменение действий в нарушении данных запретов строится на основе расплывчатых формулировок закона о критериях квалификации действий участников гражданского оборота в качестве злоупотребления или акта недобросовестной конкуренции. В частности, при квалификации действий в качестве акта недобросовестной конкуренции не существует единообразного понимания и практики вменения данного акта по теоретически-обоснованным признакам. Судебная практика строится по пути «двойной превенции», вменяя нарушение и ст. 10 ГК РФ и специальных норм Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции»[3] (далее – Закон о защите конкуренции), что не может не затрагивать законные права и интересы участников конкурентных отношений.

Доктриной не установлен характер соотношения механизма злоупотребления правом и недобросовестной конкуренции, специфика проявления в рамках таковых исходных критериев разумности и добросовестности.

Кроме того, на данный момент на коммерческих рынках появились новые хозяйствующие субъекты, фактически подпадающие в категорию участников конкурентных правоотношений. Однако при имеющихся признаках данных отношений и признаков, необходимых для квалификации актов недобросовестной конкуренции, специальные нормы о запрете реализации своих прав на коммерческое преимущество недобросовестным путем не распространяются на обозначенных субъектов, что поставило иных участников конкурентных отношений в неравное положение.

[1] Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года: утв. протоколом Президиума Федеральной антимонопольной службы от 3 июля 2019 г. № 6. [Электронный ресурс]. URL: https://fas.gov.ru/documents/685792 (19.08.2022).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410; Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

[3] Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

Специфической особенностью злоупотребления и совершения актов недобросовестной конкуренции является способ, выраженный в максимальной завуалированности действий под экономически-приемлемые и законные, что вызывает потребность судов в базовых критериях определения фактов совершения тех или иных действий. Вместе с тем на сегодняшний день должного внимания алгоритму определения акта недобросовестной конкуренции, его теоретически-обоснованному механизму должного внимания в доктрине права не уделялось.

Изложенное в совокупности обусловливает сохраняющийся научный интерес к обозначенной теме исследования и ее практическую востребованность.

Методы

Изучение правовой природы конкурентных отношений осуществлялось в рамках *догматического правового исследования,* который, как известно, обеспечивает ученых достоверными и полными знаниями о системе правового регулирования соответствующей области общественных отношений и представляет собой начальный этап познания правоведами закономерного и необходимого в праве. По мнению В. М. Сырых, с которым следует согласиться, реализация целей догматического правового исследования обеспечивается последовательным проведением следующих *исследовательских процедур:* 1) сбора источников права и уяснения их способности содержать действующие нормы права; 2) толкования норм права; 3) оценки качества выявленных норм права; 4) формулирования обобщенных положений, оценок; 5) объяснения полученных исследовательских результатов; 6) изложения результатов исследования (Сырых, 2012. С. 230).

Результаты

Основные подходы к определению конкуренции. Категория конкуренции является преимущественно понятием экономической теории, выступает одним из основных признаков рынка. Традиционно принято полагать, что столкновение интересов, выраженное в форме конкуренции, является движущей силой экономического развития (Шрам, 2019. С. 184).

Вместе с тем конкуренция как комплексное социально-экономическое явление не нивелирует своего юридического содержания, вытекающего из природы конкурентных отношений.

Как социально-экономическое явление конкуренция предполагала изначально в рамках экономической теории независимое соперничество хозяйствующих субъектов (Стиглер, 2000. С. 300). Таким образом, изначально подход к определению конкуренции установился в рамках *поведенческой модели человека.* Конкуренция рассматривалась как естественное проявление поведения людей в экономической плоскости при стремлении к соперничеству.

А. Смитом, в свою очередь, было обращено внимание на признаки конкуренции применительно к поведению экономических субъектов «продавец» – «покупатель». А. Смит указывал, что конкуренция как процесс соперничества за установление наиболее выгодных условий реализации товаров и услуг в долгосрочной перспективе формирует парадигму рыночных цен, конъектуру рынка. Соответственно конкуренция предстается как тип реакции субъекта на новые условия работы и одновременно является способом достижения рыночного равновесия, основной метод при этом – изменения цен (Смит, 1993. С. 55).

Представляется, что такая экономическая сущность конкуренции является в любом случае преобладающей над правовым содержанием, обусловливает его. Такая взаимосвязь вытекает из необходимости регулирования конкуренции в целях предотвращения негативных ее проявлений, влекущих последствия для социально-экономической системы.

Итак, в рамках экономических отношений существует ряд классических правил свободной конкуренции:

1) независимые действия хозяйствующих субъектов на рынке;

2) исключение сверхдоходов посредством достаточного количества конкурентов;

3) экономическая грамотность субъектов;

4) свобода действий в пределах закона.

По мнению А. Маршалла, свободная конкуренция обеспечивает стабильную ценовую политику (существование в долгосрочном периоде «нормальных цен») и оптимальное состояние экономики (Маршалл. 1993. С. 146).

Теория общего равновесия Л. Вальрса также отразила устоявшийся подход к ценности конкуренции как единственно возможного варианта устойчивости экономики (Блауг, 1994. С. 283). Изложенное, собственно, и приводит к отрицанию какой-либо недобросовестности конкуренции и недопустимости подобного поведения как нарушающего баланс экономики.

Вместе с тем в начале XX века обозначился *структурный подход* к определению категории конкуренции. Если при поведенческом подходе, описанном ранее, на первое место выходил фактор изменения цен как выражение конкуренции в борьбе одних субъектов с другими и при оценке их поведения, соответственно, то в рамках структурного подхода на первый план вышел фактор оценки структуры рынка и возможности влияния одних компаний на микрорынок в рамках конкретных товаров и услуг (по сути речь идет о субрынках).

Й. А. Шумпетер явился одним из первых представителей *функционального подхода* к конкуренции, который выделил отличительный критерий – способность инициирования научно-технического прогресса, разработки новых продуктов и альтернативных способов решения одних и тех же задач (Шумпетер, 1982. С. 186).

Современный же этап развития экономических отношений, новых технологий обусловил появление *ценностно-сетевой концепции* конкуренции. В рамках данной концепции конкуренты – это потенциальные партнеры, взаимосвязанные в технологической цепочке производства продукта, услуг.

Такая концепция отражает современные особенности развития экономики. Емкость любого рынка ограничена, наступает определенный период стагнации и более востребованными становятся стратегии коллаборации. С данной точки зрения правовое регулирование также несовершенно и не всегда с экономической точки зрения добросовестность будет также расцениваться с юридической точки зрения при оценке действий субъекта в рамках коллаборации (а не картеля).

Свойства конкуренции. Таким образом, конкуренция является комплексным и многоуровневым явлением, выступает как способ координации действий хозяйствующих субъектов и достижения целей в экономическом плане, а также как механизм взаимодействия участников рынка. Определить конкуренцию можно через категории состояния, процесса, поведения, средства.

К ряду свойств конкуренции относятся:

1) присущее противостояние субъектов экономических отношений;

2) постоянное изменение конкурентной среды;

3) развитие стадий конкурентных отношений.

Кроме того, необходимо выделить такие свойства как нормативность, что обеспечивает правила поведения субъектов экономических отношений, предотвращая использование дестабилизирующих рынок способов, приводящих к нарушениям обычаев делового оборота, равенства условий осуществления экономической деятельности. Так, к негативным факторам конкуренции как динамичных отношений между субъектами относятся

создание монополий, колебания цен в зависимости от спроса (маски в 2019 году, которые стоили по 100 рублей вместо пяти как пример), использование незаконных способов продвижения на рынке. Таким образом, при заинтересованности государства в развитой экономике конкуренция является объектом публичной защиты.

Конкуренция как правовая категория. В данном аспекте необходимо рассмотреть понятие конкуренции как правового явления и присущие ей признаки. К таковым относится, во-первых, способность конкуренции выступать в качестве социального регулятора за счет нормативного своего содержания, предписывающего правила поведения. Во-вторых, с правовой позиции конкуренции свойственна презумпция свободы экономической деятельности, закрепленная в Конституции Российской Федерации[4], защищаемая антимонопольным, гражданским, уголовным, административным законодательством. В-третьих, нормальная, свободная конкуренция является обеспечивающим механизмом реализации прав и интересов потребителей. В-четвертых, конкуренция – залог независимости участников рынка и их состязательность. В-пятых, в рамках конкуренции строго запрещены нарушения обычаев делового оборота и злоупотребления, картельные соглашения.

Предметом правого регулирования применительно к категории конкуренции выступают общественные отношения, что позволяет представить ее в совокупности элементов через взаимосвязи между собой, выделяя цепочки правового регулирования «покупатель» – «продавец», «агент» – «агент», «кооперация» – «рынок» в процессе производства, распределения, присвоения и обмена благами. Соответственно, в данных цепочках необходимо определять, какие именно субъекты относятся к категории конкуренты, обращаясь к нормативно-определенному понятию конкуренции.

Основным законом в сфере конкурентных общественных отношений выступает Закон о защите конкуренции. В статье 4 указанного закона определено легальное понятие конкуренции – «соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке».

Исходя из данного понятия, определяющий признак ограничения конкуренции с позиции теории права и законодателя – реальная возможность одностороннего воздействия на общие условия обращения товаров.

Одновременно, понятие общих условий обращения законом не предусмотрено, что вызывает проблемы в судебной практике и «привязку» при оценке конкретных действий к нарушению специального регулирования (Городов, 2007. С. 29).

Кроме того, термин «воздействие» в легальном понятии конкуренции не соответствует исходным экономическим теориям, поскольку акторы экономических отношений априори способны и должны воздействовать на процесс товарооборота (Тотьев, 2011. С. 61–63).

Субъекты конкурентных отношений. Субъектный состав законодателем определен просто. К хозяйствующим субъектам не относятся органы публичной власти, местного самоуправления, организаторы торгов.

По смыслу ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции конкурентами признаются хозяйствующие субъекты, осуществляющие продажу товаров на одном товарном рынке, или хозяйствующие субъекты,

[4] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (04.07.2020).

осуществляющие приобретение товаров на одном товарном рынке[5].

Данное обстоятельство создает в том числе проблему неадекватной криминализации деяний при выполнении, например, муниципальных контрактов, когда заказчик долгое время при договоренности с муниципальными служащими выигрывает торги, исполняет контракт. Однако за подобные договоренности, вне зависимости от факта выполнения контрактов, муниципальные служащие привлекаются к уголовной ответственности.

Таким образом, легальное понятие аккумулировало поведенческий подход, упуская функциональный и структурный, тогда как таковые применяются в рамках оценки действий субъектов как ограничивающих конкуренцию. Функциональный подход отражает конкретные способы экономической деятельности, структурный – появление монополий. Кроме того, в рамках упомянутого ценностно-сетевого подхода действия субъектов оцениваются с позиции соответствия создаваемых коопераций условиям развития экономики. Так, при оценке действий субъектов отвечающим необходимости именно развития, таковые могут одновременно попадать под категорию ограничивающих.

Признаки конкуренции. Таким образом, целесообразно обратить внимание на признаки конкуренции в рамках эволюции подходов к ее определению:

1) сохраняемость (норма прибыли через оптимальное соотношение трудовых ресурсов и капитала, компетентность игроков рынка, свобода действий конкурентов, определение стоимости благ через оценку необходимых затрат);

2) приспособляемость (рост качества, сервиса, наличие препятствий для вхождения новых участников рынка);

3) изменчивость (стимулирование государством, замена ценовых способов конкуренции на ценностно-ориентированные) (Полусмакова, 2011. С. 14–15).

Соответственно, конкуренция подразумевает не только открытое безбарьерное соперничество, но и необходимый уровень закрытости той или иной отрасли, вхождение в которую обеспечивается качеством предлагаемых услуг, работ, товара. Указанное исключает ограничение или недобросовестность конкуренции в силу условий развития рынка. Так, в современных условиях, неясно как оценивать феномен конкуренции самозанятых и влияние их на рынок услуг. В качестве самозанятых регистрируются, как правило, бывшие индивидуальные предприниматели, ряд из них просят работников получит тот же статус, после чего заключают с ними договоры гражданско-правового характера и экономят на налогах. В данной ситуации возникает конфликт условий развития экономики и формально юридического подхода к определению конкуренции.

Обсуждение

В связи с изложенным с позиции теории права целесообразно при оценке действий субъекта экономических отношения руководствоваться не только легальным понятием конкуренции, но и такими ее признаками, как сохраняемость, изменчивость и приспосабливаемость. Субъектный состав необходимо расширить, включив органы власти, местного самоуправления, организаторов торгов.

С учетом особенностей термина «конкуренция» можно следующим образом определить специфику конкурентных отношений. Данные отношения складываются не только между хозяйствующими субъектами (в основном это субъекты предпринимательской деятельности, поскольку по своей природе конкуренция лежит в сфере предпринимательства), но

[5] Приказ Федеральной антимонопольной службы от 8 августа 2019 г. № 1073/19 «Об утверждении методических рекомендаций» (вместе с Методическими рекомендациями об организации взаимодействия ФАС России с заинтересованными правоохранительными органами по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с ограничением конкуренции (статья 178 Уголовного кодекса Российской Федерации). Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

иными, заинтересованными в стабилизации качества оказываемых услуг, изменении потребительского спроса и увеличения прибыли либо наоборот экономии бюджетных средств.

Исходя из положений п. 1 ст. 2 ГК РФ также следует, что конкурентные отношения, являясь предпринимательскими (т. е. преследующие систематическое извлечение прибыли), основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, по своей природе относятся к имущественным отношениям и всегда парные (Новиков, 2015. С. 113).

При этом конкурентное преимущество, формируемое деятельностью субъектов экономических отношений, также может носить личный неимущественный характер. Например, деловая репутация, товарный знак, коммерческое обозначение, влияющие на повышение узнаваемости и потребительской привлекательности, обеспечивают более эффективное продвижение на рынке, создают условия развития конкуренции в рамках ценностно-сетевого подхода в части обеспечения добросовестности взаимоотношений участников рынка в долгосрочной перспективе и качества продукта, поддающегося в конечном итоге определенной денежной оценке.

Таким образом, конкуренция – явление многоплановое, отражающее способ взаимодействия субъектов экономической деятельности, отличается свойствами приспосабливаемости, изменчивости и сохраняемости. В качестве правового явления аккумулирует средства регуляции поведения участников рынка. Конкурентные отношения относятся к гражданско-правовым (имущественным) отношениям, особенностью которых является тесная взаимосвязь с личными неимущественными отношениями субъектов экономической деятельности как необходимой предпосылкой здоровой конкуренции на современном этапе.

Список источников / References

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. Москва: Дело, 1994. 687 с.

Blaug M. (1994) Economic thought in retrospect. Moscow: Case, 687 p. (In Russ.)

Городов О. А. К понятию недобросовестной конкуренции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 6. С. 29–40.

Gorodov O. A. (2007) On the concept of unfair competition. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye = News of higher educational institutions. Jurisprudence*. No. 6. P. 29-40. (In Russ.)

Маршалл А. Принципы экономической науки. Москва: Прогресс, 1993. 414 с.

Marshall A. (1993) Principles of economic science. Moscow: Progress. 414 p. (In Russ.)

Новиков М. В. Конкурентные отношения как предмет гражданского права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3. С. 111–114.

Novikov M. V. (2015) Competitive relations as a subject of civil law. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. No. 3. P. 111-114. (In Russ.)

Полусмакова Н. С. Развитие концепций конкуренции: эволюционный подход // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2011. № 1. С. 13–19.

Polusmakova N. S. (2011) Development of the concepts of competition: an evolutionary approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya = Bulletin of the Volgograd State University. Series 3: Economy. Ecology*. No. 1. P. 13-19. (In Russ.)

Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. Москва: Наука, 1993. Т. 1. 569 с.

Smith A. (1993) Research on the nature and causes of the wealth of peoples. Moscow: Nauka. Vol. 1. 569 p. (In Russ.)

Стиглер Дж. Совершенная конкуренция: исторический ракурс // Вехи экономической мысли. СПб.: Экономическая школа, 1999. С. 299–328.

Stigler J. (1999) Perfect competition: a historical perspective. *Vehi jekonomicheskoj mysli = Milestones of economic thought.* Saint Petersburg: Jekonomicheskaja shkola. P. 299-328. (In Russ.)

Сырых В. М. История и методология юридической науки. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2012. 464 с.

Syrykh V. M. (2012) History and methodology of legal

science. Moscow: Norma: INFRA-M. 464 p. (In Russ.)

Тотьев К. Ю. Понятие «конкуренция» в антимонопольном законодательстве // Хозяйство и право. 2011. № 2. С. 60–68.

Totiev K. Yu. (2011) The concept of "competition" in the antimonopoly legislation. *Khozyaystvo i pravo = Economy and law*. No. 2. P. 60-68. (In Russ.)

Шрам Д. В. Методологические проблемы анализа недобросовестной конкуренции как одной из форм злоупотребления гражданским правом // Евразийский юридический журнал. 2019. № 2. С. 183–186.

Shram D. V. (2019) Methodological problems of the analysis of unfair competition as one of the forms of civil law abuse. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal = Eurasian Law Journal*. No. 2. P. 183-186. (In Russ.)

Шумпетер Й. А. Теория экономического развития: (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). Москва: Прогресс, 1982. 455 с.

Schumpeter J. A. (1982) Theory of economic development: (Research of entrepreneurial profit, capital, credit, interest and the cycle of the conjuncture). Moscow: Progress. 455 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Александр Анатольевич Пахаруков,
кандидат юридических наук,
доцент, заведующий кафедрой юриспруденции,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
Российская Федерация
paharukov@mail.ru

Камилла Ахтамовна Файзиева,
студентка,
Института экономики, управления и права,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
Российская Федерация
kamilla.fayzieva@mail.ru

Information about the authors

Aleksandr A. Pakharukov,
Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor,
Head of Jurisprudence Department, Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str, Irkutsk 664074,
Russian Federation,
paharukov@mail.ru

Kamilla A. Faizieva,
Student,
of the Institute of Economics, Management and Law,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Street, Irkutsk 664074,
Russian Federation,
kamilla.fayzieva@mail.ru

Вклад авторов

Пахаруков А. А. и Файзиева К. А. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Contribution of the authors

Pakharukov A. A., Faizieva K. A. have conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, they own the copyright in this article and bear responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2022 г.; поступила после рецензирования и доработки 10 октября 2022 г.; принята к публикации 10 октября 2022 г

Information about the article

The article was submitted September 30, 2022; received after review and revision October 10, 2022; accepted for publication October 10, 2022.

Оригинальная статья / Original article
УДК 347.97

Конституционно-правовые основы административного судопроизводства в зарубежных странах

© Р. С. Тихий
Кубанский государственный аграрный университет,
г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу конституционного законодательства зарубежных стран, закрепляющего основы деятельности административных судов. Вопросы административного судопроизводства как в Российской Федерации, так и в отдельных зарубежных странах остаются за пределами четкого законодательного закрепления конституционных основ. Также зарубежным законодательством не определяется система конституционных принципов административного судопроизводства, как основных начал деятельности административных судов. Для эффективного осуществления административного судопроизводства необходима система судов, имеющих специализацию по рассмотрению административных дел и споров, вытекающих из публичных правоотношений (административной юстиции). Деятельность административных судов (административной юстиции и юрисдикции) должна быть основана на важных конституционно-правовых основах для зарубежных стран с различными формами государства и формами правления, которые провозглашаются в конституциях и основных законах данных стран. На основе анализа конституционных положений выявлены пробелы в правовом регулировании и сформулированы предложения по совершенствованию конституционного законодательства зарубежных государств. Научная новизна исследования заключается в том, что авторами впервые проведено комплексное исследование конституционно-правовых основ административного судопроизводства на примере зарубежных стран. Результаты могут быть использованы в качестве теоретических положений науки конституционного права и административного процессуального права, а также в законодательной практике.

Ключевые слова: конституционное регулирование, административное судопроизводство, административная юстиция, административно-правовой спор

Для цитирования: Тихий Р. С. Конституционно-правовые основы административного судопроизводства в зарубежных странах // *Социальная компетентность.* 2022. Т. 7. № 2–3. С. 172–180.

Constitutional and legal bases of administrative proceedings in foreign countries

© Roman S. Tikhy
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the constitutional legislation of foreign countries, which establishes the foundations of the activities of administrative courts. The following methods were used in the work: dialectical and systematic method, analytical method, method of comparative legal analysis. The results of the research can be used as theoretical provisions of the science of constitutional law of foreign countries and administrative procedural law, as well as in legislative practice. The issues of administrative legal proceedings, both in the Russian Federation and in some foreign countries, remain beyond the clear legislative consolidation of the constitutional foundations. Also, foreign legislation does not define the system of constitutional principles of administrative proceedings as the main principles of the activity of administrative courts. For the effective implementation of administrative legal proceedings, a system of specialized courts is needed, specializing in the consideration of administrative cases and disputes arising from public legal relations (administrative justice). The activity of administrative courts (administrative justice and jurisdiction) should be based on important constitutional and legal foundations for foreign countries with various forms of government and for a of government, which are proclaimed in the constitutions and basic laws of these countries. Based on the analysis of the constitutional provisions of foreign countries, gaps in legal regulation have been identified and proposals for improving the constitutional legislation of foreign states have been formulated. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time the authors conducted a comprehensive study of the constitutional and legal foundations of administrative proceedings on the example of foreign countries.

Keywords: constitutional regulation, administrative proceedings, administrative justice, administrative jurisdiction

For citation: Tikhy R. S. (2022) Constitutional and legal bases of administrative proceedings in foreign countries. *Sotsialnaya kompetentnost = Social Competence*. Vol. 7. No. 2-3. P. 172-180. (In Russ.)

Введение

В условиях развития конституционного законодательства актуальным вопросом остается вопрос об определении статуса судебной власти, которая является важным инструментом государственного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина и выступает как форма судебной защиты. Важная роль в данной сфере правового регулирования принадлежит административным судам, которые призваны обеспечить судебный контроль за деятельностью органов публичной исполнительной власти при взаимодействии с гражданами и организациями. Учитывая, что как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах Конституция и Основные законы не имеют необходимых положений, определяющих статус административных судов, а также их полномочия, это обуславливает наличие проблем конституционно-правового регулирования административного судопроизводства, имеющих первостепенное значение для отраслевой научной теории конституционного и административного права.

Методы

В работе были использованы: диалектический, системный, аналитический методы, а также метод сравнительно-правового анализа.

Результаты

В современных условиях развития судебной системы важная роль принадлежит конституционно-правовым основам и принципам деятельности судебной власти. Они закрепляются в конституциях и основных законах государства. Конституционные нормы, содержащие данные понятия, вытекают из текста закона, обладающего высшей юридической силой в государстве. Данные нормы во многом сочетают в себе национальное внутригосударственное и международно-правовое регулирование. От их наличия зависит эффективность организации судебной власти, в том числе административного судопроизводства.

Для рассмотрения конституционно-правовых основ административного судопроизводства в зарубежных странах проведем анализ некоторых положений российской и зарубежной научной теории о понятии административного судопроизводства.

В российской научной теории понятие «административного судопроизводства» трактуется по-разному. Одни исследователи, например, М. С. Студенкина, И. А. Соколов отождествляют административное производство с административным производством по делам об административных правонарушениях (Студеникина Соколов, 2013. С. 592).По мнению И. М. Галий, под административным судопроизводством следует понимать рассмотрение судами административных дел в порядке, установленном нормами административно-процессуального законодательства (Галий, 2007.С. 42). Другие авторы, например, А. Б. Зеленцов и М. С. Студеникина считают, что предметом административного судопроизводства выступают, с одной стороны, административное правонарушение, а с другой – административные споры о законности актов исполнительных органов государственной власти и их должностных лиц (Зеленцов, 2007. С. 177). В современной научной литературе административное судопроизводство рассматривается как форма судебного (принудительного) восстановления субъективных публичных прав граждан и организаций (Зверева, 2019). В российской современной науке административное судопроизводство различными авторами, например, Н. Г. Салищевой, Ю. А. Хаманевой, И. В. Пановой, Ю. Н. Стариловым и др. рассматривается как часть административного процесса, урегулированного нормами административного процессуального права. Так, например, Н. Г. Салищевой административное судопроизводство

называет административной юстицией как вид государственного контроля за деятельностью органов исполнительной власти, осуществляемого судами общей юрисдикции и арбитражными судами (Салищева, 2022). Для рассмотрения публичных споров, вытекающих из деятельности органов исполнительной власти, возникающих между органами власти и гражданами в Российской Федерации, в 2015 году был принят Кодекс административного судопроизводства. Таким образом, в российской научной литературе понятие «административного судопроизводства» стали связывать с понятием «административно-правового спора».

В отечественной отраслевой юридической науке понятие «административно-правового спора» исследуется в различных научных источниках. Так, например, по мнению Н. Ю. Хаманевой, административно-правовые споры возникают в сфере государственного управления в процессе осуществления органами исполнительной власти управленческих функций (Хаманева, 2009. С. 36). Также административно-правовой спор рассматривается и как разновидность юридического конфликта по поводу неправильного применения норм административного права властным субъектом по отношению к невластному, который нарушает его права (Соколов, 2009. С. 12). Административно-правовой спор представлен системой судов, образующих административную юстицию и связан с рассмотрением жалоб, исковых заявлений и т. д. На наш взгляд, административно-правовой спор представляет собой спор, возникающий по поводу нарушения должностными лицами органов исполнительной власти в процессе осуществления управленческих функций прав и свобод граждан в сфере государственного и муниципального управления, рассматриваемый в определенном процессуальном порядке системой специальных административных судов.

Что касается зарубежных стран, то административное производство в них представлено также как разновидность административной юстиции. В зарубежных странах понятие административная юстиция включает в себя: 1) рассмотрение правового спора; 2) наличие системы органов, наделенных компетенцией по рассмотрению правовых споров; 3) определенный процессуальный порядок рассмотрения данных споров (Кулюшин, 2008). Развитие административного судопроизводства (административной юстиции) в зарубежных странах связано с развитием судебного контроля за деятельностью публичной власти. Что послужило созданию административных судов и судов общей юрисдикции, в таких странах как Франция, Германия, Великобритания, США и в др. В связи с чем возникла необходимость конституционного закрепления основ административного судопроизводства в зарубежных странах. По нашему мнению, административное судопроизводство – это регламентируемая нормами административного процессуального права деятельность административных судов, судов общей юрисдикции и административной юрисдикции по рассмотрению административно-правовых споров, вытекающих из административных правоотношений при взаимодействии граждан с органами исполнительной власти. Наличие административно-правового спора между гражданами и должностными лицами органов исполнительной власти определяет предмет административного судопроизводства. Такая конкретизация предмета административного судопроизводства позволит отграничить данный вид судопроизводства от других видов.

Далее проведем анализ конституционно-правовых основ административного судопроизводства в отдельных зарубежных странах на примере Конституций, Основных законов и федеральных законов об административных судах. Так, например, согласно статье 3 Конституции США (принятой 17.09.1787 г.), где закреплены

конституционные основы судебной федеральной системы, состоит из Верховного суда и нижестоящих судов, которые должны быть учреждены Конгрессом. Верховный суд является высшей судебной инстанцией Соединенных Штатов и единственным судом, создание которого предусмотрено Конституцией. По всем делам, касающимся послов, других официальных представителей и консулов, а также тех, где штат является стороной, Верховный суд наделяется юрисдикцией суда первой инстанции. По другим указанным выше делам Верховный суд наделяется апелляционной юрисдикцией по вопросам как права, так и факта, с такими исключениями и по таким правилам, какие устанавливает Конгресс[1].

Второй уровень федеральной судебной системы составляют апелляционные суды, которые были созданы в 1891 г. с целью упрощения распределения судебных дел и облегчения работы Верховного суда. Они пересматривают решения окружных судов (суд первой инстанции федеральной юрисдикции) в пределах своих округов. А также просматривают постановления независимых арбитражных агентств, таких, например, как федеральная торговая комиссия и т. д. Также в США созданы специальные суды на основе законодательных актов Конгресса. Отдельные положения, посвященные административным судам в Конституции США и конституционном законодательстве, не предусмотрены.

В Конституции Франции 1958 года содержится раздел VIII «О судебной власти»[2].

При этом конституционно-правовые основы деятельности административного судопроизводства в основном законе Франции не закреплены, но имеются в отдельном специальном законодательстве. Во Франции административные суды (трибуналы) самостоятельны и не подчиняются никаким органам в системе общих судов. Во Франции существуют суды двух видов (общие и административные), и в отдельных случаях общие суды контролируют администрацию. Для решения вопросов подсудности в 1848 г. был учрежден Суд по спорам о подсудности. Этот суд двусторонний.

К административным судам относятся низовые суды (региональные и специализированные), апелляционные и Госсовет[3]. К специализированным административным судам относятся:

1. Счетная палата – самый старый, важный и значительный из них; в 1982 г. в регионах были учреждены региональные счетные палаты, подчиненные столичной;

2. Дисциплинарные суды как внутри административной системы (например, для преподавателей публичных учебных заведений), так и за ее пределами (для архитекторов, врачей и других лиц свободных профессий);

3. Суды по вопросам социального обеспечения, занимающиеся пенсиями и другими пособиями.

Специализированные суды создаются в основном по двум причинам:

1. В интересах использования выгод узкой специализации служащих администрации (как в случае со Счетной палатой).

2. В целях привлечения представителей общественности (пенсионеров, преподавателей, врачей и т. д.) к участию в них.

Постановления региональных судов могут быть обжалованы в апелляционных, созданных в 1987 г., для облегчения работы Госсовета. Высшим административным судом Франции, а также главным консультантом правительства по вопросам управления, является Государственный совет.

Вопросы административного судопроизводства нашли своё отражения в

[1] Конституция США от 17.09.1787 г. [Электронный ресурс]. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=168 (18.10.2022).
[2] Конституция Франции 1958 г. [Электронный ресурс]. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=138 (18.10.2022).
[3] Административные суды Франции. [Электронный ресурс]. URL: http://kruglaw.narod.ru/lit/admin_law/kozyrin/3_5.htm (18.10.2022).

Основном законе ФРГ (Германия), принятого в 1949 году. Он прямо предусматривает возможность обращения в суд в случае, если права лица нарушены государственной властью (абз. 4 ст. 19 Основного Закона)[4].

Административным судам также подведомственны публично-правовые споры неконституционного характера, постольку они законом явным образом не отнесены к компетенции иных специализированных судов или судов общей юрисдикции. Так, например, согласно ст. 95(86) Основного закона ФРГ для отправления правосудия в области общей, административной, финансовой, трудовой и социальной юрисдикции Федерация учреждает в качестве высших судебных инстанций: Федеральную судебную палату, Федеральный административный, Федеральный финансовый, Федеральный трудовой и Федеральный социальный суды. Основным источником в области административной юстиции Германии является Закон об административно-судебном процессе 1960 года. Система административных судов этого государства включает в себя три звена. Образование двух первых – административного суда и высшего административного суда земли – находятся в ведении соответствующих земель. В каждой из них есть отдельный закон, регулирующий особенности административной юстиции в конкретной земле. В нескольких южно-германских землях (Бавария, Гессен и Баден-Вюртемберг) высший орган административной юстиции земли носит название Верховного административного суда земли.

Конституция Итальянской Республики, принятая в 1947 году, содержит раздел I «Судоустройство», определяющий судебную организацию в стране. Так, например, согласно ст. 102 Основного закона Италии, судебные функции осуществляются ординарными судьями, должности которых учреждены и деятельность которых регулируется законом о судоустройстве[5]. Государственному совету и другим органам административной юстиции принадлежит юрисдикция по защите законных интересов по отношению к государственным органам и особенно в вопросах, указанных законом, и кроме того, связанных с субъективными правами (ст. 103 Основного закона Италии). В области учреждаются органы административной юстиции первой ступени в порядке, установленном законом Республики. Могут учреждаться отделения с резиденцией вне главного города области (ст. 125 Основного закона Италии). Статус административных судов Италии определяется свободным собранием законов о Государственном совете (Закон 1924 г.) и законом об образовании областных административных трибуналов 1974 г. Высшая инстанция административной юстиции – Государственный совет. Эту функцию выполняют три его отделения с судебными полномочиями. Общее собрание Совета может формулировать правовые принципы для деятельности административных трибуналов.

Определенную особенность конституционного регулирования административного судопроизводства составляет законодательство Великобритании. В Великобритании Конституция не кодифицирована, это неписанный документ, а собрание законов, прецедентов и конституционных обычаев Великобритании, которые определяют порядок формирования и полномочия органов государства, принципы взаимоотношений государственных органов между собой, а также государственных органов и граждан. В данной стране существует судебный контроль за публичной администрацией. Судебная власть уполномочена проверять

[4] Административная юстиция в Германии: особенности административного судопроизводства. [Электронный ресурс]. URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/71934-administrativnaya-yusticiya-germanii-osobennosti-administrativnogo-sudoproizvodstva (18.10.2022).
[5] Конституция Итальянской Республики. [Электронный ресурс]. URL: https://www.proturin.altervista.org/docs/costituzione.html (18.10.2022).

действия исполнительной власти, расширяя сеть административных органов и действуя на основании ее значительной роли гаранта против злоупотребления исполнительной властью (Шутилина, 2022). В Великобритании созданы судебные трибуналы. В соответствии с Законом о трибуналах, судах и исполнительном производстве 2007 г. административные трибуналы учреждаются на основе статутов – актов парламента. Созданы новые органы административной юстиции Великобритании – Трибунал первого уровня (*First-tier Tribunal*) и Высший трибунал *(Upper Tribunal).*Трибунал первого уровня рассматривает жалобы (апелляции) на решения министерств, ведомств и других административных органов. В настоящее время в его состав входят шесть палат, каждая из которых объединила полномочия многих административных трибуналов, действовавших ранее:

– по социальным вопросам;

– по вопросам медицинской образовательной и социальной помощи;

– по вопросам назначения пенсий ветеранам войны и компенсаций лицам в составе вооруженных сил;

– по вопросам общего регулирования;

– по вопросам иммиграции и предоставления убежища;

– по вопросам налогообложения.

Высший трибунал рассматривает жалобы (апелляции) на решения Трибунала первого уровня. В составе Высшего трибунала образуются следующие палаты:

– по административным апелляциям;

– по вопросам иммиграции и предоставления убежища;

– по земельным вопросам;

– по вопросам налогообложения.

Высшему трибуналу предоставлены полномочия судебного контроля, предусматривающие возможности использовать средства судебной защиты – издавать обязывающие, запрещающие, отменяющие, декларативные приказы. Эти полномочия могут осуществляться Высшим трибуналом только при определенных условиях:

– если заявитель требует указанных средств судебной защиты, не выступая с другими требованиями и не оспаривая акты, вынесенные судом Короны;

– если заявленный спор подпадает под одну из определенных законом категорий дел;

– если судья, председательствующий при рассмотрении дела, является судьей Высокого или Апелляционного суда Англии и Уэльса.

Таким образом, в Англии административная судебная система представлена судебными трибуналами, осуществляющими судебный контроль за деятельностью публичной власти.

Конституция Испании 1978 года содержит 6 раздел, посвященный органам судебной власти[6]. Статья 117 Конституции Испании содержит положение о том, что осуществление судебной власти на всех стадиях отправления правосудия, вынесение судебных решений и приговоров и обеспечение их применения относится исключительно к ведению судей и судов, определенных законом, в соответствии с условиями полномочий и порядка судебного разбирательства, ими же установленными. Исходя из данной нормы, вопросы судебной власти, в том числе административного судопроизводства, в Испании могут быть определены в специальном законе. Конституция определяет два вида суда – Верховный и Конституционный. В судебную систему Испании входят также *специальные административные суды,* которые дополняют суды общей юрисдикции и занимающиеся рассмотрением споров между гражданами и административными органами. Статус административных судов закреплен Органическим законом «О судебной власти», а также Законом от 13 июля 1998 г. 29/1998 «О судебно-администра-

[6] Испанская Конституция 1978 года. [Электронный ресурс]. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/SPAIN.HTM#60 (18.10.2022).

тивной юрисдикции» (исп. Ley 29/1998, de 13 de julio, reguladora de la jurisdiction contencioso-administ- rativa). В систему административных судов, которые занимаются рассмотрением жалоб на действия публичной администрации, входят:

1) административные суды провинций (они образуются по одному или более в каждой провинции);

2) палаты по административным спорам высших судов автономных сообществ, которые рассматривают:

– в первой инстанции – иски на акты Правительства и центральных органов данных автономных сообществ, споры по выборам;

– во второй инстанции – апелляции на решения нижестоящих административных судов провинций;

3) Палата по административным спорам Национального высокого суда Испании (исп. Saladelocontencioso-administrativo), которая рассматривает: в первой инстанции иски на решения министров и государственных секретарей;

4) Третья палата, или Палата по административным спорам, Верховного суда Испании (исп. Salatercera, delocontencioso-administrativo), которая рассматривает:

– в первой инстанции – иски по актам и решениям «высших органов государства»;

– во второй инстанции – кассации на решения палаты по административным спорам Национального высокого суда; кассации на решения палаты по административным спорам Национальной высокого суда; кассации на решения, принятые в первой инстанции административными палатами высших судов автономных сообществ; апелляции на решения административных судов провинций в случаях, предусмотренных законом.

Также в Испании образована система специализированных административных судов – налоговых и административно-экономических судов (исп. tribunaleseconomico-administrativos). Несмотря на это, Конституция Испании не содержит основ административного судопроизводства.

В Конституции Мексики 1917 г. содержится глава IV, которая посвящена основам судебной власти[7]. Так, например, согласно ст. 94 Конституции Мексики судебная власть осуществляется Верховным судом, окружными судами, а также апелляционными и районными. По Конституции Мексики суды Федерации рассматривают споры об обжаловании действий и решений, нарушающих права и свободы граждан, а также об обжаловании действий и решений федеральных властей, ограничивающих и нарушающих суверенитет штатов. Отдельных конституционных положений, посвященных административным судам в Конституции Мексики, не имеется.

Согласно ст. 112 Конституции Королевства Нидерландов 1783 года определены полномочия судебных органов по разрешению споров по вопросам гражданского права и долговым обязательствам[8]. Судебная система Нидерландов основана на Конституции и Законе о судебной организации 1827 г. В 1914 г. было введено административное судебное разбирательство по налоговым вопросам. Закон об административной юрисдикции по налоговым делам 1956 г. предусмотрел, что апелляционные суды являются первой инстанцией по спорам о размерах налогов и другим решениям налогового инспектора (кассационной инстанцией выступает Верховный суд). После пересмотра Конституции в 1982 г. административные суды, разрешавшие споры по налогообложению, были включены в систему обычных судов[9]. В соответствии

[7] Конституция Мексики 1917 года. [Электронный ресурс]. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=51 (18.10.2022).
[8] Конституция Королевства Нидерландов 1983 года. [Электронный ресурс]. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=143 (18.10.2022).
[9] Нидерланды. Судебная система органов контроля. [Электронный ресурс]. URL: http://www.criminal.peterlife.ru/criminal/53322.htm (18.10.2022).

с Законом об общем административном праве 1992 г. в 1990-е гг. в 19 окружных судах были учреждены административные отделения, рассматривающие дела по первой инстанции. Это были суды по рассмотрению споров по социальному обеспечению. При этом единых норм об административном судопроизводстве и полномочиях административных судов в Конституции Королевства Нидерландов не содержится.

Заключение

Таким образом, на основании проведенного исследования по вопросу конституционно-правовых основ административного судопроизводства в отдельных зарубежных странах можно сделать вывод о том, что в зарубежных странах система административного судопроизводства представлена в основном в федеральных законах. Данные федеральные законы определяют правовое положение административных судов, а также их полномочия. Только лишь некоторые положения закрепляются в Конституциях и Основных законах зарубежных стран. Это обуславливает наличие проблем конституционно-правового регулирования административного судопроизводства. На наш взгляд, для решения указанных проблем необходимо в Конституциях и Основных законах зарубежных стран предусмотреть основы и общие положения деятельности административных судов. Что позволит на уровне Конституции и Основного закона страны конкретизировать правовое положение данных судов, определить их полномочия, что и будет являться основой для систематизации и кодификации федерального процессуального законодательства зарубежных стран об административном судопроизводстве.

Список источников / References

Студеникина М. С., Соколов И. А. Административная юстиция: организационный и процессуальный аспекты // Административное судопроизводство в Российской Федерации: развитие теории и формирование административно процессуального законодательства. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2013. Вып. 7. С. 592.

Studenikina M. S., Sokolov I. A. (2013) Administrative justice: organizational and procedural aspects. *Administrativnoe sudoproizvodstvo v Rossijskoj Federacii: razvitieteoriiiformirovanieadministrativnoprocessual'nogozakonodatel'stva= Administrative legal proceedings in the Russian Federation: development of the theory and formation of administrative procedural legislation.* Voronezh: Voronezh State University. Iss. 7. P. 592. (In Russ.)

Галий И. М. К вопросу о концептуальных основах административного правосудия // Российский судья. 2007. № 1. С. 42.

Galiil. M. (2007) To the question of the conceptual foundations of administrative justice. *Rossiiskii suya*. 2007. No. 1. P. 42. (In Russ.)

Зеленцов А. Б. Административно-правовой спор (теоретико-методологические подходы к исследованию) // Правоведение. 2000. № 1. С. 69.

Zelentsov A. B. (2000) Administrative and legal dispute (theoretical and methodological approaches to research). *Pravovedenie*. 2000. No. 1. P. 69. (InRuss.)

Студеникина М. С. Процессуальные формы осуществления правосудия по административным делам // Судебная реформа в России: проблемы совершенствования процессуального законодательства: материалы научно-практической конференции (Москва, 28 мая 2001 г.). М.: Изд-во Городец, 2001. С. 177.

Studenikina M. S. (2001) Procedural forms of administration of justice in administrative cases.*Sudebnayareforma v Rossii: problem sovershenstvovaniya protsessualnogo zakonodatelstva: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 28 maya 2001 g.)=Judicial Reform in Russia: Problems of Improving Procedural Legislation: Proceedings of the Scientific and Practical Conference (Moscow, May 28, 2001).* Moscow: Publishing House Gorodets. P. 177. (In Russ.)

Зверева Т. В. Теоретические аспекты осуществления административного судопроизводства в Российской Федерации // Современные научные исследования и инновации. 2019. № 3.

Zvereva T. V. (2019) Theoretical aspects of the implementation of administrative proceedings in the Russian Federation. *Sovremennye nauchnyei ssledovaniya iinnovatsii = Modern scientific researches and innovations*. No. 3. (In Russ.)

Салищева Н. Г. О судебном контроле за деятельностью органов исполнительной власти // Труды Института государства и права РАН. 2015. № 4. С. 79–101.

Salishcheva N. G. (2015) On judicial control over the activities of executive authorities. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.* No. 4. P. 79–101. (InRuss.)

Хаманева Н. Ю. Административно-правовой спор как разновидность юридического конфликта // Труды Института государства и права РАН. 2009. № 3. С. 36.

Khamaneva N. Yu. (2009) Administrativno-pravovoi spor kak raznovidnost' yuridicheskogo konflikta. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.* No. 3. P. 36. (In Russ.)

Соколов И. А. Административная юстиция: материальные и процессуальные аспекты. М.: Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, 2009. С. 12.

Sokolov I. A. (2009) Administrative justice: substantive and procedural aspects. Moscow:Moscow State Law Academy O. E. Kutafina. P. 12. (In Russ.)

Кулюшин Е. Н. О понятии административной юстиции в зарубежной правовой доктрине // Российский юридический журнал. 2020. № 3.

Kulyushin E. N. (2020) On the concept of administrative justice in foreign legal doctrine. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian legal journal.* No. 3. (In Russ.)

Информация об авторе

Роман Сергеевич Тихий,
доцент, кандидат юридических наук,
кафедра государственного
и международного права,
Кубанский государственный
аграрный университет,
350044, Краснодар, ул. Калинина, д. 13,
Российская Федерация,
roman_tihiy@bk.ru

Information about the Author

Roman S. Tikhy,
Associate professor, candidate of legal sciences,
Department of State and International Law,
Kuban State Agrarian University,
13 Kalinina St., 350044 Krasnodar,
Russian Federation,
roman_tihiy@bk.ru

Вклад автора

Автор выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

The Author carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 11.09.2022; одобрена после рецензирования 27.09.2022; принята к публикации 01.10. 2022.

Information about the article

The article was submitted 11.09.2022; approved after reviewing 27.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

Оригинальная статья / Original article
УДК 377

Сущность и механизмы взаимодействия субъектов наставничества в условиях образовательного процесса колледжа

© И. С. Гомбоева
ГПОУ «Приаргунский государственный колледж», п. Приаргунск, Российская Федерация

Аннотация. В статье освещается проблема взаимодействия субъектов наставничества в условиях образовательного процесса колледжа. Раскрываются особенности общения наставников в формах «студент-педагог», «студент-студент» во внеурочной работе и при подготовке к чемпионатам профессионального мастерства WorldSkills. Подчеркивается значимость диалога, который рассматривается в качестве механизма межличностного контакта наставника и наставляемого. Акцентируется внимание на развитии у наставляемого способности к самостоятельному выполнению учебной, производственной, других видов деятельности без посторонней помощи, что составляет основу самообразования и саморазвития. Предлагается алгоритм педагогической поддержки, выступающей в качестве средства наставничества в форме «студент-педагог»: определение проблемы наставляемого, выбор тактики поддержки, планирование мероприятий наставнической деятельности. В диаде «педагог-педагог» наставничество рассматривается как условие развития транспрофессиональных качеств наставника и наставляемого.

Ключевые слова: наставничество, наставник, форма наставничества, диалог, самостоятельность, педагогическая поддержка

Для цитирования: Гомбоева И. С. Сущность и механизмы взаимодействия субъектов наставничества в условиях образовательного процесса колледжа // *Социальная компетентность.* 2022. Т. 7. № 2–3. С. 181–190.

The essence and mechanisms of interaction between the subjects of mentoring in the context of the educational process of the college

© Irina S. Gomboyeva
ГПОУ Priargunsk State College, Priargunsk, Russian Federation

Abstract. The article highlights the problem of interaction of mentoring subjects in the conditions of the college educational process. The peculiarities of mentors' communication in the forms of «student-teacher», «student-student» in extracurricular work and in preparation for the WorldSkills professional skill championships are revealed. The importance of dialogue is emphasized, which is considered as a mechanism of interpersonal contact between the mentor and the mentee. Attention is focused on the development of the mentee›s ability to independently perform educational, industrial, and other types of activities without assistance, which forms the basis of self-education and self-development. The algorithm of pedagogical support, acting as a means of mentoring in the form of «student-teacher», is proposed: the definition of the mentee›s problem, the choice of support tactics, the planning of mentoring activities. In the dyad «teacher-teacher» mentoring is considered as a condition for the development of transprofessional qualities of the mentor and the mentee.

Keywords: mentoring, mentor, form of mentoring, dialog, autonomy, pedagogical support

For citation: Gomboyeva I. S. (2022) The essence and mechanisms of interaction between the subjects of mentoring in the context of the educational process of the college. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence.* Vol. 7. No. 2-3. P. 181-190. (In Russ.)

Введение

Одной из ведущих тенденций, происходящих в системе российского образования в целом, и в частности, среднего профессионального, является развитие института наставничества. Эта тема сегодня как никогда актуальна. Наставничество рассматривается как кадровая технология, обеспечивающая развитие сотрудников организации, как набор полезных поведенческих методов человека, как одно из направлений подготовки молодых специалистов, как особый тип отношений между людьми, как процесс, заключающийся в деятельностном сопровождении субъекта, как технология обмена опытом и др.

Однако, миссия и содержание наставничества гораздо шире, чем его интерпретация в нормативных документах, регламентирующих эту деятельность в различных образовательных организациях. Осознание сущности наставничества исходит из понимания сущности самого человека. Выступая в качестве субъекта общественно-исторической деятельности, культуры, он является преимущественно социальным существом. В человеке самой природой заложена потребность и необходимость передачи знаний, опыта от одного поколения к другому. Именно преемственность обеспечивает развитие человечества.

Вместе с тем, универсальность наставничества заключается в его разворачивании в многомерном пространстве. Межпоколенческая связь задает вектор развития наставничества в вертикальном направлении, причем как от взрослых к молодым, так и от молодых к взрослым. Тем самым в ситуации наставничества происходит устранение «разрыва» поколений, который зачастую может стать непреодолимым и привести к еще большей формализации отношений между родителем и ребенком, педагогом и воспитанником.

Установление взаимосвязи между ровесниками, людьми, увлеченными одной проблемой, занимающимися одним видом профессиональной деятельности, обеспечивает возможность существования наставничества в горизонтальной плоскости. Таким образом, можно утверждать, что человек попадает в пространственную систему координат, задающую наставнические связи, с самого рождения и остается включенным в нее в течение всей жизни.

Наставническая деятельность в образовательных организациях системы среднего профессионального образования представлена в следующих основных формах: «студент-студент», «педагог-педагог», «студент-ученик», «студент-педагог», «работодатель-студент». В условиях разнообразия наставнических связей особый интерес представляют вопросы о сущности наставничества, его роли в становлении человека, механизмах взаимодействия субъектов наставнических взаимоотношений. Обозначенным проблемам посвящена данная статья.

Методы

В качестве основных методов исследования использовались: изучение и обобщение фундаментальных трудов по философии, психологии, педагогике, анализ публикаций по теме статьи, метод аналогии и сопоставления.

Обсуждение

В «Методологии (целевой модели наставничества)» под наставничеством понимается универсальная технология передачи опыта, знаний, формирования навыков, компетенций и ценностей через неформальное взаимообогащающее общение, основанное на доверии и партнерстве[1].

Исходя из определения, можно сделать вывод о том, что взаимодействие пе-

[1] Методология (целевая модель) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования, в том числе с применением лучших практик обмена опытом между обучающимися (утверждена распоряжением Министерства просвещения Российской Федерации от 25.12.2019 г. No. Р-145)

дагога и обучающегося на учебном занятии не совсем подходит под классическое понимание наставничества, поскольку формализуется и регламентируется ФГОС, учебными планами, профессиональными стандартами педагогов профессионального обучения и профессионального образования, классно-урочной системой обучения.

Общение по поводу содержания учебного материала принимает характер неформального в том случае, когда осуществляется во внеурочной деятельности по предмету. Внеурочная деятельность, с одной стороны, является составной частью учебно-воспитательного процесса, с другой, – представляет форму организации свободного времени обучающихся.

Одной из возможных форм внеурочной работы с обучающимися колледжа является проведение преподавателями специальных и общеобразовательных дисциплин дополнительных индивидуальных занятий по предмету. Главная ценность таких занятий заключается в индивидуальном подходе к каждому молодому человеку. Педагог становится для наставляемого студента тьютором, его деятельность направлена на удовлетворение различных образовательных потребностей студентов: от ликвидации пробелов в знаниях, отработки пропусков занятий, и до углубленного изучения предмета, занятия научно-исследовательской, проектной деятельностью, подготовки к олимпиадам, конференциям, конкурсам.

Наиболее полно сущность наставничества раскрывается в процессе подготовки участников профессиональных чемпионатов движения WorldSkills. Причем, совместная деятельность наставника и наставляемого выстраивается как в форме «педагог-студент», так и в форме «студент-студент».

В первом случае, как правило, наставником является педагог (эксперт-компатриот), а наставляемым – студент. Однако здесь возможна и обратная связь, выстраиваемая в условиях реверсивного наставничества, когда опытный квалифицированный профессионал, старший по возрасту, становится подопечным студента, участвующего в чемпионатах ранее. Потенциал обратного наставничества заключается в создании и поддержке отношения открытости новому опыту и размытии границ положения, статуса.

В форме наставничества «студент-студент» наставником является участник или победитель предыдущих лет, а наставляемым – новый участник. Ценность данной формы в подготовке к чемпионатам заключается прежде всего в том, что оба субъекта совместной деятельности находятся в одной возрастной категории, поэтому им легче установить контакт и наладить общение друг с другом. Наставники-студенты могут поделиться не только знаниями и умениями, связанными с профессиональной деятельностью, но и передать эмоциональный опыт участия в конкурсе, свои переживания, способы и средства преодоления сложных ситуаций во время соревнований.

Ценность неформального общения наставника и наставляемого заключается в установлении не межролевого, а межличностного контакта, в результате которого возникает диалог и наибольшая восприимчивость и открытость воздействия одного человека на другого (Бодалев, 1995).

По мнению К. Ясперса, диалогичные отношения присущи человеку, поскольку представляют основной способ его бытия (Ясперс, 1991). Готовность к диалогу – это «решение вступить на путь человеческого бытия…, возможность для нас, людей, действительно жить друг с другом, говорить друг с другом, найти благодаря этой совместимости истину и только на этом пути стать самим собой» (Ясперс, 1991. С. 508).

Бубер М. акцентирует внимание на восприятии человека человеком в процессе диалога. В качестве первого способа восприятия выступает наблюдение, как запечатление образа наблюдаемого человека. Второй способ – созерцание, основанное на полной свободе, исключающей напряжение. Созерцатель и наблюдатель харак-

теризуются наличием желания принять другого человека. Третий вид восприятия – проникновение – М. Бубер называет границей возможности диалога. В этом смысле характер взаимоотношений наставника и наставляемого, а также эффективность наставнической деятельности будут достигаться не только наличием желания к восприятию друг друга, но и при условии взаимопроникновения. С точки зрения философа, диалог не ограничивается общением людей друг с другом. Это еще и отношения, которые выражаются в общении. Главным условием диалога является взаимная направленность внутреннего действия. Два человека должны быть обращены друг к другу (Бубер, 1999). Обозначенные идеи могут быть продуктивными при установлении психологической совместимости субъектов наставнической деятельности.

Таким образом, диалог в условиях наставничества выступает в качестве основного механизма взаимодействия наставника и наставляемого.

Опыт и знания, которыми наделяется наставляемый в результате общения с наставником, делают возможным его дальнейшее самостоятельное выполнение тех или иных функций, формируют готовность осуществлять учебную, производственную деятельность без посторонней помощи. Другими словами, наставник должен научить своего наставляемого самостоятельности.

Потребность в ней присуща взрослому человеку, но ее проявление в определении профессиональных и жизненных планов начинается в юношеском возрасте. В этот период самостоятельность не только представляет то, к чему стремится личность, но и то, чего от нее ожидают окружающие (родители, педагоги) (Кон, 1992. С. 492). Как и другие личностные черты, самостоятельность связана с социальными условиями и содержанием жизнедеятельности человека, определяется особенностями его воспитания (Карандашев, 2004).

Внешним проявлением способности личности, ее качеств является деятельность. Существуют различные подходы к выделению основных её видов. В контексте взаимодействия наставника и наставляемого предпочтительно обратиться к идее системного изучения деятельности М. С. Каганом, согласно которой деятельность человека может быть преобразовательной, познавательной и ценностно-ориентационной (Каган, 1974). В условиях образовательного процесса колледжа обучающийся становится субъектом различных видов деятельности.

Преобразовательная деятельность охватывает все формы человеческой деятельности, которые приводят к тем или иным изменениям. В зависимости от вида объекта преобразовательная деятельность может быть преобразованием: 1) природы, 2) общества, 3) человека. Она может иметь как характер механической (репродуктивной) деятельности, так и творческой.

Ярким примером преобразовательной деятельности является труд человека. В образовательном процессе колледжа непосредственное выполнение обучающимися трудовых функций, направленных на овладение конкретными видами профессиональной деятельности, осуществляется в условиях учебной и производственной практик. Здесь важное значение имеет использование методов обучения, направленных на максимальное проявление обучающимися самостоятельности.

Первым наставником обучающегося в овладении профессией, «проводником» в будущую трудовую деятельность, является мастер производственного обучения (Скакун, 2021). Для студента – это образец профессионализма. Причем в настоящее время роль и функции мастера производственного обучения существенно изменились. Сегодня мастер – «…не просто демонстратор эталонного выполнения трудовых приемов и операций, но и модератор всего учебно-производственного процесса…» (Дорожкин, 2016).

Одним из основных направлений деятельности мастера производственного

обучения как наставника в профессии, на наш взгляд, является создание им условий для развития мотивационных ориентаций личности обучающихся. Освоение профессии студентом колледжа должно осуществляться сознательно и активно. Поэтому в структуре профессиональной компетентности специалиста должен присутствовать мотивационный компонент, определяющий его готовность к обучению, овладению профессиональной деятельностью, самореализации в профессии (Безюлева, 2005).

На производственной практике за каждым студентом закрепляется наставник от предприятия, тем самым реализуется форма наставничества «студент-работодатель». Поскольку прохождение практики предполагает погружение обучающегося колледжа в реальную производственную среду, в свою будущую профессию, то наставничество со стороны работодателя приобретает черты компетентностно-ориентированного. Е. Н. Фомин в содержание компетентностно-ориентированного наставничества включает формирование профессиональных компетенций и социально важных качеств молодых специалистов (Фомин, 2013).

Изучая вопрос наставничества на предприятии, Э. Р. Гайнеев утверждает, что «…современный наставник является второй по значимости стороной процесса подготовки рабочих кадров и выбирается из числа наиболее квалифицированных рабочих, имеющих наивысший разряд по профессии и склонность к наставнической, педагогической деятельности, обладающий опытом инновационной творческой, производственной деятельности» (Гайнеев, 2020. С. 41).

Таким образом, на учебной и производственной практиках под руководством наставника происходит включение студента в преобразовательную деятельность, при выполнении которой постепенно возрастает доля его самостоятельности.

Предпосылкой преобразовательной деятельности является деятельность познавательная. Это такое взаимодействие субъекта и объекта, которое сопровождается получением знаний о мире и человеке. Отличие познавательной деятельности от преобразовательной заключается в том, что в ходе нее объект познания не изменяется, а отражается в сознании субъекта. Познавательная деятельность, также как и преобразовательная, имеет свои разновидности: 1) деятельность, производящая новые знания; 2) деятельность, усваивающая «добытые» (М. С. Каган) знания. Причем М. С. Каган акцентирует внимание на том, что производство и потребление здесь носят духовный характер и лежат в основе передачи знаний от поколения к поколению.

Проявление самостоятельности в данном виде деятельности предполагает прежде всего использование личностью разнообразного «инструментария» по работе с информацией. Самостоятельность же в этом случае «…не исчерпывается способностью выполнить задания. Она включает более существенную способность самостоятельно, сознательно ставить перед собой те или иные задачи, цели, определять направление своей деятельности. Это требует большой внутренней работы, предполагает способность самостоятельно мыслить и связано с выработкой цельного мировоззрения» (Рубинштейн, 2005. С. 637).

Третьим типом деятельности человека по М.С. Кагану является ценностно-ориентационная деятельность. Так же как и в деятельности познавательной, в условиях ценностно-ориентационной человек получает информацию о мире, но она носит субъективно значимый характер. То есть, отражение объектов реального мира осуществляется в контексте с интересами, потребностями, идеалами субъекта. В ценности выражается значимость объекта для субъекта.

Здесь самостоятельность приобретает двойственный характер. С одной стороны, она рассматривается как способность человека к независимому суждению, объ-

ективной оценке реалий внешнего мира в соответствии с собственной системой ценностей. Такую самостоятельность Ш. Шварц называет «самостоятельностью мыслей», заключающуюся в свободе развивать собственные идеи и способности. С другой стороны, самостоятельность выступает в качестве одной из ценностей, носящих мотивационный характер и состоящая в свободе выбора способа действия и проявляющаяся в творчестве и исследовательской активности (Карандашев, 2004. С. 28–29).

Включение обучающихся в ценностно-ориентационную деятельность в условиях образовательного процесса колледжа возможно с помощью использования различных педагогических средств: общение наставников и наставляемых на основе диалога; моделирование педагогами ценностной среды; создание благоприятного социально-психологического климата в учебной группе и др.

Рассмотренные виды деятельности человека не изолированы друг от друга. Их взаимосвязь образует целостность и единство. Сформированная способность наставляемого к самостоятельности составляет основу его дальнейшего самообразования, самосовершенствования, саморазвития.

Одним из внешних проявлений самостоятельности обучающегося является решение им своих проблем без участия взрослого человека. В этом случае в качестве средства наставнической деятельности выступают педагогическая поддержка и педагогическое сопровождение.

Алгоритм действий педагога, осуществлявшего наставническую деятельность, с использованием средств педагогической поддержки выглядит следующим образом:

1. Определение проблемы (трудности, препятствия) воспитанника.
2. Выбор тактики педагогической поддержки.
3. Планирование мероприятий наставнической деятельности.

Раскроем содержание каждого этапа.

Отправной точкой в педагогической поддержке считается проблема воспитанника, препятствующая его самоопределению и самореализации в какой-либо деятельности. Сферы возникновения таких проблем могут быть различными: здоровье, учение, общение, досуг, творчество, труд и др.

Анохиной Т. В. разработан подход к классификации препятствий, с которыми молодые люди сталкиваются в процессе обучения, воспитания и саморазвития. Согласно данному подходу, основу возникновения препятствий составляет «недостаточность». Она имеется в самом субъекте (личности) или окружающей социальной среде, а также в материальных и иных условиях (Анохина, 2000).

Одной из причин появления препятствий первой группы – субъективных (личностных), по мнению автора, является отсутствие у обучающихся информации для выполнения самостоятельного действия. В этом случае помощь со стороны педагога заключается в предоставлении воспитанникам необходимой информации или обучении способам ее поиска.

Еще одним проявлением личностных препятствий являются препятствия-трудности. С ними молодые люди могут справиться самостоятельно, поскольку обладают необходимыми для этого качествами и способностями. Однако преодоление требует дополнительного напряжения волевых, интеллектуальных, моральных сил. Предметом педагогической поддержки в этом случае выступает потребностно-мотивационная сфера личности.

Третий компонент субъективных препятствий в классификации Т. В. Анохиной – это препятствия-проблемы. Они заключаются в отсутствии у человека знаний, умений, опыта, способов деятельности или общения, а также недостаточном развитии в физическом и психическом плане. Решение предполагает использование личностью новых средств, способов для их устранения. Таким образом, источником субъективных препятствий являются ком-

поненты личностной структуры воспитанников: эмоционально-волевой, потребностно-мотивационной, когнитивной, поведенческой и др.

Препятствия второй группы носят название социальных и связаны со средой, окружающей человека, включающей микро-, мезо-, макро- и мегафакторы социализации (Мудрик, 2011).

А. В. Мудрик микрофакторами социализации называет следующие: семью; соседство, как общность, имеющую отношение к определенному месту проживания; группы сверстников; компьютер как средство, расширяющее коммуникативные и познавательные возможности человека; образовательные и другие виды организаций. В качестве мезофакторов социализации ученым выделяются: регионы как составные части страны, государства; средства массовой коммуникации; субкультуры; различные виды поселений (село, поселок, город). К макрофакторам, влияющим на социализацию человека, относятся: страна как географическо-культурный феномен; этнос; общество как политолого-социологическое понятие; государство как политическая система общества; различные социальные институты общества. Мегафакторы включают такие глобальные образования как космос, планета, мир, Интернет.

Третью группу составляют материальные препятствия, обусловленные как степенью материально-технического обеспечения образовательного процесса, так и материальным положением семьи обучающегося.

Таким образом, классификация препятствий с точки зрения характера источников их возникновения позволяет определить цели, задачи и направления педагогической поддержки в каждом из отдельных случаев.

Выявление препятствия (трудности), с которым сталкивается студент, обусловливает выбор конкретной тактики педагогической поддержки. В образовательных организациях среднего профессионального образования целесообразно использовать тактики содействия и взаимодействия.

Первая заключается в создании педагогом условий для появления ситуации открытого и неоднозначного выбора. Другими словами, обучающемуся предоставляются различные варианты решения проблемы, озвучиваются их последствия. Однако ответственность за произведенный выбор несет сам студент. Тактика взаимодействия используется в том случае, когда педагог и воспитанник выступают в качестве субъектов совместной деятельности.

На следующем этапе в зависимости от выбранной тактики поддержки осуществляется планирование мероприятий наставнической деятельности.

Индивидуальное наставничество в форме «педагог-студент», как правило, ограничено одним учебным годом. Однако, на наш взгляд, целесообразно «вести» своего наставляемого в течение всего периода учебы. Тогда на первом курсе в работе со студентом в качестве механизма реализации наставничества будет использоваться педагогическая поддержка, которая в дальнейшем постепенно на старших курсах будет трансформироваться в педагогическое сопровождение. Так же как и в педагогической поддержке, педагогическое сопровождение предполагает диагностику существа проблемы, ее причин и выбор наиболее эффективных способов ее решения. Однако на этапе разрешения проблемы обучающемуся предоставляется большая самостоятельность, чем в случае поддержки. Педагог здесь выступает в роли наблюдателя и консультанта.

Таким образом, поддержка и сопровождение могут выступать в качестве механизмов организации наставнической деятельности в форме «студент-педагог».

Одной из распространенных форм наставничества в образовании является форма «педагог-педагог». Участие педагога в наставнической деятельности как в роли наставника, так и в роли наставляемого, может выступать в качестве условия развития транспрофессиональных качеств педагога.

Характеристиками личности педагога в контексте теории транспрофессионализма можно считать следующие:

- умение мыслить нестандартно, находить креативные решения в различных ситуациях проблемного характера, привлекать знания из разнообразных областей;
- способность к диалогу, конструктивным межличностным взаимодействиям, межпрофессиональным коммуникациям;
- непрерывное саморазвитие личности (Гомбоева, 2020).

С этих позиций наставничество приобретает новое содержание.

Во-первых, в паре «наставник-наставляемый» происходит не только взаимообмен знаниями, опытом, ценностями, но и продуцирование новых. Наставничество в этом случае рассматривается как условие совместного творчества. Во-вторых, организация системы наставничества педагогов в образовательном учреждении позволяет создавать профессиональные самообучающие сообщества, направленные на профессиональный рост каждого субъекта наставнической деятельности. В-третьих, в русле идей развития транспрофессионализма предпочтительным вариантом является синтез социально-гуманитарных и технических профилей. В этом случае, например, наставником преподавателя математики по вопросам совершенствования языковой компетенции может стать педагог иностранного языка, а преподаватель информатики может быть наставником для других коллег в сфере овладения цифровыми навыками.

Таким образом, положения теории транспрофессионализма дают основания для понимания содержания педагогической деятельности в контексте изменяющейся действительности, а наставничество может быть условием для совершенствования транспрофессиональных качеств педагога: способности к творчеству, к диалогу, к саморазвитию.

Сформулируем заключительные выводы.

- В образовательном процессе колледжа субъекты включаются в разнообразные наставнические связи.
- Основным механизмом взаимодействия наставника и наставляемого является диалог.
- Одна из задач наставничества для педагога состоит в развитии у обучающегося способности к самостоятельному выполнению различных видов деятельности.
- В качестве средств наставнической деятельности в форме «студент-педагог» выступают педагогическая поддержка и педагогическое сопровождение.
- В условиях наставничества в диаде «педагог-педагог» происходит развитие транспрофессиональных характеристик как наставника, так и наставляемого.

Надо отметить, что вопросы о сущности наставничества, его роли в становлении человека, механизмах реализации в различных социальных структурах во многом являются дискуссионными, что дает основание для появления новых теоретических исследований, практик. Многомерность феномена наставничества обусловливает необходимость его изучения на основе синтеза гуманитарного знания, а многообразие существующих и появление новых направлений практической реализации объясняет нацеленность на будущее.

Список источников / References

Бодалев А. А. Личность и общение: избранные труды. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 328 с.

Bodalev A. A. (1995) Personality and Communication: Selected Writings. Moscow: International Pedagogical Academy. 328 p. (In Russ.)

Ясперс К. Смысл и назначение истории: перевод с немецкого. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

Yaspers K. (1991) The meaning and purpose of history: translated from German. Moscow: Politizdat. 527 p. (In Russ.)

Бубер М. Два образа веры. М.: ООО Фирма «Издательство АСТ», 1999. 529 с.

Buber M. (1999) Dva obraza very. Moscow: LLC Firm “AST Publishing House”, 529 p. (In Russ.)

Кон И. С. Психология самостоятельности // Педагогика здоровья. М.: «Педагогика-Пресс», 1992. С. 268–273.

Kon I. S. (1992) Psychology of independence. *Pedagogika zdorov’ya = Health Pedagogy.* Moscow: “Pedagogy-Press”. P. 268-273. (In Russ.)

Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.

Karandashev V. N. (2004) Schwartz Methodology for the Study of Personal Values: Concept and Guide. Saint Petersburg: Speech. 70 p. (In Russ.)

Каган М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. 328 с.

Kagan M. S. (1974) Human activity (experience of system analysis). Moscow: Politizdat. 328 p.

Скакун В. А. Организация и методика профессионального обучения. М.: ФОРУМ-ИНФРА-М, 2021. 336 с.

Skakun V. A. (2021) Organizacija i metodika professional’nogo obuchenija. Moscow: FORUM-INFRA-M. 336 p.

Дорожкин Е. М., Лыжин А. И., Табаков Л. С. Применение информационных технологий в процессе подготовки мастеров производственного обучения // Научный диалог. 2016. № 3 (51). С. 281–290.

Dorozhkin E. M., Lyzhin A. I., Tabakov L. S. (2016) The use of information technology in the process of training masters of industrial training. *Nauchnyj dialog = Nauchnyi dialog.* No. 3 (51). P. 281-290. (In Russ.)

Безюлева Г. В., Иванова Н. В., Никитин М. В., Шеламова Г. М. Профессиональная компетентность: аспекты формирования. М.: Федеральный институт образования. 2005. 82 с.

Bezjuleva G. V., Ivanova N. V., Nikitin M. V., Shelamova G. M. (2005) Professional competence: aspects of formation. Moscow: Federal’nyj institut obrazovanija. 82 p. (In Russ.)

Фомин Е. Н. Компетентностно-ориентированное наставничество студенческой молодежи на современном предприятии как ресурс качества профессиональной подготовки. М.: Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова. 2013. 28 с.

Fomin E. N. (2013) Competence-oriented mentoring of student youth at a modern enterprise as a resource for the quality of professional training. Moscow: Sholokhov Moscow State University for Humanities. 28 p. (In Russ.)

Гайнеев Э. Р. Подготовка рабочих высокой квалификации: роль наставника практики на предприятии // Среднее профессиональное образование. 2020. № 2. С. 40–45.

Gajneev Je. R. (2020) Training of highly qualified workers: the role of a mentor of practice in the enterprise. *Srednee professional’noe obrazovanie = Secondary vocational education.* No. 2. P. 40-45. (In Russ.)

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 2005. 713 с.

Rubinshtejn S. L. (2005) Fundamentals of General Psychology. Saint Petersburg: Piter, 713 p. (In Russ.)

Анохина Т. В. Педагогическая поддержка как реальность современного образования // Классный руководитель. 2000. № 3. С. 63–81.

Anohina T. V. (2000) Pedagogical support as a reality of modern education. *Klassnyj rukovoditel’ = Classroom teacher.* No. 3. P. 63-81. (In Russ.)

Мудрик А. В. Социализация человека. М.: МПСИ, МОДЭК, 2011. 624 с.

Mudrik A. V. (2011) Human socialization. Moscow: MPSI, MODJeK. 624 p. (In Russ.)

Гомбоева И. С. О транспрофессионализме педагога // Акмеология профессионального образования: материалы 16-й Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: РГППУ, 2020. С. 202–205.

Gomboeva I. S. (2020) On the transprofessionalism of the teacher . *Akmeologija professional’nogo obrazovanija: materialy 16-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii = Acmeology of vocational education: materials of the 16th International Scientific and Practical Conference. Ekaterinburg:* RGPPU. P. 202-205. (In Russ.)

Информация об авторе

Гомбоева Ирина Сергеевна,
кандидат педагогических наук,
преподаватель,
ГПОУ «Приаргунский государственный колледж»,
674310, п. Приаргунск, ул. Чернышевского, 1А,
Российская Федерация,
gomboevai@mail.ru

Information about the Author

Irina S. Gomboyeva,
Cand. Sci. (Pedagogy),
Educator of Priargunsk State College,
1A Chernyshevsky St., 674310 Priargunsk,
Russian Federation,
gomboevai@mail.ru

Вклад автора

Автор выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

The Author carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of this manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 20 апреля 2022 г.; одобрена после рецензирования 23 мая 2022 г.; принята к публикации 10 июня 2022 года

Information about the article

The article was submitted April 20, 2022; approved after reviewing May 23, 2022; accepted for publication June 10, 2022.

Оригинальная статья / Original article
УДК 378.1

Формирование профессиональной готовности специалиста на адаптивных тренажерных комплексах

© А. И. Попов, А. Д. Обухов
Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Российская Федерация

Аннотация: Цифровая трансформация всех сфер деятельности обусловила актуальность интенсивной разработки инструментально-педагогических средств на цифровой платформе, особенно для формирования готовности персонала к деятельности в сложных рабочих условиях или аварийных ситуациях. Необходимо в образовательном процессе активное использование различного рода тренажерных комплексов, которые обеспечат индивидуализацию образовательной траектории. Исследование основывалось на аксиологическом, деятельностном и компетентностном методологических подходах. В работе рассмотрено понятие эффективности процесса формирования профессиональной готовности к деятельности в экстремальных ситуациях в разрезе трех потребителей образовательных услуг в сфере повышения квалификации – работодателя, работника и общества. Сформулированы наиболее значимые результаты обучения. Определены характеристики, позволяющие судить об эффективности формирования профессиональной готовности на разработанных тренажерных комплексах. Описана структура адаптивного тренажерного комплекса и методики формирования профессиональной готовности специалиста. Рассмотрены показатели мониторинга процесса обучения, используемые для организации эффективного и адаптирующегося под индивидуальные особенности процесса обучения персонала шахты в различных условиях работы. Проанализированы различные аспекты использования тренажерного комплекса на основе шлемов виртуальной реальности и контроллеров и стандартной обучающей программы на компьютере. Обоснована необходимость разработки дополнительных инструментов мониторинга формирования профессиональной готовности в условиях виртуальной реальности.

Ключевые слова: повышение квалификации, результаты обучения, эффективность образовательного процесса, виртуальная реальность, тренажерные комплексы

Для цитирования: Попов А. И., Обухов А. Д. Формирование профессиональной готовности специалиста на адаптивных тренажерных комплексах // *Социальная компетентность*. 2022. Т. 7. № 2–3. С. 191–200.

Formation of professional readiness of a specialist on adaptive training complexes

©Andrei I. Popov, Artem D. Obuhov
Tambov State Technical University,
Tambov, Russian Federation

Abstract. The digital transformation of all spheres of activity has led to the urgency of intensive development of instrumental and pedagogical tools on a digital platform, especially for the formation of personnel readiness for activities in difficult working conditions or emergency situations. It is necessary to actively use various kinds of training complexes in the educational process, which will ensure the individualization of the educational trajectory. The research was based on axiological, activity-based and competence-based methodological approaches. The paper considers the concept of the effectiveness of the process of forming professional readiness to work in extreme situations in the context of three consumers of educational services in the field of advanced training – the employer, the employee and society. The most significant learning outcomes are formulated. The characteristics that allow us to judge the effectiveness of the formation of professional readiness on the developed training complexes are determined. The structure of the adaptive training complex and the methods of formation of professional readiness of a specialist are described. The indicators of monitoring the training process used to organize an effective and adaptable to the individual characteristics of the training process of mine personnel in various working conditions are considered. Various aspects of using a simulator complex based on virtual reality helmets and controllers and a standard training program on a computer are analyzed. The necessity of developing additional tools for monitoring the formation of professional readiness in virtual reality is substantiated.

Keywords: professional development, learning outcomes, efficiency of the educational process, virtual reality, training complexes

For citation: Popov A. I., Obuhov A. D. (2022) Formation of professional readiness of a specialist on adaptive training complexes. *Sotsialnaya kompetentnost = Social Competence*. Vol. 7. No. 2-3. P. 191-200. (In Russ.)

Цифровая трансформация всех сфер деятельности и вынужденное ограничение непосредственного взаимодействия педагогических работников и обучающихся вследствие пандемии обусловили актуальность интенсивной разработки инструментально-педагогических средств на цифровой платформе, обеспечивающих заданное качество образования при приемлемых экономических и временных затратах. Основным недостатком электронного обучения и дистанционных образовательных технологий является слабое эмоциональное влияние преподавателя на обучающихся, в ряде случаев невозможность или затруднительность создания условий для обучения. Это приводит к недостаточной нацеленности молодых людей на познавательную деятельность, к слабой внутренней мотивации. В тоже время использование потенциала цифрового пространства обеспечивает возможность максимально учитывать особенности субъекта обучения, его психологическую готовность, начальный уровень знаний и умений, ценностные ориентиры. Указанные обстоятельства обуславливают тот факт, что наиболее эффективно использование электронного обучения и обучающих средств на цифровой основе будет при подготовке и переобучении работников, осознанно стремящихся к получению новых жизненно важных, социально и профессионально значимых компетенций.

Особую актуальность имеет формирование готовности персонала к деятельности в сложных рабочих условиях или аварийных ситуациях, связанных с риском для самого работника и окружающих, а также с серьезными материальными и финансовыми потерями в случае проявления некомпетентности. Становление данного вида профессиональной готовности наиболее результативно происходит на основе реализации деятельностного подхода, когда в познавательной деятельности создаются ситуации, имеющие предметный и социальный контексты деятельности, требующие проявления как профессиональных компетенций, так и личностных профессионально важных качеств: навыков действовать в условиях психологического напряжения, креативности, лидерских качеств, умений сочетать личностные, корпоративные и общественные цели (Вербицкий, 1991; Андреев, 2004; Пучков, 2004; Наумкин, 2008). В учебном процессе элементов формирования стрессоустйчивости выступают профессиональные конкурсы и олимпиады (Попов, 2011; Попов, Ракитина, 2016), но по ряду причин они не позволяют сформировать навыки деятельности в чрезвычайных ситуациях. Необходимо, с одной стороны, при профессиональной переподготовке работников отраслей, где наиболее вероятны сложные нестандартные условия работы и возможны аварийные ситуации, обеспечить максимальную приближенность учебных ситуаций к реальной деятельности в условиях производства, а с другой, не подвергать опасности жизнь и здоровье обучающихся, сохранять материальные ресурсы. Поэтому предполагается активное использование в образовательной процессе различного рода тренажерных комплексов, которые обеспечат индивидуализацию образовательной траектории и возможность в определенные заказчиком сроки формировать требуемые компетенции специалиста и профессионально значимые качества на деятельностном уровне (Krasnyanskiy et al., 2018; Krasnyansky et al., 2020).

Различные варианты проектируемых тренажерных комплексов, их стоимость и величина затрат на обслуживание, результативность в процессе обучения и удобство использования, получаемая степень удовлетворенности обучающихся как во время использования обучающих средств, так и по уровню сформированных навыков обуславливают проблему объективной и всесторонней оценки процесса обучения с их использованием (Обухов, 2021).

Методы

Формирование профессиональной готовности с применением адаптивных тренажерных комплексов предполагает использование аксиологического, деятельностного

и компетентностного методологических подходов.

Использование в обучении инструментально-педагогических средств, побуждающих обучающихся к проявлению интеллектуальной активности и самостоятельности в принимаемых решениях, предполагает наличие у них системы ценностей и внутренней мотивации к приобретению необходимых умений и навыков. Прежде всего, при использовании тренажерных комплексов в процессе подготовки к принятию фондоёмких решений и решений, связанных с безопасностью людей, обучающийся должен проявлять свой высокий уровень духовной культуры и умения сочетать интересы общества, других работников и собственные, руководствоваться принципами гуманизма (Попов, Пучков, 2020). Формируемые навыки поведения в ситуации экстремального сочетания внешних факторов должны позволить не только сохранить жизнь работнику, оптимально выполнить трудовые функции, но и быть общественно полезным, максимально уменьшить негативный эффект от нештатного развития производственного процесса. Ситуации, моделируемые на тренажерах, должны обеспечивать аксиологическую составляющую образования, стимулировать развитие духовности и стремление человека к нравственному совершенствованию.

Процесс формирования профессиональной готовности специалиста на адаптивных тренажерных комплексах предполагает включение обучающихся в квазипрофессиональную деятельность посредством создаваемых на устройстве не только производственной проблемной ситуации, но и определенного эмоционального фона и физических нагрузок, соответствующих данному компоненту деятельности. Максимальное приближение к производственной деятельности позволяет формировать требуемые работнику качества на рефлексивном уровне, когда приобретенные автоматические навыки осознанно применяются в зависимости от создавшейся на производстве ситуации.

Ключевым параметром, характеризующим результативность процесса формирования профессиональной готовности специалиста на разработанных адаптивных тренажерных комплексах, является сформированная компетенция, рассматриваемая как знания в действии. При этом предполагается, что компетенция будет не только способностью личности успешно выполнять деятельность определённого вида на основе сформированных знаний, умений, навыков, опыта деятельности и профессионально значимых личностных качеств, но и, прежде всего, психологической готовностью к выполнению профессиональных обязанностей в различных условиях производства.

Исследование различных показателей качества обучения персонала высокотехнологичных производств повышенной опасности при опоре на аксиологию процесса, максимальное погружение обучающихся в деятельность и технологизацию освоения компетенции при стремлении к совершенствованию психологических качеств позволит провести объективную оценку предложенного подхода к формированию профессиональной готовности и его эффективности.

Теоретическая база исследования. Понятие эффективности процесса формирования профессиональной готовности к деятельности в экстремальных ситуациях необходимо рассматривать несколько иначе, чем для обычных производственных процессов. Определенную трудность представляет экономическая оценка достигнутых результатов, многие из которых носят долгосрочный характер и могут вообще не проявиться. Например, сформированная способность к конструктивной деятельности в аварийной ситуации может вообще не пригодиться работнику вследствие того, что он просто не попадал в такие ситуации. Но это не значит, что ресурсы на обучение были израсходованы зря.

Поэтому эффективность формирования профессиональной готовности специалиста опасных производств в нашем исследова-

нии будем рассматривать, прежде всего, с позиции развития человеческого потенциала производственного сектора экономики. И эффективным будет тот процесс обучения, который обеспечивает качество получаемого образования. Качество как способность удовлетворять насущные и будущие потребности необходимо исследовать с позиции различных заинтересованных сторон.

Во-первых, работодатель как основной заказчик повышения квалификации заинтересован в получении работниками необходимых знаний и умений выполнения профессиональных функций в нестандартных производственных ситуациях, что позволяет ему сохранять материальную базу производства, уменьшать выплаты в страховые фонды, поддерживать имидж предприятия, делающего все возможное для обеспечения безопасных условий труда. Желаемый результат при использовании адаптивных тренажерных комплексов со стороны работодателя включает следующие компоненты:

– знания и умения выполнения трудовых функций на рефлексивном уровне, т.е. способность к их автоматическому выполнению дополняется критическим анализом ситуации и выбором оптимального варианта таких действий;

– способность рационально распределять интеллектуальные и физические силы, материальные и трудовые ресурсы при выполнении деятельности, психологическую устойчивость к эмоциональному воздействию среды и других работников, умение всестороннее оценивать получаемую информацию и сохранять рассудительность при принятии решений;

– готовность к конструктивному творчеству, заключающемуся в умении находить нестандартный путь разрешения проблемной ситуации в минимальное время;

– возможность выстраивать образовательную программу с учетом как актуализированных в настоящее время производственных задач, так и мотивационной готовности обучающихся, их душевного и физического состояния;

– достижение базовых показателей сформированности компетенций за плановый период обучения у всех работников, повышающих квалификацию (при выполнении пороговых входных требований);

– приемлемая стоимость учебного оборудования и затрат на обучение, которая должна быть меньше затрат на ликвидацию последствий наиболее вероятной нештатной ситуации.

Рис. 1. Структурная схема адаптивного тренажерного комплекса
Fig. 1. Structural diagram of an adaptive training complex

Во-вторых, сами работники, осознав все нюансы профессиональной деятельности и возможные ситуации во время производственного процесса, заинтересованы в большей мере в формировании следующих компетенций, определяющих с их позиции качество обучения:

– способность в нештатной ситуации

Рис. 2. Вид тренажерного комплекса при проведении процесса обучения
Fig. 2. Type of training complex during the learning process

сохранить жизнь и здоровье своё и окружающих;

– способность к качественному выполнению профессиональных обязанностей, используя все производственные ресурсы, что создаёт предпосылки для карьерного роста.

В тоже время для обучающихся будет важен и сам процесс освоения новых компетенций, для большинства предпочтителен его комфортный характер, без излишних эмоциональных и физических нагрузок. Но необходимо помнить, что качественные знания приобретаются только через преодоление трудностей. Поэтому субъективная оценка обучающимися процесса работы на тренажерных комплексах должна учитываться при их сравнении, но не быть определяющей.

Третьей стороной в образовании является общество. Использование адаптивных тренажерных комплексов, скорее всего, будет финансироваться работодателями, но не учитывать интересы общества при оценке их эффективности не представляется правильным. Ключевым показателем качества обучения, наряду с уже рассмотренными, будет сформированная у обучающегося составляющая нравственности, проявляющаяся при выборе того или иного сценария деятельности при возникновении нештатной ситуации. Данный показатель качества созданного инструментально-педагогического средства можно определить только экспертным путем, при этом необходимо учитывать и начальное духовно-нравственное развитие личности.

На основе значимости каждого показателя качества обучения для развития кадрового потенциала производственного сектора с условиями труда повышенной опасности был определен перечень характеристик, достаточно полно позволяющих судить об эффективности формирования профессиональной готовности на разработанных тренажерных комплексах.

1. Готовность к выполнению трудовых функций в условиях нештатной ситуации. Определяющими будут точность и время выполнения необходимых действий, а также количество ошибок в деятельности обучающегося.

2. Удовлетворенность обучающегося процессом работы на тренажерном комплексе. Здесь целесообразно выделить две составляющие: удобство использования адаптивного тренажерного комплекса при освоении новых компетенций (что позволяет повысить качество их освоения, сократить время обучения, сделать процесс более психологически комфортным); воздействие на физическое состояние обучающегося аппаратных и программных

средств воссоздания производственного процесса.

3. Возможность создания компетентностного цифрового профиля и базы данных эмоционального и физического состояния для обеспечения индивидуализации процесса в рамках программ повышения квалификации.

По данным показателям можно оценить и результативность формирования необходимых компетенций и наметить пути для совершенствования компонентов адаптивного тренажерного комплекса.

Описание тренажерного комплекса и методики формирования профессиональной готовности специалиста.

Рассмотрим общую структуру адаптивного тренажерного комплекса, включающего программное и аппаратное обеспечение процесса формирования профессиональной готовности, необходимое для корректировки аппаратное обеспечение мониторинга обучения и ключевую характеристику обучающегося – его цифровой компетентностный профиль (рис. 1).

Для эффективного процесса формирования необходимо наличие следующих компонентов визуализации Шлем VR oculus quest 2, встроенных в него контроллеров и наушников, а также компьютера с поддержкой VR. Общий вид экспериментального тренажерного комплекса приведен на рис. 2.

Рассмотрим непосредственно процедуру профессиональной подготовки на разработанном тренажере для формирования готовности шахтеров к деятельности в чрезвычайных ситуациях в шахтах.

На первом этапе происходит обучение персонала работе с тренажерным комплексом. Данный этап направлен на выработку соответствующих компетенций у обучающихся в области владения тренажерным комплексом, что обеспечивает им успешное прохождение обучения на подобного рода системах. Для большинства обучающихся средства создания виртуальной реальности еще мало знакомы. Поэтому целесообразно ознакомить их со строением шлемов виртуальной реальности, дать возможность приобрести первичные практические навыки работы в них. Достаточно часто работники предприятий, проходя обучение на тренажерных комплексах с элементами виртуальной реальности, испытывают дискомфорт и проблемы со зрением и вестибулярным аппаратом, поэтому им необходимо время на адаптацию. Важным этапом является обучение работе с контроллерами тренажерного комплекса, проводятся практические занятия по осуществлению ряда операций в виртуальной реальности с использованием контроллеров (Ruddle, Lessels, 2009; Обухов и др., 2021).

Формирование профессиональной готовности предполагает формирование навыков выполнения трудовых функций как в штатных условиях, так и при возникновении чрезвычайной ситуаций. Вначале обучающийся, освоив основные принципы работы на тренажере и выработав определённый уровень практических навыков работы в рамках виртуальной реальности, приобретает навыки деятельности на заданных сценариях нормальной работы предприятия. При сформированности таких навыков на тренажере создаются условия чрезвычайных ситуаций техногенного характера и вызванных человеческим фактором, что обеспечивает становление психологической готовности и профессиональных компетенций на рефлексивном уровне.

Для управления процессом обучения на адаптивном тренажерном комплексе в процессе формирования готовности к деятельности в чрезвычайных ситуациях проводится сбор, обработка и анализ данных о состоянии обучающихся на основании показаний различных датчиков.

В случае если какие-то компоненты компетенций были освоены обучающимся на недостаточном уровне, разрабатывается индивидуальная программа, предполагающая большую интенсивность на следующей итерации процесса обучения.

Проводимый мониторинг процесса обучения позволяет как сформировать циф-

ровой компетентностный профиль обучающегося, так и осуществлять корректировку процесса обучения на основе результатов освоения теоретической программы каждым обучающимся и подготовки к работе на тренажере; результативности и скорости выполнения тестовых заданий при прохождении обучающих сценариев в штатных и аварийных ситуациях на каждой стадии обучения; количественных и качественных оценок психофизиологического состояния обучающихся на каждом этапе занятий.

Проведенные исследования свидетельствуют о значительной динамике изменения компонентов компетентности обучающихся, их готовности к деятельности в нестандартных ситуациях, психологической устойчивости.

Используя данные мониторинга результативности каждого этапа обучения и изменении психофизиологических показателей обучающихся можно организовать эффективный и адаптирующийся под индивидуальные особенности процесс обучения персонала высокотехнологичных опасных производств в различных условиях работы и формирования его профессиональной готовности.

Обсуждение

Изучение процесса формирования профессиональной готовности специалиста на адаптивных тренажерных комплексах при использовании шлема виртуальной реальности и контроллеров и сравнение с использование стандартной обучающей программой на персональном компьютере позволило следующие выводы.

1. При использовании шлема и контроллеров виртуальной реальности динамика увеличения точности выполнения упражнений выражена сильнее, чем с использованием клавиатуры и мыши (до 17,9 % против 11,3 %).
2. На конфигурациях с клавиатурой и мышью время выполнения упражнений незначительно ниже, чем с использованием шлема виртуальной реальности.
3. При использовании контроллеров виртуальной реальности пользователи допускают на 1–4 % меньше ошибок в конце обучения. Динамика уменьшения их количества сильнее выражена на контроллерах виртуальной реальности.
4. Тренажерные комплексы на основе технологий виртуальных технологий оказывают достаточно распространённый негативный эффект на неподготовленного пользователя в случае перемещения в виртуальном пространстве: в 33 % случае он испытывает тошноту, в 66 % – укачивание, в 35 % случаев – головокружение и дезориентацию. В ходе обучения после 5 проходов данные негативные эффекты частично пропадают у ряда пользователей (снижаясь от 21 % до 46 % по ряду метрик, в среднем – на 36 %). Для людей возрастной группы от 18 до 35 лет данный эффект выражен слабее. Однако более старшее поколение тяжелее адаптируется к работе в виртуальной реальности. Поэтому в случае необходимости большого количества перемещений в рамках виртуальной реальности необходимо осуществить тщательную подготовку обучающихся с целью снижения данных негативных эффектов.
5. В случае если пользователь перемещается относительно мало, то данные негативные эффекты выражаются слабее, на упражнениях с большей сложностью характера перемещений они выражены сильнее. Таким образом, в случае работы у виртуальных стендов, столов, оборудования без необходимости непосредственного перемещения можно говорить о достаточно низком уровне негативного воздействия на физическое состояние обучающихся.
6. Для людей старшего возраста наиболее выраженным негативным эффектом является укачивание и дезориентация, причем из-за отсутствия у ряда пользователей длительного опыта работы с компьютером и, особенно с виртуальной реальностью, проявляется данная негативная характеристика. Количество повторов практически не влияет на ее улучшение ввиду низкой степени обучаемости данной категории лиц.

7. Респонденты отмечают высокое удобство выполнения действий с виртуальными объектами, а также их перемещения.

8. В плане перемещения пользователя в виртуальном пространстве большинство респондентов отмечают превосходство перемещения с помощью клавиатуры по сравнению с контроллерами, так как последние требуют нескольких попыток на выработку необходимых навыков, а процесс перемещения вызывает различные негативные ощущения (укачивание, тошнота, головокружение). Данный результат позволяет говорить об актуальности целого направления исследований, связанного с разработкой новых программных и аппаратных методов перемещения в виртуальной реальности.

9. Виртуальная реальность, по мнению большинства респондентов, позволяет лучше осмотреть виртуальное пространство, изучить предметы с различных сторон и углов зрения.

10. Благодаря этому свойству, при использовании VR получены высокие пользовательские оценки распознавания свойств объекта, его размеров и расстояния (за счет эффекта объемного изображения). Однако часть респондентов отметила, что недостаточно высокое разрешение дисплеев шлемов виртуальной реальности снижает детализацию объектов и на экране монитора они выглядят более четкими.

11. Респонденты отмечают, что с использованием виртуальной реальности у них получалось размещать и взаимодействовать с объектами более точно, естественно, после тренировки действительно вырабатывалась некоторая мышечная память, подобный эффект при работе с клавиатурой отсутствовал. Однако данный тип управления требует большего привыкания.

Проведенные исследования позволили сформировать представление о влиянии виртуальной реальности на процесс формирования профессиональной готовности специалистов. Необходимо разрабатывать дополнительные средства исследования процесса изменения личностных качеств обучающихся и измерения сформированных компонентов компетенций с целью выявления новых закономерностей влияния виртуальной реальности на человека и нахождения оптимальных методов взаимодействия с ней, и следования повышения качества образовательного процесса с использованием адаптивных тренажерных комплексов.

Список источников / References

Андреев В. И. Конкурентология: учебный курс для творческого саморазвития конкурентоспособности. Казань: Центр инновационных технологий, 2004. 468 с. Andreev V. I. (2004) Competitionology: a training course for creative selfdevelopment of competitiveness. Kazan': Tsentr innovatsionnykh tekhnologii. 468 p. (In Russ.)

Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Высшая школа. 1991. 204 с.

Verbitskii A. A. (1991) Active learning in higher education: a contextual approach. Moscow: Vysshaya shkola. 204 p. (In Russ.)

Krasnyansky M. et al. Methodology of Forming the Readiness of Miners for Work in Extreme Situations Using a Training Complex // International Journal of Emerging Technologies in Learning (iJET). 2020. Vol. 15. No. 2. P. 86–97.

Krasnyansky M. et al. (2020) Methodology of Forming the Readiness of Miners for Work in Extreme Situations Using a Training Complex. *International Journal of Emerging Technologies in Learning (iJET).* Vol. 15. No. 2. P. 86–97.

Krasnyanskiy M. et al. Modeling of the learning process in adaptive training complexes // Journal of Applied Engineering Science. 2018. Vol. 16. No. 4. P. 487–493.

Krasnyanskiy M. et al. (2018) Modeling of the learning process in adaptive training complexes. *Journal of Applied Engineering Science*. Vol. 16. No. 4. P. 487–493.

Наумкин Н. И. Методическая система формирования у студентов технических вузов способностей к инновационной инженерной деятельности: монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 172 с.

Naumkin N. I. (2008) Methodical system of formation of students of technical universities of abilities for innovative engineering activity: monograph. Saransk: Ogarev Mordovia State University. 172 p. (In Russ.)

Обухов А. Д. и др. Организация взаимодействия с виртуальной реальностью на основе беговой плат-

формы для комплексного обучения специалистов // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2021. Т. 17. № 4. С. 14–20.

Obuhov A. D. et al. (2021) Organization of interaction with virtual reality based on a running platform for comprehensive training of specialists. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta = Bulletin of Voronezh state technical university.* Vol. 17. No. 4. P. 14–20. (In Russ.)

Обухов А. Д. Разработка адаптивных тренажерных комплексов на основе нейросетевой архитектуры информационных систем // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2021. № . 37. С. 5–26.

Obuhov A. D. (2021) Development of adaptive training complexes based on the neural network architecture of information systems. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta = Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University.* No. 37. P. 5–26. (In Russ.)

Попов А. И. Теоретические основы формирования кластера профессио нально важных творческих компетенций в вузе посредством олимпиадного движения: монография. Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2011. 80 с.

Popov A. I. (2011) Theoretical foundations of the formation of a cluster of professionally important creative competencies in a university through the Olympiad movement: monograph. Tambov: Tambov State Technical University. 80 p. (In Russ.)

Попов А. И., Ракитина Е. А. Олимпиады как инструмент формирования творческих общекультурных компетенций специалистов и оценивания уровня их сформированности // Alma mater: Вестник высшей школы. 2016 № 1. С. 71–75.

Popov A. I., Rakitina E. A. (2016) Olympiads as a tool for the formation of creative general cultural competencies of specialists and for assessing the level of their formation. *Alma mater: Vestnik vysshej shkoly = Alma mater: Bulletin of the Higher School.* No. 1. P. 71–75. (In Russ.)

Попов А. И., Пучков Н. П. Развитие духовности в техническом образовании // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2020. № 2(76). С. 154–166.

Popov A. I., Puchkov N. P. (2020) Development of spirituality in technical education. *Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet im. V. I. Vernadskogo = Journal Problems of Contemporary Science and Practice Vernadsky University*. No. 2(76). P. 154–166. (In Russ.)

Пучков Н. П. Формирование системы обеспечения качества подготовки специалиста в условиях технического вуза. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2004. 40 с.

Puchkov N. P. (2004) Formation of a system for ensuring the quality of specialist training in a technical university. Elec: Yelets State University I. A. Bunina. 40 p.

(In Russ.)

Ruddle R. A., Lessels S. The benefits of using a walking interface to navigate virtual environments // ACM Transactions on Computer-Human Interaction (TOCHI). 2009. Vol. 16. No. 1. P. 1–18.

Ruddle R. A., Lessels S. (2009) The benefits of using a walking interface to navigate virtual environments. *ACM Transactions on Computer-Human Interaction (TOCHI).* Vol. 16. No. 1. P. 1–18.

Информация об авторах

Андрей Иванович Попов,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106,
Российская Федерация,
olimp_popov@mail.ru, popov.ai@mail.tstu.ru

Артём Дмитриевич Обухов,
доктор технических наук,
доцент ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106,
Российская Федерация,
obuhov.art@gmail.com

Information about the authors

Andrei I. Popov,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education,
Tambov State Technical University,
106 Ovetskaya St., Tambov 392000,
Russian Federation,
olimp_popov@mail.ru, popov.ai@mail.tstu.ru

Artem D. Obuhov,
Doctor of Technical Sciences,
Associate Professor of the Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education,
Tambov State Technical University,
106 Sovetskaya Str., Tambov, 392000,
Russian Federation,
obuhov.art@gmail.com

Вклад авторов

Попов А. И. и Обухов А. Д. выполнили исследовательскую работу, на основании

Contribution of the authors

Popov A. I., Obuhov A. D. have conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for

полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

publication, they own the copyright in this article and bear responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 11 июня 2022 г.; одобрена после рецензирования 23 июня 2022 г.; принята к публикации 6 сентября 2022 года.

Information about the article

The article was submitted June 11, 2022; approved after reviewing June 23, 2022; accepted for publication September 6, 2022.

Оригинальная статья / Original article
УДК 373.1

Организация дистанционного обучения в сельских школах в условиях эпидемиологических рисков

© Е. П. Рошко
ФГБУН ВолНЦ «Российской академии наук»,
г. Вологда, Российская Федерация

Аннотация. Уникальным в истории российского образования стал 2019/2020 учебный год: все образовательные организации в стране с марта по май включительно были оперативно переведены на онлайн-обучение в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) и объявленной пандемией. В ходе анализа научно-методической литературы автором были выделены основные подходы к определению понятия «дистанционное обучение». Благодаря онлайн-опросам, проведенным в мае−июне 2021 года среди учителей сельских школ Вологодского района Вологодской области, были получены сведения об организации дистанционного обучения в условиях эпидемиологических рисков. Результаты опросов обобщены в представленной статье. При попытках введения интернет-образования были выявлены проблемы: технические (дефицит необходимой техники, качество Интернета и др.) и организационные (увеличение нагрузки на учителей, несвоевременное выполнение заданий школьниками и т. д.). В процессе обработки полученных данных подтвердилась гипотеза о неготовности сельских школ к переходу на онлайн-обучение. Кроме того проблема организации образовательного процесса в онлайн-формате продолжает быть актуальной в связи с сохраняющимся риском развития эпидемии.

Ключевые слова: дистанционное обучение, онлайн-обучение, сельская школа, учитель, школьник, коронавирусная инфекция

Для цитирования: Рошко Е. П. Организация дистанционного обучения в сельских школах в условиях эпидемиологических рисков // *Социальная компетентность.* 2022. Т. 7. № 2–3. С. 201–210.

Organization of distance learning in rural schools in conditions of epidemiological risks

© Elena P. Roshko
FGBUN VolSC “Russian Academy of Sciences”,
Vologda, Russian Federation

Abstract. The 2019/2020 academic year was unique in the history of Russian education: from March to May, all educational organizations in the country were promptly switched to online learning due to the spread of coronavirus infection (COVID-19) and the declared pandemic. In the course of the analysis of scientific and methodological literature, the author identified the main approaches to the definition of the concept of «distance learning». Thanks to online surveys conducted in May-June 2021 among teachers of rural schools in the Vologda district of the Vologda region, information was obtained on the organization of distance learning in the face of epidemiological risks. The survey results are summarized in the presented article. When trying to introduce Internet education, problems were identified: technical (lack of necessary equipment, quality of the Internet, etc.) and organizational (increased workload on teachers, untimely completion of assignments by schoolchildren, etc.). In the process of processing the obtained data, the hypothesis about the unpreparedness of rural schools for the transition to online learning was confirmed. In addition, the problem of organizing the educational process in an online format continues to be relevant due to the continuing risk of an epidemic.

Keywords: distance learning, online learning, rural school, teacher, student, coronavirus infection

For citation: Roshko E. P. (2022). Organization of distance learning in rural schools in conditions of epidemiological risks. *Sotsial’naya kompetentnost’ = Social Competence*. Vol. 7. No. 2-3. P. 201-210. (In Russ.)

Введение

«Педагогика среды» зарождалась в России как педагогика здравого смысла, как социальная педагогика (Котькова, 2021. С. 10), основателем которой принято считать С. Т. Щацкого. Она является продуктом отечественной научно-педагогической мысли 20–30-х гг. XX века. Ее развивали не только преподаватели А. Б. Залкинд, Г. С. Виноградов, Н. Н. Иорданский, С. А. Каменев, М. В. Крупенина, А. П. Пинкевич, С. Т. Шацкий, В. А. Шульгин, Е. И. Тихеева и др., но и психологи – М. Я. Басов, Л. С. Выготский, К. Н. Корнилов, А. Р. Лурия, С. С. Моложавый. Ученых интересовал вопрос воздействия окружающей среды на детей и способы управления ими (Дубовицка, Беккер, 2011. С. 632). Г. С. Виноградов писал, что задача педагогики состоит в определении, отыскании и использовании среды, необходимой для достижения определенных воспитательных целей (Виноградов, 1926. С. 87).

В XXI веке место школы в целостном воспитательном процессе продолжает во многом определяться уровнем гражданской зрелости педагогического коллектива. Большинство сельских школ в отличие от городских до сих пор остаются центром культурно-педагогической работы. В соответствии с педагогической средой учителя создают локальные системы воспитания в микросоциуме, изучая и используя имеющийся опыт, работают в тесном сотрудничестве с социальными партнерами, находящимися в социокультурном пространстве села (Цирульников, 2012; Шобонов, Смагина, 2019). Как известно, понятие «педагогическое взаимодействие» используется для обозначения достаточно широкого круга процессов, межличностного взаимодействия между педагогом и обучающимся. Оно включает внутреннюю (педагогическое отношение) и внешнюю (педагогическое общение) подструктуры. При этом под педагогическим отношением понимается личностно значимое перцептивное, эмоциональное, также отражение людьми внутренних состояний друг друга. Термином «педагогическое общение» обозначаются наблюдаемые процессы, то поведение, в котором актуализируется внутреннее состояние, развиваются и проявляются межличностные педагогические отношения[1]. Потребность общества в конкурентоспособных сотрудниках, обладающих глубокими знаниями, определяет необходимость создания более эффективных условий обучения, способствующих максимально рациональному использованию психологических, физических и временных ресурсов школьников. В связи с этим особую значимость на всех звеньях системы непрерывного образования стало приобретать онлайн-обучение (Сухарева, Кулакова, 2016. С. 2).

Многими зарубежными и российскими учеными признана эффективность организации образовательного процесса посредством сети Интернет: R. E. West, J. Jay, M. Armstrong (West, Jay, Armstrong, 2017. С. 461–469), Yong Zhuang Li, Zheho Choi, Taeyung K. (YongZhuang, Zheho Choi, Taeyung, 2013. С. 328–337), C. F. Bennett, K. E. Monds (Bennett, Monds, 2008. С. 1–6), M.N.H. Mohamad Said, N. Yahaya, Z. Abdullah, N. A. Atan, N. M. Zaid[2], E. Lee, J. A. Pate, D. Cozart (Lee, Pate, Cozart, 2015. С. 54–61), А. А. Андреевым[3], Д. А. Богдановой, Н. В. Бужинской, Е. С. Васеевой, Ю. П. Господарик, В. Г. Домрачевым, А. Е. Петровый, Е. С. Полат[4], Н. В. При-

[1] Русинова Л. П. Педагогический словарь. Сарапул, 2010. 143 с. [Электронный ресурс]. URL: http://rudocs.exdat.com/docs/index-364103.html (05.11.2021).
[2] Mohamad Said M.N.H., Yahaya N., Abdullah Z., Atan N. A., Zaid N. M. The nature of student group online interactions in learning ICT education. In: Luaran J., Sardi J., Aziz A., Alias N. Envisioning the Future of Online Learning. Spriner, Singapore. 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/303900785 The_Nature_of_Student_Group_Online_Interactions_in_Learning_ICT_Education (08.10.2021).
[3] Андреев А. А. Введение в дистанционное обучение. Москва, 1997. 210 с. [Электронный ресурс]. URL: https://masters.donntu.org/2001/fvti/kozdoba/diss/lib/broshur.htm(12.10.2021).
[4] Полат Е. С., Петров А. Е. Дистанционное обучение: каким ему быть? // Педагогика. 1999. № 7. С. 20–25.

бытковой, К. И. Страховой, А. А. Федосеевым, А. В. Хуторским[5], Н. В. Шубиной и др. Их взгляды отражают обширный диапазон представлений о сущности и содержании дистанционного образования и особенностях учебного процесса (Сухарева, Кулакова, 2016. С. 3).

В ходе анализа научно-методической литературы были выделены основные подходы к определению понятия «дистанционное обучение». По мнению Н. В. Бужинской, Е. С. Васеевой и Н. В. Шубиной, дистанционное обучение – это «сотрудничество посредством информационно-коммуникационных технологий различных субъектов образовательного процесса, находящихся на удаленном расстоянии друг от друга, имеющее своей целью решение конкретной проблемы» (Бужинская, Васеева, Шубина, 2019. С. 45). Согласно Н. В. Прибытковой и К. И. Страховой в основе онлайн-обучения лежит прежде всего педагогическое взаимодействие, представляющее собой преднамеренный контакт учителя и обучающихся с использованием современных средств с целью решения задач образования, направленных на удовлетворение как потребностей общества, так и самой личности в ее развитии (Прибыткова, Страхова, 2018. С. 85). Д. А. Богданова и А. А. Федосеев под дистанционным обучением понимают обучение без физического перемещения к месту расположения учебного заведения, основанное на использовании информационных технологий (Богданова, Федосеев, 2003. С. 49–55). Ю. П. Господарик считал, что дистанционное обучение – это образовательная система на основе компьютерных телекоммуникаций с использованием таких современных информационных технологий, как электронная почта, телевидение и Интернет; это получение образовательных услуг без посещения учебного заведения (Господарик, 2000. С. 10–11). По мнению В. Г. Домрачева, дистанционное обучение – это совокупность информационных технологий, обеспечивающих доставку обучаемым основного объема изучаемого материала, интерактивное взаимодействие участников образовательного процесса и предоставление им возможности самостоятельной работы по освоению учебного материала, а также в процессе обучения (Домрачев, 1994).

Большинство учителей сельских школ по сравнению с учителями из городских позднее начали использовать такой способ обучения. Причиной тому являются трудности, ставшие очевидными в условиях эпидемии. В марте–мае 2019/2020 учебного года все образовательные организации в России были оперативно переведены на онлайн-обучение в связи с объявлением пандемии и распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19). В экстренных условиях наша образовательная система провела массовые тестирования надежности имеющихся цифровых технологий и готовности образовательных учреждений к работе с ними. Министерство просвещения РФ издало «Временный порядок сопровождения реализации образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования, образовательных программ среднего профессионального образования и дополнительных общеобразовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий» (утв. приказом Минпросвещения РФ от 17 марта 2020 года № 103). В соответствии с указанным документом образовательные организации всех уровней перешли на удаленное обучение (Леонидова, Валиахметов, Баймурзина, Бабич, 2020. С. 205). Тема организации образовательного процесса в онлай-формате продолжает быть актуально до сих пор, так как пандемия пока до конца не отступила[6].

[5] Хуторской А. В. Интернет в школе. Практикум по дистанционному обучению // Дистанционное и виртуальное обучение. М.: ИОСО РАО, 2000. 306 с.
[6] Официальный сайт «Стопкоронавирус.рф». [Электронный ресурс]. URL: https://xn--80aesfpebagmfblc0a.xn--p1ai/ (18.04.2022)

Мероприятия по использованию возможностей IT-среды для сохранения связи между учителями и обучающимися во время массового закрытия школ, с одной стороны, стимулировали появление разнообразных форм и методов образовательной деятельности, с другой, резко обозначили имеющиеся технические и организационные проблемы (Филипповска, 2020. С. 1–11).

Предлагаемая статья имеет целью обобщение результатов проведенного социологического опроса учителей сельских школ Вологодского района Вологодской области, касающегося организации дистанционного обучения с марта по май 2020 года. Объектом было выбрано село в одном из поселений Вологодского района. Толчком к проведению исследования и написанию статьи послужило наблюдение за организацией онлайн-взаимодействия учителя со школьниками.

Методы

Информационную базу исследования составили результаты социологического опроса, проведенного в мае – июне 2021 года. В анкетировании приняли участие 46 респондентов, из них 93 % (43 человека) женщин и 7 % (3 человека) мужчин, работающих учителями в сельских школах Вологодского района.

Для формирования выборки был использован метод «снежного кома». Сюда вошли 7 школ: МБОУ ВМР «Борисовская основная школа» (8 %), МБОУ ВМР «Васильевская средняя школа» (20 %), МБОУ ВМР «Макаровская основная школа» (22 %), МБОУ ВМР «Новленская средняя школа имени И. А. Каберова» (17 %), МБОУ ВМР «Перьевская основная школа» (20 %), МБОУ ВМР «Погореловская основная школа» (11 %) и МБОУ ВМР «Фетининская основная школа» (2 %).

Из числа всех опрошенных учителей 11 % (5 человек) имеют общий стаж работы менее 5 лет, 13 % (6 человек) – от 5 до 10 лет, 13 % (6 человек) – от 10 до 20 лет, 28 % (13 человек) – от 20 до 30 лет, 28 % (13 человек) – от 30 до 40 лет и 7 % (3 человека) более 40 лет (рис. 1).

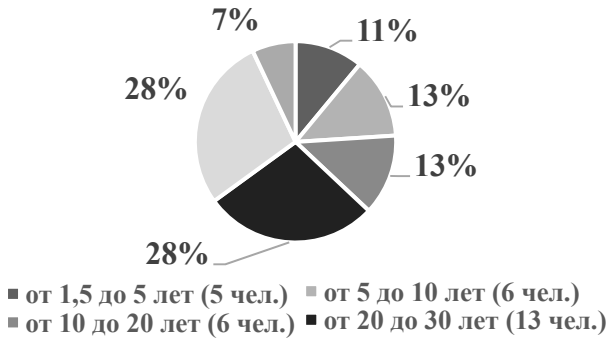


Рис. 1. Распределение ответов учителей школ Вологодского района на вопрос «Сколько лет Вы работаете учителем?», % от числа опрошенных

Fig.1. Distribution of answers of school teachers in the Vologda region to the question "How many years have you been working as a teacher?", % of the number of responden

Преобладает по возрасту старшее поколение респондентов: 17 % (8 человек) – от 20 до 35 лет, 17 % (8 человек) – от 35 до 45 лет, 42 % (19 человек) – от 45 до 55 лет и 24 % (11 человек) – старше 55 лет (рис. 2).

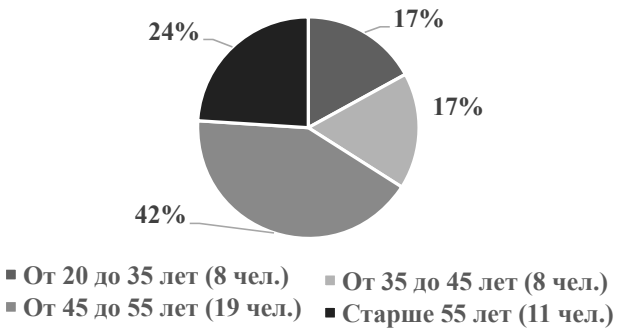


Рис. 2. Распределение ответов учителей школ Вологодского района на вопрос «Ваш возраст (количество лет на момент прохождения опроса)?», % от числа опрошенных

Fig. 2. Distribution of answers of school teachers in the Vologda region to the question "What is your age (number of years at the time of the survey)?", % of respondents

Исследование было проведено на платформе Google с помощью онлайн-анкеты, состоявщей из двух блоков вопросов: открытого и закрытого типа. Первый включал в себя вопросы личного характера (стаж работы, возраст анкетируемого

и т. п.), вопросы второго были непосредственно направлены на выявление мнения учителей об организации образовательного процесса в период дистанционного обучения.

Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что в сельской местности организация образовательного процесса в онлайн-формате, несмотря на современную цифровизацию, сопровождается рядом проблем, обусловленных разными факторами, осложняющими процесс онлайн-взаимодействия участников.

Результаты исследования и обсуждение

Переход на дистанционное обучение, по мнению респондентов, значительно отразился на успеваемости школьников. Практически все опрошенные (96 %) отметили, что в новом учебном году уровень успеваемости по их предметам снизился. Учителям потребовалось время, чтобы восполнить знания: 43 % – от одного до двух месяцев; 39 % – от 3 до 4; 18 % – от пяти и более.

Как показывают результаты социологического опроса, смена традиционного формата обучения на дистанционный сопровождался различными трудностями (табл.). В числе распространенных учителя 76,1 % (35 человек) отметили ситуацию с плохой скоростью Интернета; 73,9 % (34 человека) – отсутствие у школьников домашнего компьютера, ноутбука или планшета; 71,7 % (33 человека) – несвоевременное выполнение школьниками домашних заданий без видимой причины; 69,6 % (32 человека) – проверку учителями большого объема выполненных работ школьниками; 63 % (29 человек) – подготовку большого объема материалов, заданий, тестов; 60,9 % (28 человек) – отсутствие личного смартфона у школьника. Все эти трудности значительно замедляли образовательный процесс и снижали его эффективность.

Выявленные проблемы организации онлайн-обучения приобрели особую остроту в сельских школах не только Вологодской области, но и многих других регионов нашей страны. В начале апреля сотрудники НИУ ВШЭ совместно с экспертами Общероссийского народного фронта (ОНФ) через интернет-платформу опросили 29 тыс. учителей во всех регионах Российской Федерации. Это исследование показало, что почти 80 % респондентов столкнулись с упомянутыми нами трудностями [7]. Проблема технической оснащенности сразу же была озвучена в обществе. В регионах малоимущим семьям стали выдавать необходимую технику. Механизмы исполнения этого решения были различными. Руководство Вологодской области тоже не осталось в стороне: где-то школьникам выдавались компьютеры и роутеры на период дистанционного обучения[8], малообеспеченным семьям муниципальные органы власти при участии спонсоров дарили планшеты[9] (Леонидова, Валиахметов, Баймурзина, Бабич, 2020. С. 210). Для сельской местности самой трудноразрешимой оказалась проблема отсутствия высокоскоростного Интернета (для 76,1 % анкетируемых); 21,7 % опрашиваемых отметили отсутствие доступа к Всемирной сети.

Несмотря на значительный технический прогресс как сельские поселения в целом, так и отдельные семьи и школы, в частности, остаются необеспеченными и недостаточно укомплектованными. Необходимость проверки большого объема выполненных работ учителями зачастую

[7] Исследование: учителя столкнулись с проблемами дистанционного обучения // РИА-новости. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20200407/1569666546.html (05.11.2021)
[8] Нуждающимся школьникам предложили выдавать компьютеры и роутеры на период дистанционного обучения // Комсомольская правда. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kp.ru/online/news/3807823/ (05.11.2021).
[9] Вологодским школьникам из малообеспеченных семей подарили первые планшеты для дистанционного обучения // Вологда-регион. [Электронный ресурс]. URL: http://vologdaregion.ru/news/2020/4/16/vologodskim-shkol-nikam-iz-maloobespechennyh-semey-podarili-pervye-planshety-dlya-distancionnogo-obucheniya (05.11.2021).

Таблица. Ответы учителей школ Вологодского района на вопрос «С какими трудностями и техническими проблемами Вы столкнулись в процессе дистанционной работы?», % от числа опрошенных
Table. Answers of school teachers in the Vologda district to the question "What difficulties and technical problems did you encounter in the process of remote work?", % of the number of responden

Вариант ответа	Всего			Стаж работы учителем					
	%	Количество человек	Место	1,5 - 5 лет	5 - 10 лет	10 - 20 лет	20 -30 лет	30 - 40 лет	Больше 40 лет
Низкая скорость Интернета	76,1	35	1	80,0	50,0	66,7	100	69,2	66,7
Отсутствие у школьников домашнего компьютера, ноутбука или планшета	73,9	34	2	100	33,3	66,7	100	61,5	66,7
Несвоевременное выполнение школьниками домашних заданий без видимой причины	71,7	33	3	80,0	83,3	50,0	84,6	69,2	33,3
Необходимость проверки большого объема выполненных школьниками работ	69,6	32	4	60,0	83,3	66,7	69,2	69,2	66,7
Необходимость подготовки большого объема материалов, заданий, тестов	63,0	29	5	40,0	83,3	83,3	30,7	76,9	100
Отсутствие у школьника смартфона (чтобы отправить домашнюю работу, приходилось ждать возвращения родителей с работы)	60,9	28	6	100	50,0	66,7	69,2	46,1	33,3
Неудобство пользования некоторыми сайтами	52,2	24	7	40,0	83,3	50,0	38,5	61,5	33,3
Сложность в работе с образовательными площадками	39,1	18	8	0,0	66,7	33,3	30,7	53,8	33,3
Необходимость иметь доступ к Интернету	21,7	10	9	20,0	16,7	16,7	38,5	15,3	0,0
Недостаточное знание ПК	13,0	6	10	0,0	16,7	0,0	23,1	7,7	7,7
Отсутствие в школе (достаточного количества) ПК для работы сотрудников	4,3	2	11	0,0	0,0	16,7	0,0	7,7	33,3
Другое (неудобство проверки сфотографированных выполненных заданий)	2,2	1	12	0,0	16,7	0,0	0,0	0,0	0,0
Проблем не было	0,0	0	-	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

была связана с несвоевременным их выполнением школьниками.

Причин несколько: недостаточная для образовательных площадок скорость Интернета, отсутствие у школьника способностей к самоорганизации и распределению времени. Как показал опрос, проблемы, с которыми столкнулись учителя, родители и школьники при организации онлайн-обучения, являются взаимосвязанными.

Многим преподавателям, родителям и школьникам в период самоизоляции пришлось осваивать новые для них онлайн-платформы: Учи. ру[10], ЯКласс[11], Фоксфорд[12]. Доля респондентов-учите-

[10] [Электронный ресурс]. URL: https://uchi.ru/(03.11.2021).
[11] [Электронный ресурс]. URL: https://www.yaklass.ru/?ru(05.10.2021).
[12] [Электронный ресурс]. URL: https: //foxford.ru/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=regular_brand_search_desktop_rus_BUKR&utm_term=foxford&utm_content=brand&yclid=6544332700551012847 (15.11.2021).

лей, отрицательно ответивших на вопрос об использовании образовательных онлайн-ресурсов на уроках до введения ограничительных мер, достаточно велика (41 %).

Отсутствие подобного опыта привело к необходимости подготовки большого объема материалов: заданий, тестов и другое, а также к техническим сложностям в работе с образовательными площадками. Этим было вызвано увеличением нагрузки в период дистанционного обучения (что отмечено 91 % респондентов).

Для организации образовательного процесса в дистанционном формате большая часть учителей использовала собственную технику: домашний компьютер (ноутбук) – 89 % (41 респондент), мобильный телефон – 43 % (20 респондентов), планшет – 6 % (3 респондента). Рабочий ПК был предоставлен лишь 15 % (7 анкетируемым из 46).

Заключение

Проведенный социологический опрос среди учителей сельских школ подтвердил предположение о том, что организация образовательного процесса в период дистанционного обучения сопровождалась рядом проблем. Опрос показал, что большинство учителей (а именно 85 %) не были готовы к переходу на дистанционное обучение.

На вопрос «Удобно ли Вам было преподавать в дистанционном режиме» 0 % респондентов отметили вариант «удобно (мне нравилось)», 67 % – вариант «да, но сложно», 33 % – «нет, очень трудно». Учителям также было предложено оценить по пятибалльной шкале степень удобства организации образовательного процесса в онлайн-режиме (рис. 3).

На вопрос: «Если бы у Вас был выбор, какую форму обучения Вы бы выбрали?», − большая часть респондентов сообщила о предпочтении традиционной формы – 67 % (31 респондент); традиционная форма с элементами дистанционного об-

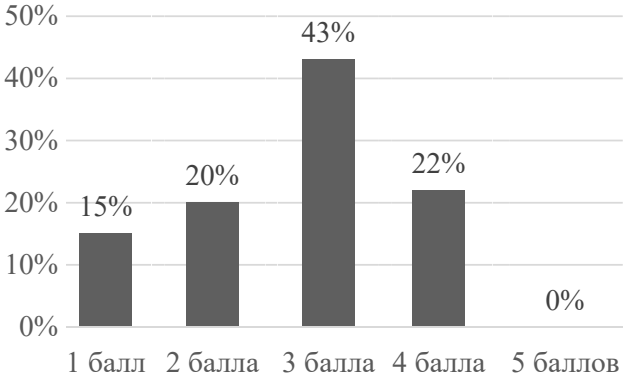


Рис. 3. Распределение ответов учителей школ Вологодского района на вопрос «Оцените степень удобства организации образовательного процесса в онлайн-режиме по 5-ти балльной шкале? Где 1 – совсем неудобно, 5 – очень удобно», % от числа опрошенных

Fig. 3. Distribution of answers of school teachers in the Vologda region to the question "Evaluate the degree of convenience of organizing the educational process online on a 5-point scale? Where 1 is very inconvenient, 5 is very convenient,% of respondents

учения была выбрана 33 % (15 респондентов); дистанционной форме отдали преимущество 0 % опрошенных. Первый вариант ответа выбран 21-м учителем в возрасте от 45 лет и 10-ю учителями до 45 лет; второй вариант выбран 9-ю учителями в возрасте от 45 лет и 6-ю до 45 лет (рис. 4).

Система образования, значительно трансформировавшаяся в XXI веке, ста-

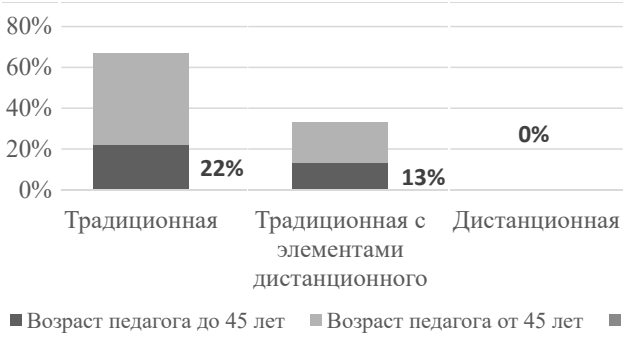


Рис. 4. Распределение ответов учителей школ Вологодского района на вопрос: «Какую бы Вы выбрали форму обучения в учебном процессе, если бы у Вас был выбор?», % от числа опрошенных

Fig. 4. Distribution of answers of school teachers in the Vologda region to the question: "What form of education would you choose in the educational process, if you had was there a choice?", % of the number of respondents

новится все более ориентированной на обеспечение активного онлайн-взаимодействия участников учебного процесса (Рыбичева, 2020. С. 2). Организация и проведение онлайн-уроков преследует следующие цели: активизацию учебной и учебно-исследовательской деятельности обучающихся; стимулирование самостоятельной работы по освоению курса; расширение знаний и навыков обучающихся; разрешение возникших технических проблем; стимулирование инновационной деятельности преподавателей; приобретение педагогами компетенций в области современных информационных технологий и др. (Унсович, 2015. С. 19–25).

Однако, как показало проведенное исследование, при организации дистанционного формата обучения в сельских школах возникло большое количество трудностей, связанных в первую очередь с низким уровнем технического оснащения. Как свидетельствуют данные Росстата, в 2017 году более четверти (26 %) российских детей проживали в семьях с уровнем дохода ниже прожиточного минимума[13]. Сокращение сельскохозяйственного производства, невысокий уровень и качество жизни сельских жителей, депопуляция села и умирание деревень – это последствия наиболее острых социально-экономических проблем. Нужно подчеркнуть, что эти экономические меры по их решению необходимы для развития образования. Повышение доходов сельского населения должно выступать основным фактором устойчивого развития и социального благополучия сельских территорий (Вяльшина, 2020. С. 125).

Список источников / References

Bennett C. F., Monds K. E. Online courses the real challenge is «motivation». College Teaching Methods Styles Journal. 2008. Vol. 4. P. 1-6. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/265816963_Online_Courses_The_Real_Challenge_Is_Motivation (15.11.2021). (In Russ.)

Bennett C. F., Monds K. E. (2008) Online courses the real challenge is «motivation». College Teaching Methods Styles Journal. Vol. 4. P. 1-6. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/265816963_Online_Courses_The_Real_Challenge_Is_Motivation (08.11.2021). (In Russ.)

Lee E., Pate J. A., Cozart D. Autonomy support for online students. Techtrends Tech Trends. 2015. Vol. 59. P. 54-61. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/282500043_Autonomy_Support_for_Online_Students (10.11.2021). (In Russ.)

Lee E., Pate J. A., Cozart D. (2015) Autonomy support for online students. Techtrends Tech Trends. Vol. 59. P. 54-61. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/282500043_Autonomy_Support_for_Online_Students (15.11.2021). (In Russ.)

West R. E., Jay J., Armstrong M. Picturing them right in front of me: Guidelines for implementing video communication in online and blended learning. TechTrends. 2017. Vol. 61. P. 461 - 469. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/318186159_Picturing_Them_Right_in_Front_of_Me_Guidelines_for_Implementing_Video_Communication_in_Online_and_Blended_Learning(15.11.2021). (In Russ.)

West R. E., Jay J., Armstrong M. (2017) Picturing them right in front of me: Guidelines for implementing video communication in online and blended learning. TechTrends. Vol. 61. P. 461. [Электронный ресурс]. URL: https:// www.researchgate.net/publication/318186159_Picturing_Them_Right_in_Front_of_Me_Guidelines_for_Implementing_Video_Communication_in_Online_and_Blended_Learning(15.11.2021). (In Russ.)

YongZhuang Li, Zheho Choi, Taeyung K. Distinguishing factors between finaliters and dropouts online // British Journal of Educational Technology. 2013. Vol. 44 (2). P. 328 - 337. URL: https://www.researchgate.net/publication/260368162_Discriminating_factors_between_completers_of_and_dropouts_from_online_learning_courses (10.11.2022). (In Russ.)

YongZhuang Li, Zheho Choi, Taeyung K. (2013) Distinguishing factors between finaliters and dropouts online // British Journal of Educational Technology. Vol. 44 (2). P. 328 - 337. URL: https://www.researchgate.net/publication/260368162_Discriminating_factors_between_completers_of_and_dropouts_from_online_learning_courses(10.10.2021). (In Russ.)

Богданова Д. А., Федосеев А. А. Телекоммуникации для образования // Информатика и образование. 2003. № 2. С. 49–55.

Bogdanova D. A, Fedoseev A. A. (2003) Telecommunications for education. *Informatika i*

[13] Четверть детей оказались за чертой бедности. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/07/08/2019/5d4985b39a79472d5365f1fd (15.11.2021).

obrazovanie = Informatics and education. No. 2. P. 49-55. (In Russ.)

Бужинская Н. В., Васеева Е. С., Шубина Н. В. Организация онлайн-взаимодействия участников учебного процесса в условиях цифровой образовательной среды // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 8 (141). С. 44–49.

Buzhinskaya N. V., Vaseeva E. S., Shubina N. V. (2019) Organization of online interaction of participants in the educational process in a digital educational environment. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia Voronezskogo gosudarstvennogo pedagogiceskogo universiteta*. No. 8 (141). P. 44-49. (In Russ.)

Виноградов Г. С. Детские тайные языки // Сибирская живая старина. 1926. № 2. С. 78–91

Vinogradov G. S. (1926) Children's secret languages. *Siberian living antiquity.* No. 2 (6). P. 78-91. (In Russ.)

Вяльшина А. А. Сельские малоимущие семьи и их возможности для развития детей // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 124–138.

Vyalshina A. A. (2020) Rural low-income families and their opportunities for the development of children. *Problemy razvitiya territorii = Problems of the development of the territory*. No. 4 (108). P. 124-138. (In Russ.)

Господарик Ю. П. Дистанционное обучение и средняя школа // Дистанционное образование. 2000. № 5. С. 10–11.

Gospodarik Yu. P. (2000) Distance learning and secondary school. *Distantsionnoe obrazovanie = Distance education.* No. 5. P. 10-11. (In Russ.)

Домрачев В. Г. Дистанционное обучение: возможности и перспективы // Высшее образование в России. 1994. № 3.

Domrachev V. G. (1994) Distance learning: opportunities and prospects. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. No. 3. (In Russ.)

Дубовицкая С. В., Беккер И. Л. Воспитывающая среда как фактор становления и развития личности // Известия Пензенского Государственного Педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2011. № 24. С. 631–638.

Dubovitskaya S. V., Becker I. L. (2011) Educational environment as a factor in the formation and development of personality. *Izvestiya Penzenskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo = Izvestia Penza State Pedagogical University. V. G. Belinsk*. No. 24. P. 631-638. (In Russ.)

Котькова Г. Е. Воспитание сельских школьников: подходы к решению проблем // Образование и общество. 2021. № 1 (126). С. 10–17.

Kot'kova G. E. (2021) Education of rural schoolchildren: approaches to solving problems. *Obrazovanie i obshchestvo = Education and society*. No. 1 (126). P. 10-17. (In Russ.)

Леонидова Г. В., Валиахметов Р. М., Баймурзина Г. Р., Бабич Л. В. Проблемы и перспективы дистанционного обучения в оценках учителей и родителей обучающихся // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 202–219.

Leonidova G. V., Valiakhmetov R. M., Baymurzina G. R., Babich L. V. (2020) Problems and *prospects of distance learning in the assessments of teachers and parents of students. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast.* Vol. 13. No. 4. P. 202-219. (In Russ.)

Прибыткова Н. В., Страхова К. И. Взаимодействие субъектов учебного процесса в онлайнобучении // Актуальные вопросы преподавания математики, информатики и информационных технологий. 2018. № 3. С. 84–89.

Pribytkova N. V., Strakhova K. I. (2018) Interaction of subjects of the educational process in online learning. *Aktual'nye voprosy prepodavaniya matematiki, informatiki i informatsionnykh tekhnologii = Actual problems of teaching mathematics, computer science and information technology.* No. 3. P. 84-89. (In Russ.)

Рыбичева О. Ю. Проблемы онлайн-взаимодействия в современном интернет-образовании (на примере интернет-школы НОЦ ВолНЦ РАН) // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 5. С. 1–13.

Rybicheva O. Yu. (2020) Problems of online interaction in modern Internet education (on the example of the Internet school REC VolRC RAS). *Sotsial'noe prostranstvo = Social space*. T. 6. No. 5. P. 1-13. (In Russ.).

Сухарева Л. М., Кулакова А. Б. Дистанционное образование: теоретико-методологический аспект // Социальное пространство. 2016. No. 1 (3). С. 1–7.

Sukhareva L. M., Kulakova A. B. (2016) Distance education: theoretical and methodological aspect. *Sotsial'noe prostranstvo = Social space*. No. 1 (3). P. 1-7. (In Russ.)

Унсович А. Н. Онлайн-занятие: проблемы организации, подготовки и проведения в образовательном процессе дистанционной формы получения образования // Вестник Барановического государственного университета. 2015. № 3. С. 19–25.

Unsovich A. N. (2015) Online lesson: problems of organization, preparation and implementation of di tance education in the educational process. *Vestnik Baranovicheskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of BarSU.* No. 3. P. 19-25. (In Russ.).

Филипповская Т. В. Безразмерное расширение дистанционного обучения: кому выгодна спешка?

// Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 4. С. 1–11.

Filippovskaya T. V. (2020) The Dimensionless Expansion of Distance Learning: Who Benefits from Haste? *Sotsial'noe prostranstvo = Social space.* Vol. 6. No. 4. P. 1-11. (In Russ.)

Цирульников А. М. Модернизация образования: социокультурная альтернатива // Народное образование. 2012. № 8. С. 41– 46.

Tsirulnikov A. M. (2012) Modernization of education: a socio-cultural alternative. *Narodnoe obrazovanie = Public education*. No. 8. P. 41-46. (In Russ.)

Шобонов Н. А., Смагина М. В. Развитие этнокультурных традиций в системе воспитания сельских школьников // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 64. С. 255–258.

Shobonov N. A., Smagina M. V. (2019) Development of ethnocultural traditions in the education system of rural schoolchildren. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = *Problems of modern pedagogical education*. No. 64. P. 255-258. (In Russ.)

Информация об авторе

Елена Павловна Рошко,
инженер-исследователь,
отдел исследований влияния интеграционных процессов в науке и образовании на территориальное развитие,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук».
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а,
Российская Федерация,
so-35@yandex.ru.

Information about the Author

Elena P. Roshko,
engineer-researcher,
Department of studies of the influence of integration processes in science and education on territorial development,
Federal State Budgetary Institution of Science, "Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences",
56a St. Gorky, 160014 Vologda,
Russian Federation,
so-35@yandex.ru

Вклад автора

Автор выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

The Author carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 11 апреля 2022 г.; одобрена после рецензирования 23 мая 2022 г.; принята к публикации 6 июня 2022 года

Information about the article

The article was submitted April 11, 2022; approved after reviewing May 23, 2022; accepted for publication June 6, 2022.

Оригинальная статья / Original article
УДК 316.4

Социально-педагогическая поддержка неполных семей в дошкольной образовательной организации (на примере АН ДОО «Алмазик» д/с 52 «Крепыш» г. Мирный Республика Саха (Якутия)

© Е. А. Черепанова[1], Е. Г. Копалкина[2]
[1]АН ДОО «Алмазик» д/с 52 «Крепыш», г. Мирный, Республика Саха (Якутия), Российская Федерация
[2]Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена анализу социально-педагогической поддержки неполных семей, реализуемой в АН ДОО «Алмазик» д/с 52 «Крепыш» г. Мирный РС (Якутия). Раскрывается понятие «неполная семья», определены основные трудности, с которыми она сталкивается, а также социально-психологические особенности детей из таких семей. Подчеркивается, что чем успешнее выстроено взаимодействие между дошкольной образовательной организацией и родителями, тем успешнее происходит преодоление социально-психологических и социально-педагогических проблем, возникающих в неполных семьях. В работе представлены результаты эмпирического исследования (n=20), которое проходило в два этапа – констатирующего – до реализации программы по социально-педагогической поддержке неполных семей, и контрольного – после реализации программы – посредством тест-опросника родительского отношения А. Я. Варга, В. В. Столина и анкеты «Я и моя семья», модифицированной по методике «Семья глазами ребенка». Сравнительный анализ результатов, свидетельствует об эффективности проводимых мероприятий, реализуемых в рамках программы по социально-педагогической поддержке неполных семей в дошкольной образовательной организации АН ДОО «Алмазик» д/с 52 «Крепыш» г. Мирный РС (Якутия), поскольку показывает положительную динамику изменений в родительском отношении к детям, родительской компетентности, во внутрисемейных отношениях.

Ключевые слова: социально-педагогическая поддержка, неполные семьи, дошкольная образовательная организация, родительская компетентность, Республика Саха (Якутия)

Для цитирования: Черепанова Е. А., Копалкина Е. Г.. Социально-педагогическая поддержка неполных семей в дошкольной образовательной организации (на примере АН ДОО «Алмазик» д/с 52 «Крепыш» г. Мирный Республика Саха (Якутия)) // *Социальная компетентность.* 2022. Т. 7. № 2–3. С. 211–217.

Social and pedagogical support for single-parent families in a preschool educational organization (on the example of AN NGO "Almazik" d/s 52 "Krepysh" Mirny, Sakha Republic (Yakutia))

© Elizaveta A. Cherepanova[1]
[1]AN DOO «Almazik» d/s 52 "Krepysh", Mirny, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation

© Evgeniya G. Kopalkina[2]
[2]Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the analysis of socio-pedagogical support for single-parent families, implemented in the AN DOO "Almazik" d/s 52 “Krepysh” Mirny RS (Yakutia). The article reveals the concept of an incomplete family, the main difficulties it faces, as well as the socio-psychological characteristics of children from incomplete families. It is emphasized that the more successfully the interaction between the preschool educational organization and the parents of children of single-parent families is built, the more successfully the socio-psychological and socio-pedagogical problems arising in single-parent families are overcome. The paper presents the results of an empirical study (n=20), which took place in two stages – the ascertaining one – before the implementation of the program for the socio-pedagogical support of single–parent families, and the control one – after the implementation of the program – by means of the test questionnaire of parental attitude A. Ya. Varga, V. V. Stolin and the questionnaire «Me and my family», modified according to the method «Family through the eyes of a child». A comparative analysis of the results obtained at the ascertaining and control stages of the study indicate the effectiveness of the activities carried out within the framework of the program for socio-pedagogical support of single-parent families in the preschool educational organization of the Almazik Academy of Sciences d/s 52 “Krepysh” Mirny RS (Yakutia), since it shows a positive dynamics of changes in parental attitude to children, their parental competence, in intra-family relations between parents and pupils.

Keywords: social and pedagogical support, single-parent families, preschool educational organization, parental competence, Republic of Sakha (Yakutia)

For citation: Cherepanova E. A., Kopalkina E. G. (2022) Socio-pedagogical support for single-parent families in a preschool educational organization (on the example of AN NGO "Almazik" d/s 52 "Krepysh" Mirny, Sakha Republic (Yakutia)). *Sotsialnaya kompetentnost = Social Competence*. Vol. 7. No. 2-3. P. 211-217. (In Russ.)

Введение

Девальвация семейных ценностей, рост числа разводов, обострение детско-родительских отношений, семейное насилие, безнадзорность и правонарушения детей приводят к увеличению численности семей, нуждающихся в комплексной социальной поддержке, включающей диагностические, профилактические, реабилитационные мероприятия [10, с. 132]. В группе риска находится в том числе *неполная семья.* В действующем законодательстве РФ отсутствует четкое определение этого понятия, однако оно используется в национальном стандарте социального обслуживания для обозначения одной из категорий клиентов, а именно семьи, в которой детей или ребенка воспитывает один из родителей[1]. Согласно законодательству семья с одним родителем имеет статус неполной до тех пор, пока родитель не вступил в брак повторно. Причины образования неполных семей носят случайный характер (смерть одного из родителей) и преднамеренный (уход из семьи, развод, рождение ребенка вне брака).

Семья с одним родителем (чаще всего неполные материнские семьи (Волошина, 2019) является, по мнению многих исследователей, проблемной. К *распространенным трудностям относят* (Абдижаббарова, 2019; Авдашин, 2021; Аквазба, 2020):

– проблему материального обеспечения;

– проблему сочетания профессиональных и родительских ролей;

– трудности в воспитании ребенка;

– собственные проблемы ребенка;

– бытовые трудности и нехватку времени;

– личные проблемы одинокого родителя.

Воспитание в неполной семье может быть таким же обыкновенным, нормальным, но протекает оно в более тяжелых условиях, поскольку из-за отсутствия одного из родителей другому приходится решать все материальные и бытовые проблемы, компенсировать недостаток воспитательного воздействия, поэтому большинство неполных семей могут столкнуться с педагогическими проблемами (Гребенникова, 2019; Леонтьева, 2020).

Для детей из неполных семей характерны следующие *социально-психологические особенности*: более низкая успеваемость, склонность к невротическим нарушениям и противоправному поведению (Бурмистрова, 2021), инфантильность, негативное отношение к родителям, нарушение полоролевого поведения, тягостное чувство отличия от сверстников, неустойчивая и заниженная самооценка с актуальной потребностью в ее повышении, неадекватная требовательность к матери, включая высокое желание изменить ее поведение, активный поиск «значимого взрослого» (Головин, 2012; Колесникова, 2022).

Можно выделить следующие этапы социально-педагогической поддержки детей дошкольного возраста, воспитывающихся в неполных семьях (Никанорова, 2013; Бузни, 2019):

– *диагностический* (фиксация факта, проектирование условий диагностики предполагаемой проблемы, установление контакта с семьей, вербализация постановки проблемы, совместная оценка проблемы с точки зрения значимости для родителей);

– *поисковый* (организация совместного с родителями поиска причин возникновения проблемы, взгляд на ситуацию со стороны);

– *договорный* (проектирование действий сторон (разделение функций и ответственности по решению проблемы), налаживание договорных отношений и заключение договора в любой форме);

– *деятельностный* (организация и проведение мероприятий);

– *рефлексивный* (совместное с родителями обсуждение успехов и неудач преды-

[1] ГОСТ Р 52495–2005 Социальное обслуживание населения. Термины и определения.

Рис. 1. Основные направления работы с неполными семьями в АН ДОО «Алмазик» д/с 52 «Крепыш»
Fig. 1. The main areas of work with single-parent families in the Academy of Sciences of the pre-school educational institution "Almazik" d/s 52 "Krepysh"

дущих этапов деятельности, констатация факта разрешимости проблемы или переформулирование затруднения).

Основная задача социально-педагогической поддержки неполных семей состоит в оказании необходимой помощи, активизации внутренних ресурсов адаптации семьи к возникшим условиям, а также в развитии ее адресной социальной поддержки. Детский сад – первый внесемейный социальный институт, первое воспитательное учреждение, с которым вступают в контакт родители, и где начинается их систематическое педагогическое просвещение; от совместной работы родителей и педагогов зависит дальнейшее развитие ребенка.

АН ДОО «Алмазик», созданная 14 декабря 2012 года, осуществляет образовательную деятельность на основании лицензии Министерства образования Республики Саха (Якутия), Устава АН ДОО «Алмазик» и Положения о детском саде № 52 «Крепыш»[2]. В детском саду функционируют 12 групп общеразвивающей направленности, которые формируются по возрастному принципу в зависимости от поступающего контингента воспитанников. Все дети имеют индивидуальные особенности здоровья, разные семейные условия воспитания, особые образовательные потребности, что учитывается при разработке и реализации основной образовательной программы.

На 1 мая 2022 года в АН ДОО «Алмазик» д/с 52 «Крепыш» г. Мирный РС (Якутия) числилось 20, что составляет 7,64 % от общего количества семей воспитанников. Основными направлениями работы с родителями в рамках социально-педагогической поддержки неполных семей в АН ДОО «Алмазик» д/с 52 «Крепыш» г. Мирный РС (Якутия) являются (рис. 1):

Педагогический коллектив АН ДОО «Алмазик» д/с 52 «Крепыш» в рамках социально-педагогической поддержки неполных семей выполняет следующие задачи:

– создание доверительных и доброжелательных отношений между дошкольной об-

[2] Официальный сайт АН ДОО «Алмазик» д/с 52 «Крепыш» г. Мирный РС (Якутия). [Электронный ресурс]. URL: http://almazik.org/detskie-sady/mirninskoe-otdelenie/detskiy-sad-52-krepysh-g-mirnyy/ (27.05.2022 г.).

Рис. 2. Сравнительный анализ результатов диагностики родительского отношения в неполных семьях на констатирующем и контрольном этапах исследования
Fig. 2. Comparative analysis of the results of diagnosing parental attitudes in single-parent families at the ascertaining and control stages of the study

разовательной организацией и родителями;

– оказание комплексной социально-психолого-педагогической помощи неполной семье;

– проведение специальных мероприятий, компенсирующих неблагополучный опыт социализации и неблагоприятные условия жизни детей и их семей;

– проведение социально-педагогической диагностики, коррекции и консультирования для детей и семей группы риска;

– предупреждение социальной и педагогической запущенности детей из неполных семей.

Методы исследования

С целью определения эффективности социально-педагогической поддержки неполных семей, осуществляемой педагогическим коллективом АН ДОО «Алмазик» д/с 52 «Крепыш» г. Мирный РС (Якутия), в мае-июне 2022 года было проведено эмпирическое исследование. Оно включало констатирующий и контрольный этапы, на каждом из которых были использованы тест-опросник родительского отношения А. Я. Варга, В. В. Столина и анкета «Я и моя семья», модифицированная по методике «Семья глазами ребенка».

Результаты исследования

Показатели теста-опросника родительского отношения А. Я. Варга, В. В. Столина свидетельствуют об эффективности мероприятий, проведенных в рамках программы по социально-педагогической поддержке неполных семей в изучаемой дошкольной образовательной организации. По сравнению с показателями, полученными на констатирующем этапе исследования, у родителей видна положительная динамика изменений: так, по шкале «Принятие – отвержение» 16 родителей (80 %) стали более уверены в своих детях, из них восемь (40 %) стали воспринимать своего ребенка таким, каков он есть, и только 4 родителя (20 %) не поменяли своего отношения к детям (рис. 2). В результатах по шкалам «Кооперация», «Симбиоз», «Авторитарная гиперсоциализация», «Маленький неудачник» также произошли значительные изменения по сравнению с констатирующим этапом исследования. Так, 18 родителей (90 %) стали проявлять больший интерес к своим детям, удовлетворять потребности детей, оказывать необходимую помощь, и только 4 родителя (20 %) не изменили своего отношения к детям.

Анкета *«Я и моя семья»,* модифицированная по методике *«Семья глазами ребенка»,* была использована при опросе детей, призванном выявить отношение воспитанников к членам своей семьи и установить проблемы внутрисемейных отношений. Анкетирование проводилось совместно с педагогом-психологом и с разрешения и в присутствии роди-

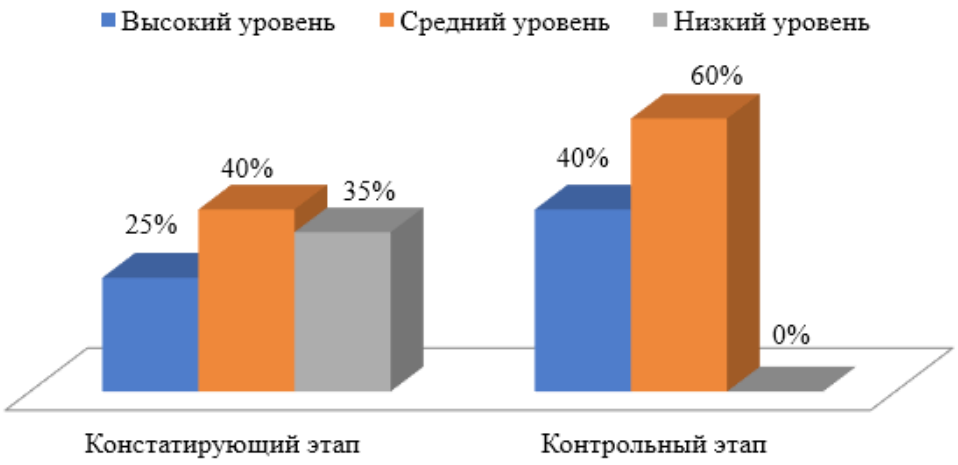


Рис. 3. Сравнительный анализ результатов, полученных в ходе проведения анкетирования «Я и моя семья», модифицированной по методике «Семья глазами ребенка», на констатирующем и контрольном этапах исследования
Fig. 3. Comparative analysis of the results obtained during the survey "Me and my family", modified according to the method "Family through the eyes of a child", at the ascertaining and control stages of the study

телей. Результаты опроса показали, что у 5 (25 %) опрошенных детей высокий уровень сформированности семейных ценностей, у 8 (40 %) детей получены показатели среднего уровня, и у 7 (35 %) детей выявлены показатели низкого уровня.

Дети с несформированными семейными ценностями в семье чувствуют себя некомфортно, неохотно участвуют в совместных мероприятиях, имеют трудности в установлении контактов с членами семьи. Нередко семья воспринимается дошкольником как агрессивная среда, нахождение в которой невыносимо, с чем связываются нередкие нарушения нервно-психического здоровья ребенка. Дети с показателями среднего уровня не принимают семейные ценности безоговорочно: несмотря на наличие взаимопонимания и взаимопомощи в семье, в ней возможны разногласия, недопонимание, что вынуждает отстаивать собственные интересы и право на доставляющую удовольствие деятельность. У воспитанников *с высокими значениями* сформированы основы семейных ценностей, почитание родителей и уважение старших.

Сравнительный анализ результатов, полученных на констатирующем и контрольном этапах исследования, выявил, что показатели низкого уровня сформированности семейных ценностей на контрольном этапе отсутствуют, количество показателей высокого уровня возросло с 25 % до 40 %, показатели среднего уровня также изменились в лучшую сторону – с 40 % до 60 %, что говорит об эффективности программы по социально-педагогической поддержке неполных семей в дошкольной образовательной организации АН ДОО «Алмазик» д/с 52 «Крепыш» г. Мирный РС (Якутия) (рис. 3). Стоит отметить, что для родителей, у которых показатели остались неизменны, необходимо проводить индивидуальные мероприятия.

Заключение

Можно сделать вывод, что одинокий родитель не всегда справляется со своими педагогическими обязанностями, что зачастую неблагоприятно влияет на взаимоотношения с ребенком, на формирование его характера. Социально-педагогическая поддержка, реализуемая в условиях дошкольных образовательных организаций, направлена на психолого-педагогическое просвещение родителей, вовлечение их в деятельность дошкольного учреждения. Опыт социально-педагогической поддержки неполных семей в дошкольной образовательной организации АН ДОО «Алмазик» д/с 52 «Крепыш» показал, что реализация программных мероприятий, активное использование разнообразных форм и методов социально-педагогической поддержки

неполных семей позволяют добиваться хороших результатов,. Дети из неполных семей становятся намного общительнее, эмоциональнее, и отношения с другими детьми и взрослыми (педагогами, родителями) улучшаются.

Список источников / References

Абдижаббарова Ж. Неполная семья как объект социальной работы // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2019. № 2–2 (32). С. 72–75.

Abdizhabbarova Zh. (2019) Incomplete family as an object of social work. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = The Bulletin Donskoy state agrarian university.* No. 2–2 (32). P. 72–75. (In Russ.)

Авдашин П. С. Отцовские неполные семьи в структуре социально уязвимых групп населения // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 12. С. 324–328.

Avdashin P. S. (2021) Paternal incomplete families in the structure of socially vulnerable groups of the population. *Voprosy ustojchivogo razvitija obshhestva = Issues of sustainable development of society*. No. 12. P. 324–328. (In Russ.)

Аквазба Е. О., Скок Н. И. Современные неполные семьи: социальный аспект // Russian Economic Bulletin. 2020. Т. 3. № 6. С. 235–238.

Akvazba E. O., Skok N. I. (2020). Modern incomplete families: social aspect. *Russian Economic Bulletin.* Vol. 3. No. 6. P. 235–238. (In Russ.)

Бузни В. А., Осадчая И. В. Организация социально-педагогического партнерства как фактора повышения качества дошкольного образования // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 65–1. С. 47–50.

Buzni V. A., Osadchaja I. V. (2019) Organization of social and pedagogical partnership as a factor in improving the quality of preschool education. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija = Problems of modern pedagogical education.* No. 65–1. P. 47–50. (In Russ.)

Бурмистрова Е. В. Исследование особенностей межличностного взаимодействия и поведения подростков из неполных семей в системе социально-педагогической поддержки // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 11–15 (79). С. 96–104.

Burmistrova E. V. (2021) Study of the features of interpersonal interaction and behavior of adolescents from single-parent families in the system of social and pedagogical support. *Aktual'nye nauchnye issledovanija v sovremennom mire = Actual scientific research in the modern world.* No. 11–15 (79). P. 96–104. (In Russ.)

Волошина И. Г., Воробьева Г. Е. Социально-педагогическое сопровождение неполной отцовской семьи // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 4. С. 71–74.

Voloshina I. G., Vorob'eva G. E. (2019) Socio-pedagogical support of an incomplete paternal family. *Sovremennye naukoemkie tehnologii = Modern high technologies*. No. 4. P. 71–74. (In Russ.)

Головин М. С. Особенности формирования семейно-ролевой идентификации у детей из неполных семей // Психология, социология и педагогика. 2012. № 6. С. 131–141.

Golovin M. S. (2012) Features of the formation of family-role identification in children from single-parent families. *Psihologija, sociologija i pedagogika = Systems psychology and sociology.* No. 6. P. 131–141. (In Russ.)

Гребенникова В. М., Игнатович В. К., Игнатович С. С., Лакреева А. В. Социально-педагогическая поддержка семьи в практике современного образования: опыт эмпирического исследования // Педагогика: история, перспективы. 2019. Т. 2. № 5. С. 71–98.

Grebennikova V. M., Ignatovich V. K., Ignatovich S. S., Lakreeva A. V. (2019) Socio-pedagogical support of the family in the practice of modern education: the experience of empirical research. *Pedagogika: istorija, perspektivy = Pedagogy: History, Prospects.* Vol. 2. No. 5. P. 71–98. (In Russ.)

Каменева Т. В., Копалкина Е. Г. Опыт социального сопровождения семей, находящихся в социально опасном положении, в условиях дошкольной образовательной организации (на примере АН ДОО «Алмазик» д\с№ 55 «Сулусчаан» г. Мирный Республика Саха (Якутия) // Молодежный вестник ИрГТУ. 2022. Т. 12. № 3. С. 627–631.

Kameneva T. V., Kopalkina E. G. (2022) The experience of social support for families in a socially dangerous situation in the conditions of a preschool educational organization (on the example of the Academy of Sciences of the pre-school educational institution Almazik, school No. 55 Suluschaan, Mirny Republic of Sakha (Yakutia). *Molodezhnyj vestnik IrGTU = Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta*. Vol. 12. No. 3. P. 627–631. (In Russ.)

Карганова Ж. С., Микитюк И. В. Обеспечение безопасности жизнедеятельности детей дошкольного возраста в условиях семьи и дошкольного образовательного учреждения // Вопросы педагогики. 2020. № 9–2. С. 97–101.

Karganova Zh. S., Mikitjuk I. V. (2020) Ensuring the life safety of preschool children in a family and preschool educational institution. *Voprosy pedagogiki = Issues of Pedagogy.* No. 9–2. P. 97–101. (In Russ.)

Колесникова А. Ш. Дошкольная образовательная

организация и семья // Символ науки: международный научный журнал. 2022. № 2–1. С. 68–69.

Kolesnikova A. Sh. (2022) Preschool educational organization and family. *Simvol nauki: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal = Symbol of Science: International Scientific Journal.* No. 2–1. P. 68–69. (In Russ.)

Леонтьева А. С. Неполные семьи как фактор социализации личности // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 15. С. 439–442.

Leont'eva A. S. (2020) Incomplete families as a factor in the socialization of the individual. Innovacii. Nauka. Obrazovanie = *Innovation. The science. Education.* No. 15. P. 439–442. (In Russ.)

Махмутазимова Ю. Р. Дошкольная образовательная организация и семья: взаимодействие ребенка и педагога // Вестник педагогики: наука и практика. 2020. № 51 (51). С. 125–126.

Mahmutazimova Ju. R. (2020) Preschool educational organization and family: interaction between a child and a teacher. *Vestnik pedagogiki: nauka i praktika = Bulletin of Pedagogy: Science and Practice.* No. 51 (51). P. 125–126. (In Russ.)

Никонорова Л. А. Современные и инновационные воспитательные технологии // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т. 5. С. 156–160.

Nikonorova L. A. (2013) Modern and innovative educational technologies. *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept» = Scientific and methodical electronic journal "Concept".* Vol. 5. P. 156–160. (In Russ.)

Савранчук Е. С., Копалкина Е. Г. Региональный опыт социального сопровождения как инновационной семейносберегающей технологии // Социальная компетентность. 2021. Т. 6. № 1 (19). С. 131–141.

Savranchuk E. S., Kopalkina E. G. (2021) Regional experience of social support as an innovative family-saving technology. *Social'naja kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 6. No. 1 (19). P). 131–141. (In Russ.)

Информация об авторах

Елизавета Александровна Черепанова,
воспитатель,
АН ДОО «Алмазик» д/с 52 «Крепыш»,
678175, Республика Саха (Якутия),
г. Мирный, ул. Тихонова, д. 9 «А»,
Российская Федерация,
lizaveta19_97@mail.ru

Евгения Геннадьевна Копалкина,
кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии и психологии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83,
Российская Федерация,
kopalkina2017@list.ru

Information about the authors

Elizaveta A. Cherepanova,
kindergarten teacher,
AN DOO "Almazik" d/s 52 «Krepysh»,
Republic of Sakha (Yakutia),
9 "A" Tikhonov St., 678175 Mirny,
Russian Federation,
lizaveta19_97@mail.ru

Evgeniya G. Kopalkina,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology and Psychology,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov St., Irkutsk 664074,
Russian Federation,
kopalkina2017@list.ru

Вклад авторов

Черепанова Е. А. и Копалкина Е. Г. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Contribution of the authors

Cherepanova E. A., Kopalkina E. G. have conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, they own the copyright in this article and bear responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 05 июля 2022 г.; одобрена после рецензирования 22 июля 2022 г.; принята к публикации 01 сентября 2022 года.

Information about the article

The article was submitted July 05, 2022; approved after reviewing July 22, 2022; accepted for publication September 1, 2022.

Оригинальная статья / Original article
УДК 316.354:351

Социально-управленческие аспекты оказания паллиативной помощи детям в Калининградской области

© В. В. Кривошеев[1], А. Е. Базенко[2]
[1]Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
[2]Благотворительный центр «Верю в Чудо»,
Калининград, Россия

Аннотация. Статья посвящена вопросам организации и продвижения паллиативной помощи детям. Стремление поддерживать комфортную жизнь страдающих неизлечимыми заболеваниями получает все больший отклик государства и органов здравоохранения как федерального, так и регионального уровней. При этом помощь осуществляется не только государственными организациями здравоохранения, но и частными, опирающимися на поддержку различных фондов. В то же время ощущается нехватка специальных, в том числе социологических, исследований в указанной сфере, которые позволили бы найти наиболее уязвимые места в организации паллиативной помощи. Действительно, часты трудности выявления и учета нуждающихся в особом виде медицинского сопровождения, что не позволяет обеспечить больным достаточный уровень жизни. Опираясь на результаты проведенного социологического исследования, авторы указывают на необходимость совершенствования управленческих практик оказания паллиативной помощи.

Ключевые слова: паллиативная помощь, управленческие практики, негосударственные медицинские учреждения, социологические исследования в сфере здравоохранения

Для цитирования: Кривошеев В. В., Базенко А. Е. Социально-управленческие аспекты оказания паллиативной помощи детям в Калининградской области // *Социальная компетентность.* 2022. Т. 7. № 2–3. С. 218–227.

Social and managerial aspects of palliative care assistance to children in the Kaliningrad region

© Vladimir V. Krivosheev[1], Anastasia E. Bazenko[2]
[1]Immanuel Kant Baltic Federal University,
[2]Charity Center “I Believe in Miracle”,
Kaliningrad, Russia

Abstract: The article is devoted to the organization and promotion of palliative care for children. The desire to maintain a comfortable life for those suffering from incurable diseases is receiving an increasing response from the state and health authorities at both the federal and regional levels. At the same time, assistance is provided not only by state health organizations, but also by private ones, relying on the support of various funds. At the same time, there is a lack of special, including sociological, research in this area, which would make it possible to find the most vulnerable places in the organization of palliative care. Indeed, it is often difficult to identify and account for those in need of a special type of medical support, which does not allow providing patients with an adequate standard of living. Based on the results of the conducted sociological research, the authors point out the need to improve management practices in the provision of palliative care.

Keywords: palliative care; management practices; non-governmental medical institutions; sociological research in health care

For citation: Krivosheev V. V., Bazenko A. E. (2022). Social and managerial aspects of palliative care for children in the Kaliningrad region. *Sotsial’naya kompetentnost’ = Social Competence.* Vol. 7. No. 2-3. P. 218-227. (In Russ.)

Введение

Одним из важнейших факторов устойчивого развития российского общества является постоянное совершенствование системы здравоохранения. Известно, что современная медицина предлагает огромный арсенал новейших фармакологических средств и разнообразных инновационных методов лечения. В России, как и в большинстве европейских стран, фиксируется высокий уровень оказания медицинской помощи: заболевания диагностируются на ранних стадиях, что позволяет добиваться полного их излечения. Особое внимание уделяется больным, находящимся в терминальной стадии, на которой происходят необратимые изменения в организме, приводящие к угасанию жизни.

К сожалению, даже при самой совершенной организации здравоохранения справиться с некоторыми заболеваниями не представляется возможным. Именно поэтому в последние десятилетия все более актуальными становятся проблемы оказания паллиативной помощи, позволяющей поддерживать жизнь больного и устранять болезненные симптомы в случаях, когда возможности специализированного лечения исчерпаны и/или общее соматическое состояние пациента признано слишком тяжелым. Увеличение средней продолжительности жизни, а значит старение населения, ухудшающаяся экологическая обстановка, невозможность устранить причины некоторых заболеваний не позволяют прогнозировать снижение количества больных, нуждающихся в специализированной паллиативной помощи.

Тревогу вызывает увеличение числа детей, нуждающихся в ней. При этом зачастую специфика управленческих практик, разрывы в организационных цепочках приводят к тому, что далеко не всегда первичное звено здравоохранения оказывается в состоянии своевременно и качественно диагностировать заболевания, при которых дети нуждаются в паллиативной помощи.

Нельзя сказать, что проблемы оказания паллиативной помощи остаются без внимания исследователей. Вопросы, относящиеся к организации такой помощи, детально рассмотрены, например, в работах В. О. Щепина, Е. А. Тельновой, О. Б. Карповой Т. Н. Прокловой (Щепин, 2018), М. Е. Липтуга (2006), Филиппченкова (2022), Р. Твайкросса (1992), К. Гамонди (Gamondi, 2013). Специфика развития детской паллиативной помощи обсуждается в трудах С. М. Яцышина (2016), А. В. Микляевой (2018), А. Е. Ткаченко (2019), Е. А. Миллера (2019). Управленческие решения в сфере здравоохранения, обеспечивающие возможности профилактики изучались А. А. Баевой (2017), А. Р. Губайдуллиной (2021), А. А. Дивеевой (2017), Т. А. Тищенко (2015). В частности, особенности финансового обеспечения системы здравоохранения в России показано Т. Ф. Романовой, О. В. Андреевой Л. В. Богославцевой, М. О. Отришко (Романова, 2014). Рассматривается взаимодействие государственных и негосударственных структур при организации паллиативной помощи (Кулькова, 2018). Различные модели предоставления паллиативной помощи государственными учреждениями здравоохранения показаны С. А. Бухваловым и А. К. Мартусевич (Бухвалов, Матусевич, 2015). Делается акцент на оказании такой помощи в региональных учреждениях (Эртель, 2020; Бессонов, 2020). Проводятся социологические исследования, которые позволяют отслеживать отношение россиян к организации паллиативной помощи (Коломийченко, 2017; Фадеева, 2019). Внимание этому вопросу уделяет и Всемирная организация здравоохранения, выпуская специальные рекомендации, основанные на исследованиях ученых и данных экс-

[1] Интеграция паллиативной помощи в педиатрическую практику: Руководство ВОЗ для специалистов здравоохранения, планирующих и осуществляющих медицинскую помощь, Москва: Практическая медицина, 2020. С . 12–14. Паллиативная помощь взрослым и детям: организация и профессиональное обучение: сборник документов ВОЗ и ЕАПП. М.: Р.Валент, 2014. 180 с.

пертов[1]. Тем не менее анализ источников показывает, что социологическим аспектам оказания паллиативной помощи все еще уделяется мало внимания. Подобные работы являются столь редкими, что не позволяют в полной мере оценить динамику отношения общества к этому виду медицинского обслуживания. Проведенное нами исследование в какой-то мере восполняет пробел в изучении указанного вопроса и, как надеются авторы, открывает перспективы дальнейшего продуктивного обсуждения насущной проблемы.

Методы

Для решения исследовательских задач были использованы такие форматы, как экспертное интервью и сторителлинг. Комплекс этих приемов помог полнее отразить специфику изучаемого объекта, а именно отношения родителей больных детей к паллиативной помощи. Это представляется особенно важным, ведь, как показывает практика, зачастую прямого контакта с исследователем избегают, не считают необходимым давать развернутые характеристики управленческим решениям, опасаясь, что это не сможет улучшить отношение к их ребенку, а только помешает оказанию действенной медицинской помощи. Для выявления степени эффективности имеющихся управленческих практик необходимы анализ информированности населения по вопросам оказания паллиативной помощи, а также оценка качества комплексного медико-социального подхода, применяемого при сопровождении пациентов, имеющих паллиативный статус.

Основные результаты и выводы

Для получения точных и исчерпывающих сведений о проблемах, возникающих при оказании паллиативной помощи детям, было проведено одиннадцать экспертных интервью. В качестве экспертов были приглашены руководители подразделений Благотворительной автономной некоммерческой организации «Надомный хоспис Дом Фрупполо», оказывающей специализированную помощь детям на территории Калининградской области, а также другие специалисты. В частности, проинтервьюированы главный врач клинико-диагностического центра Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, координатор юридического и социального сопровождения благотворительного фонда «Игра», директор скрининг-центра, декан педиатрического факультета одного из медицинских вузов, главный редактор журнала «Вестник врача», инструктор Всемирной организации здравоохранения по перинатальным технологиям, главный врач многопрофильного медицинского центра «МедПрофи». Таким образом для экспертного интервью были подобраны как руководители медицинских учреждений, так и узкопрофильные специалисты, оказывающие паллиативную помощь детям в Калининградской области. Не трудно заметить, что практически все опрошенные не только имеют высшее медицинское образование, но и значительный опыт работы в сфере организации здравоохранения, в той или иной мере постоянно занимаются проблемами работы с детьми, оказания им разносторонней медицинской помощи. Это позволило получить вполне квалифицированные ответы на вопросы в ходе интервью.

Метод сторителлинга был использован для более глубокого анализа истории обнаружения первых признаков заболевания, процесса обращения к медицинским работникам и постановки диагноза, изучения дальнейшего взаимодействия родителей и других родственников больных детей с организациями, осуществляющими паллиативную помощь (в частности, с организацией «Надомный хоспис Дом Фрупполо»). Кроме того, важно было выяснить, как родители узнавали о её существовании, возможностях. Это позволило в дальнейшем более отчетливо показать существо проблем в рассматриваемой сфере, отразить точку зрения не только медицинских специалистов, но и пациентов. Очевидно, что результаты исследования не могут быть совершенно объективными: родители выделяют в организации паллиа-

тивной помощи гораздо большее количество недостатков, чем медицинские работники. В то же время от родителей трудно ожидать взвешенных, объективных, эмоционально не окрашенных оценок происходящего. И все же сопоставление данных, полученных в ходе интервью со специалистами, и результатов сторителлинга, позволили приблизиться к всестороннему анализу как успехов, так и недостатков.

Большинством экспертов отмечена необходимость налаживания логистики оказания помощи путем грамотного территориального распределения ресурсов и медицинских специалистов. Так, один из экспертов указывал на потребность в «правильной организации выездной службы и стационара для паллиативной помощи». Кроме того, все они считают, что требуется установить преемственность между стационарным хосписом и выездной патронажной службой, выстроить систему информирования семей с детьми, имеющими паллиативный статус, о способах получения лекарственных препаратов и технических средств реабилитации, а также об алгоритмах дальнейшего взаимодействия как с государственными, так и с частными некоммерческими организациями. Кроме того, отмечена необходимость разработки четких инструкций сопровождения медицинской и психолого-социальной команд, отработка способов получения непрерывного обезболивания с учетом индивидуальных особенностей течения болезни малолетнего пациента. Для этого экспертами предлагалось составление индивидуального плана ведения пациента, основанного на принципе сопровождения мультидисциплинарной командой специалистов, которые определяют своеобразные мишени работы с учетом предпочтений пациента или его законных представителей. При этом с возможной полнотой учитываются индивидуальные особенности течения заболевания, а также социокультурные и духовные факторы (например, наличие внутренней установки на необходимость длительного лечения вне дома, в медицинском учреждении). Один из экспертов высказал категоричную позицию: «В первую очередь в Калининграде нужен хоспис, который решал бы многие медико-социальные и психологические проблемы. Каждый человек должен иметь доступ к комплексу услуг в области укрепления здоровья, профилактики, лечения, реабилитации, а также к основным, безопасным, экономически доступным, эффективным и качественным лекарственным и диагностическим средствам. Обращение за этими услугами не должно создавать трудностей для семей». В той или иной форме о необходимости хосписа высказались еще пять экспертов; 9 из 11 отметили важность синергии в обеспечении паллиативных пациентов квалифицированной помощью, которая «должна быть инициирована государством, так как обязанность качественного оказания медицинской помощи гражданам лежит именно на нём. При том что в настоящее время инициатива исходит, в основном, от некоммерческих организаций, государство на эти инициативы должно отзываться», – прямо отметил один из экспертов. Под синергией в данном случае понимается эффект усиления позитивного воздействия на социально-медицинскую ситуацию при наличии одновременной и сфокусированной на одном комплексе проблем деятельности различных структур здравоохранения. Более того, трое экспертов отмечают, что инициирование интеграции с двух сторон, то есть одновременно со стороны государственных органов и со стороны некоммерческих организаций, позволит консолидировать ресурсы для поднятия уровня оказания детской паллиативной помощи на территории всего региона.

В целом эксперты предложили следующие способы оказания помощи со стороны некоммерческой организации:

- постоянное обеспечение необходимыми расходными материалами;
- привлечение специалистов, в том числе из федеральных центров и зарубежных стран;
- организация конференций для медиков;
- организация выездной службы:
- комплексный подход в паллиативной помощи детям, что сложно сделать на

государственном уровне (психологи, игровые терапевты, дефектологи и узкоспециализированные врачи);

- проведение обучающих мероприятий для родителей и персонала государственных медицинских организаций, в силу высокой квалификации работников некоммерческой структуры.

Обращалось внимание на необходимость поиска благотворителей и спонсоров, готовых регулярно финансировать организации, что невозможно, в частности, без придания широкой гласности работы, проводимой с больными детьми. Подчеркивалась необходимость тесного сотрудничества между благотворительными фондами, сопровождающими пациентов с определённым профилем и категорией заболевания. Высказывалось пожелание о снятии части материальных затрат с семей, что можно осуществить путем сбора благотворительных пожертвований на медицинские препараты, специализированное лечебное питание (с продуктами, не входящими в перечень жизненно необходимых), а также на технические средства реабилитации (выходящие за рамки предоставляемых стандартных средств, которые не всегда учитывают специфику диагноза и происходящих физиологических изменений).

Отдельно рассматривалось паллиативное сопровождение командой немедицинских специалистов, которое не могут предоставить больницы и поликлиники. К сожалению, государственные медицинские учреждения далеко не всегда учитывают необходимость психологической поддержки ребенка и членов его семьи в момент постановки диагноза и специфику такой помощи при дальнейшем сопровождении пациента в терминальной стадии. Важно подчеркнуть, что сопровождение семьи государственными учреждениями заканчивается на этапе смерти ребенка, что всем опрошенным экспертам представлялось неправильным. Они указывали, что комплексный подход, предлагаемый частной хосписно-паллиативной службой в Калинградской области, подразумевает поддержку семьи как в момент смерти ребенка, так в последующий период острого переживания утраты.

В формате сторителлинга представлено 24 истории семей с детьми, имеющими паллиативный статус. Полученный материал был разделен на четыре смысловых блока: (1) вопросы взаимодействия с государственными службами, (2) основные причины обращения в некоммерческую организацию паллиативной помощи, (3) формат взаимодействия со службами, (4) уровень информированности об особенностях оказания паллиативной помощи в нашем регионе.

Степень представленности информации об оказании паллиативной помощи в Калининградской области была сочтена недостаточной 22 из 24 родителей. Только 4 опрошенных узнали, например, о благотворительной организации ««Надомный хоспис Дом Фрупполо» из средств массовой информации. Большинство родителей получили сведения о паллиативной помощи от семей, столкнувшихся с подобной проблемой, или же от представителя паллиативной организации, который оказался в государственном медицинском учреждении в момент обращения туда родителей. При этом отмечено, что чаще всего информация распространяется именно через родителей паллиативных детей, проходящих лечение в отделениях государственной больницы (кардиология, неврология, реанимация, онкогематология). Также в семьях отметили, что только после знакомства с координаторами некоммерческой организации им удалось получить заключение врачебной комиссии, устанавливающее паллиативный статус и дающее право на предусмотренные льготы и субсидии. Три семьи узнали о возможности сопровождения частной хосписно-паллиативной помощи от медицинского персонала государственных лечебных учреждений, что свидетельствует о низком уровне информированности самого медицинского персонала о паллиативных услугах в регионе.

Второй блок вопросов затронул проблему поддержки семей со стороны государственных структур, оказывающих паллиативную помощь. Большинство родителей отметило, что государственного обеспечения недостаточно или оно полностью отсутствует. Специалисты государственных больниц не организовывают выезд к пациентам на дом несмотря на то, что часть детей ввиду особенностей заболевания не имеет возможности посещать лечебные учреждения самостоятельно. Отмечалось, что предоставляемые средства технической реабилитации имеют ненадлежащее качество, часто не учитывают физиологические аспекты течения заболеваний. «Индивидуального подхода к детям нет. Не всем детям нужно одно и тоже. Многие вещи, которые выделяют по индивидуальной программе реабилитации, не нужны. Необходимо, чтобы каждый ребёнок рассматривался отдельно по тем вещам, которые необходимы именно этому ребёнку», – отмечает мама одного из малышей. Упоминалась невозможность получения лекарственных препаратов и необходимого медицинского оборудования в установленные сроки. Расходные материалы для специализированной техники порой не соответствуют оборудованию, которое есть у семей; указанные в индивидуальном плане реабилитации средства выписываются не по стандартам и без учета специфики течения заболевания конкретного пациента. Более того, подчеркнута сложность оформления комплекта документов для получения государственного сопровождения: родителям зачастую просто недостает юридических знаний. Многие отмечали, что помощь юридического отдела для консультирования по составлению правильной заявки была особенно необходима. Со стороны государственных медицинских организаций отсутствует контроль количества лекарственных препаратов в местах выдачи, что вынуждает родителей покупать дорогостоящие препараты самостоятельно; количество расходных материалов рассчитывается по стандартам, что не всегда позволяет удовлетворить действительным потребностям.

Третий блок был посвящен причинам обращения в некоммерческую организацию оказания детской паллиативной помощи в регионе. Сфера психолого-социального сопровождения была выделена 23 из 24 опрошенных семей. Государственными медицинскими учреждениями данный вид помощи не предусмотрен. Родители позитивно оценили то обстоятельство, что команда выездной негосударственной хосписно-паллиативной помощи включает в себя психологов, которые занимаются сопровождением всей семьи пациента. А также и игровых терапевтов, работающих с психоэмоциональным и физическим развитием когнитивных и опорно-двигательных навыков больных детей. При этом такая программа составляется с учетом индивидуальных особенностей течения заболевания ребенка, подбираются соответствующие методики организации консультаций нейропсихолога (нейро-мышечная коррекция), социальных нянь, имеющих медицинское образование и т. д. Следующим немаловажным аспектом, который напрямую связан с большой финансовой нагрузкой на семью, становится обращение за необходимыми расходными материалами. Более того, покупка дорогостоящего специализированного медицинского оборудования (аппараты неинвазивной искусственной вентиляции легких, искусственной вентиляции легких, откашливатели, пульсоксиметры и т. п.), которое не предоставляется государственными больницами, становится причиной организации сборов благотворительных пожертвований. Резервные аппараты не предусмотрены, что не исключает экстренных ситуаций поломки. Четыре семьи отметили, что обращались за финансовой помощью для оплаты трансфера к месту лечения, когда врачами назначалась экстренная госпитализация, а получить билеты от фонда социального страхования было уже невозможно.

Четвертый блок посвящен проблемам получения детьми паллиативной помощи и

предложениям по усовершенствованию её организации. Среди основных трудностей был отмечен недостаток узкопрофильных специалистов, оказывающих ППД как в стационарных медицинских учреждениях, так и в государственных выездных паллиативных бригадах. Нехватка препаратов: на данный момент происходит массовое импортозамещение лекарствами российского производства, которые по многим причинам, связанным с течением заболевания, не могут оказывать должного влияния на организм пациента даже при наличии единого действующего вещества. Упоминалось отсутствие государственной психолого-социальной поддержки детей и семей с паллиативными детьми. Фиксировалась и грубость, невнимательность врачей государственных учреждений в общении с семьями (чаще всего это связано с тем, что паллиативный пациент требует гораздо больше времени для проведения осмотра и медицинских манипуляций, нежели так называемый «стандартный пациент»). К тому же, видимо, сказывалась и возможная профессиональная глухота: зачем оказывать помощь тем, кому, в общем-то, помочь нельзя.

Фиксировалась и нехватка информации о получении паллиативной помощи и дальнейших алгоритмах действий для комплексного сопровождения. Вот, например, точка зрения одной семьи: «Недостаточно информации для родителей паллиативных детей, многое только на бумаге. Для детей, живущих в области, недостаточно посещений государственных специалистов».

Можно достаточно четко выделить два вида предложений по усовершенствованию системы управления: повышение квалификации медицинского персонала, который сможет оказывать непрерывное сопровождение паллиативного пациента, и повышение качества выдаваемых расходных материалов. Дело в том, что нехватка узкопрофильных специалистов (реаниматологов, эпилептологов, эрготерапевтов) не позволяет учесть ряд особенностей развития неизлечимого заболевания у ребенка, что приводит к ухудшению общего состояния пациента. Как следствие, прогноз продолжительности жизни и функционального исхода становится менее ясным. Медицинское оборудование и расходные материалы, предоставляемые государством, необходимо совершенствовать. Все предоставляемые средства должны соответствовать общемировым стандартам, а их перечень значительно расширяться.

Выводы

В результате проведенного исследования удалось выделить основополагающие тенденции и управленческие практики в паллиативной сфере, среди которых: сотрудничество государственных организаций с некоммерческим сектором, формирование управляющих должностей при организациях паллиативной помощи, легкий переход пациента в организации с качественным медицинским и лекарственным сопровождением и другие. Становится очевидной крайняя необходимость реальной, а не формальной интеграции государственных и некоммерческих структур медицинского сопровождения через построение единого плана ведения пациента с учетом индивидуальных особенностей течения заболевания, а также ментального состояния больного и членов его семьи. Необходимо создание четких алгоритмов получения детьми паллиативной помощи, которые утверждались бы Министерством здравоохранения региона и позволяли привлекать специалистов, повышать уровень их информированности по вопросам медицинского сопровождения, условиям получения лекарственных препаратов и технических средств реабилитации.

Давно замечено, что о здоровом состоянии самого общества можно судить по его отношению к больным, пожилым и детям. В данном случае речь идет не просто о больных детях, а о таких, чьи страдания необходимо облегчить.

Список источников / References

Gamondi C., Larkin P and Payne S. (2013) Core competencies in palliative care: an EAPC White Paper on palliative care education – part 1. *European Journal of Palliative.* Care 20(2); 86-91.

Gamondi C., Larkin P. and Payne S. (2013) Core competencies in palliative care: an EAPC White Paper on palliative care education – part 1. *European Journal of Palliative.* Care 20(2); 86-91.

Баева А. А. Проблемы регионального управления в системе здравоохранения // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2017. № 6. С. 30–85.

Baeva A. A. (2017) Problems of Regional Management in the Healthcare System. *Obrazovanie i nauka bez granits: sotsial'no-gumanitarnye nauki = Education and science without borders: social sciences and humanities.* No. 6. P. 30-85. (In Russ.)

Бессонов А. П., Шиманская Е. В., Бессонова Е. А. Анализ объема стационарной паллиативной медицинской помощи в «Иркутской городской больницы No. 7» // Паллиативная медицина и реабилитация. 2020. № 2. С. 47–48.

Bessonov A. P., SHimanskaya E. V., Bessonova E. A. (2020) Analysis of the volume of inpatient palliative care in the "Irkutsk City Hospital No. 7". *Palliativnaya meditsina i reabilitatsiya = Palliative Medicine and Rehabilitation.* No. 2. P. 47-48. (In Russ.)

Бухвалов С. А., Мартусевич А. К. Медико-социальная значимость и организационные аспекты паллиативной помощи в мегаполисе // Социология медицины. 2015. 53 с.

Buhvalov S. A., Martusevich A. K. (2015) Medical and social significance and organizational aspects of palliative care in the metropolis. *Sotsiologiya meditsiny = Sociology of medicine.* 53 p. (In Russ.)

Васильев В. П. О материально-финансовом обеспечении здравоохранения // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 130–154.

Vasil'ev V. P. (2017) On the material and financial support of health care. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Research.* No. 3. P. 130-154. (In Russ.)

Губайдуллина А. Р. Аскаридоз человека на территории РФ // The scientific heritage. № 70 (2021). С. 24–26.

Gubajdullina A. R. (2021) Human ascariasis in the territory of the Russian Federation. *The scientific heritage.* No. 70. P. 24-26. (In Russ.)

Дивеева А. А. (2017) Проблемы управления здравоохранением: региональный аспект // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. 2017. № 13 (29). С. 90–105.

Diveeva A. A. (2017) Problems of healthcare management: regional aspect. *Mnogourovnevoe obshchestvennoe vosproizvodstvo: voprosy teorii i praktiki = Multilevel social reproduction: issues of theory and practice.* No. 13 (29). P. 90-105. (In Russ.)

Integraciya palliativnoj pomoshhi v pediatricheskuyu praktiku: Rukovodstvo VOZ dlya specialistov zdravoohraneniya, planiruyushhix i osushhestvlyayushhix medicinskuyu pomoshh`, Moskva, Prakticheskaya medicina, 2020. P. 12-14.

Коломийченко М. Е., Караева О. С. Анализ результатов социологического опроса населения об отношении к оказанию паллиативной помощи в Российской Федерации // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. № 1. 34 с.

Kolomijchenko M. E., Karaeva O. S. (2017) Analysis of the results of a sociological survey of the population on the attitude towards the provision of palliative care in the Russian Federation. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny = Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine, Russian Journal.* 2017. 34 p. (In Russ.)

Кулькова В. Ю. Организационный механизм взаимодействия государства и некоммерческих организаций в оказании паллиативной помощи // Экономика и управление. 2018. № 2 (51). С. 97–102.

Kul'kova V. YU. (2018) Organizational mechanism of interaction between the state and non-profit organizations in the provision of palliative care. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management: Research and Practice Journal.* No. 2 (51). P. 97-102. (In Russ.)

Липтуга М. Е. Паллиативная помощь: краткое руководство: монография. Санкт-Петербург: Искусство России, 2006. 192 с.

Liptuga M. E. (2006) Palliative care: a short guide: monograph. St. Petersburg: Art of Russia 192 p. (In Russ.)

Микляева А. В. Психология детской субкультуры. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. 228 с.

Miklyaeva A.V. (2018) Psychology of children's subculture. Sankt-Peterburg: RGPU im. A. I. Gercena. 228 p. (In Russ.)

Миллер Е. А. Социально-медицинские проблемы развития паллиативной помощи в современной России // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 3. С. 81–85.

Miller E. A. (2019) Socio-medical problems of the development of palliative care in modern Russia. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy.* No. 3. P. 81-85. (In Russ.)

Palliativnaya pomoshh` vzrosly`m i detyam: organizaciya i professional`noe obuchenie. Sbornik dokumentov VOZ i EAPP. M.: R.Valent, 2014.180 p.

Романова Т. Ф., Андреева О. В., Богославцева Л. В., Отришко М. О. Финансовый аспект развития российской системы здравоохранения в условиях бюджетных реформ. Ростов-на-Дону: РГЭУ « РИНХ», 2014. 308 с.

Romanova T. F., Andreeva O. V., Bogoslavceva L. V., Otrishko M. O. (2014) The financial aspect of the development of the Russian healthcare system in the context of budgetary reforms. Rostov-na-Don: RGEU “RINH”. 308 p. (In Russ.)

Твайкросс Р. Д. Введение в паллиативное лечение. Собелл Пабликейшн, 1992. 26 с.

Tvajkross R. D. (1992) Introduction to palliative care. Sobell Pablikejshn. 26 p. (In Russ.)

Тищенко Т. А. Административное регулирование системы здравоохранения Российской Федерации // Экономика и управление: научно-практический журнал (Уфа). 2015. № 5 (127). С. 16–19.

Tishchenko T. A. (2015) Administrative regulation of the healthcare system of the Russian Federation. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal = Economics and Management (Ufa).* No. 5 (127). P. 16-19. (In Russ.)

Ткаченко А. Е., Кушнарева И. В. Характеристика семейной ситуации и социально-психологические особенности пациентов Санкт-Петербургского Детского хосписа // Психология человека в образовании. 2019. Т. 1. № 1. С. 72–81.

Tkachenko A. E., Kushnareva I. V. (2019) Characteristics of the family situation and socio-psychological characteristics of patients of the St. Petersburg Children’s Hospice. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii = Human psychology in education.* Vol. 1. No. 1. P. 72-81. (In Russ.)

Фадеева Е. В. Паллиативная помощь в России: состояние и проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 3. С. 109–119.

Fadeeva E. V. (2019) Palliative care in Russia: status and problems. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial’naya praktika = Sociologicheskaja Nauka I Social’naia Praktika.* 2019. No. 3. P. 109-119. (In Russ.)

Филиппченкова С. И. Коммуникативные технологии в онкологической практике: векторы персонализированной медицины // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 178–185.

Filippchenkova S. I. (2022) Communication technologies in oncological practice: vectors of personalized medicine. *Ekonomicheskie i sotsial’no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and social-humanitarian researches.* No. 2 (34). P. 178-185. (In Russ.)

Щепин В.О., Тельнова Е. А. Карпова О. Б. Проклова Т. Н. Паллиативная помощь: история, состояние сегодня, перспективы // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2018. С. 98–111.

SHCHepin V. O., Tel’nova E. A. Karpova O. B. Proklova T. N. (2018) Palliative care: history, current state, prospects. *Byulleten’ Natsional’nogo nauchno-issledovatel’skogo instituta obshchestvennogo zdorov’ya imeni N. A. Semashko = Bulletin of the N. A. Semashko National Research Institute of Public Health.* P. 98-111. (In Russ.)

Эртель Л. А. Паллиативная медицинская помощь: региональный аспект // Саратовский научно-медицинский журнал. 2020. № 16 (2). С. 515–520.

Ertel’ L. A. (2020) Palliative Care: Regional Aspect. *Saratovskii nauchno-meditsinskii zhurnal = Saratov Journal of Medical Scientific Research.* No. 16 (2). P. 515-520. (In Russ.)

Яцышин С. М., Микляева А. В. Духовная поддержка семей, столкнувшихся с неизлечимым заболеванием ребенка. СПб.: Типография Михаила Фурсова, 2016. 96 с.

YAcyshin S. M., Miklyaeva A.V. (2016) Spiritual support for families faced with an incurable disease of a child. SPb.: Printing house of Mikhail Fursov, 96 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Владимир Вениаминович Кривошеев,
профессор,
доктор социологических наук, доцент,
Образовательно-научный кластер
«Институт образования и гуманитарных наук»,
Балтийский федеральный университет
им. И. Канта,
236016, Калининград,
ул. Александра Невского, 14,
Российская Федерация,
VKrivosheev@kantiana.ru

Анастасия Евгеньевна Базенко,
координатор адресной помощи,

Information about the Authors

Vladimir V. Krivosheev,
Dr. Sci. (Sociological Sciences),
Professor,
Associate Professor of Institute of Humanities of Immanuel,
Kant Baltic Federal University,
14 Alexander Nevsky St., 236016 Kaliningrad,
Russian Federation,
VKrivosheev@kantiana.ru

Anastasia E. Bazenko,
Assistance Coordinator,

Благотворительный центр «Верю в Чудо»,
236021, г. Калининград, пл. Победы, 10,
Российская Федерация,
bazenkoanas@gmail.com

Charitable Center “I Believe in a Miracle”,
10 pl. Victory, 236021 Kaliningrad,
Russian Federation,
bazenkoanas@gmail.com

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final version of this manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 11 июня 2022 г.; одобрена после рецензирования 23 июня 2022 г.; принята к публикации 6 сентября 2022 года.

Information about the article

The article was submitted June 11, 2022; approved after reviewing June 23, 2022; accepted for publication September 6, 2022.

Оригинальная статья / Original article
УДК 316.4

Исследование удовлетворенности пожилых людей качеством оказания социальных услуг в ОГАУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения» (Иркутск)

© Т. Х. Нгуен, Т. Г. Бахматова
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет собой анализ оценки качества социального обслуживания пожилыми людьми как получателями социальных услуг ОГАУ СО «Комплексный центр социального обслуживания населения» (Иркутск). В работе раскрываются содержание традиционных и возможности инновационных технологий социального обслуживания пожилых людей. В условиях роста численности граждан пожилого возраста возрастает значимость и развитие стационарозамещающих технологий, учитывающих основные характеристики и социальные проблемы пожилых людей. В рамках темы исследования было проведено анкетирование получателей социальных услуг в отделении № 8 данной социальной службы на определение степени удовлетворенности качеством оказания социальных услуг с целью совершенствования технологий социального обслуживания пожилых людей на дому как одной из стационарозамещающей технологии. Кроме опросного метода, был использован SWOT-анализ, направленный на понимание качества организации социального обслуживания в целом, реализуемого в данном учреждении и тех факторов, которые влияют на его снижение. В ходе анализа были получены такие результаты: 1) высокий уровень удовлетворенности пожилых людей большинством оказанных социальных услуг (период ожидания услуг, профессиональная компетентность персонала, конфиденциальность услуг, возможность подачи жалоб, замечаний, предложений, открытость и доступность информации об организации, комфортность получения), 2) невысокий уровень удовлетворенности пожилых людей качеством проводимых мероприятий, имеющий групповой характер (оздоровительных, досуговых, профилактических и пр.). Также сделан вывод о необходимости знакомства с положительным зарубежным опытом организации социального обслуживания пожилых граждан в целях использования различных форм, методов, технологий в развитии качества социальных услуг в нашей стране.

Ключевые слова: социальное обслуживание на дому, пожилые люди, стационарозамещающие технологии, SWOT-анализ, оценка качества социальных услуг, удовлетворенность, качество жизни

Для цитирования: Нгуен Т. Х., Бахматова Т. Г. Исследование удовлетворенности пожилых людей качеством оказания социальных услуг в ОГАУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения» // Социальная компетентность. 2022. Т. 7. № 2–3. С. 228–237.

Research of the satisfaction of elderly people with the quality of social services in the OGAUSO "Integrated Center for Social Services of the Population"

© Thi H. Nguyen, Tatiana G. Bakhmatova
Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article is an analysis of the assessment of the quality of social services for the elderly as recipients of social services of the OGAU SB "Integrated Center for Social Services of the Population" (Irkutsk). The paper reveals the content of traditional and innovative technologies of social services for the elderly. With the growing number of elderly citizens, the importance and development of hospital-substituting technologies that take into account the main characteristics and social problems of the elderly is increasing. As part of the research topic, a survey was conducted of recipients of social services in the department No. 8 of this social service to determine the degree of satisfaction with the quality of social services in order to improve the technologies of social services for the elderly at home as one of the inpatient replacement technologies. In addition to the survey method, a SWOT analysis was used aimed at understanding the quality of the organization of social services in general, implemented in this institution and those factors that affect its decline. During the analysis, such results were obtained as 1) a high level of satisfaction of elderly people with the majority of social services provided (the waiting period for services, professional competence of staff, confidentiality of services, the possibility of filing complaints, comments, suggestions, openness and accessibility of information about the organization, the comfort of receiving), 2) a low level of satisfaction of elderly people with the quality of activities of a group nature (recreational, leisure, preventive, etc.). It is also concluded that it is necessary to get

acquainted with the positive foreign experience of organizing social services for senior citizens in order to use their various forms, methods, technologies in the development of the quality of social services in our country.

Keywords: social services at home, elderly people, inpatient replacement technologies, SWOT analysis, assessment of the quality of social services, satisfaction, quality of life

For citation: Nguyen T. H., Bakhmatova T. G. (2022) Research of satisfaction of elderly people with the quality of social services in OGAUSO "Integrated Center for Social Services of the population". *Sotsialnaya kompetentnost = Social Competence*. Vol. 7. No. 2-3. P. 228-237. (In Russ.)

Введение

Современная демографическая ситуация в Иркутской области, как и в целом по Российской Федерации, характеризуется динамичным увеличением доли граждан пожилого возраста. В Иркутской области наблюдается устойчивый рост в общем составе населения доли граждан пожилого возраста – с 16,7 % в 2000 г. до 22,4 % в 2021 г. В Иркутской области в настоящее время проживает около 533 тыс. граждан пожилого возраста[1]. Средняя продолжительность жизни составляет 67 лет (мужчины – 63,32 лет, женщины –75,19 г.).

Социальное обслуживание на дому граждан пожилого возраста – одна из основных форм социального обслуживания, направленная на продление пребывания граждан в привычной социальной среде в целях защиты их законных прав и интересов, а также для поддержания социального статуса. Отделения социального обслуживания на дому предназначены для высококачественной жизни пожилых граждан и инвалидов, позволяя им решать другие жизненные проблемы и оптимизировать образ жизни, наверстывать упущенное с современными тенденциями. Как отмечает З. А. Бутуева в своей работе, известный исследователь Е. Р. Ярская-Смирнова раскрыла значимость социальных технологий, которые являются важным средством социальной адаптации, качества жизни пожилых граждан и инвалидов (Бутуева, 2015. С. 75). Современные технологии в сфере социального обслуживания приводят к существенным изменениям в жизни пожилых людей, они осуществляются с целью обнаружения скрытых потенциалов, ввиду гармонии всех взаимоотношений в обществе с пожилыми людьми. Проблемы взаимодействия организаций здравоохранения и социального обслуживания в области развития стационарозамещающих технологий изучала С. В. Климова (Климова, 2019).

Сегодня развиваются различные как традиционные, так и инновационные технологии, формы, методы социального обслуживания пожилых людей.

Социальные услуги «хоспис на дому» являются квалифицированной комплексной социально-медицинской помощью гражданам в терминальной стадии любого хронического заболевания (онкология, рассеянный склероз, хронические неспецифические заболевания бронхолегочной и сердечно-сосудистой системы и другие). Содержание данной услуги предполагает оказание не только социальных услуг квалицированного ухода за тяжело больными людьми, но и предоставление психологической помощи членам семьи, обучения их навыкам общего ухода за больными (Бородина, 2016. С. 323).

Консультирование является одним из видов помощи в психосоциальной работе. Практически каждый специалист в области социальной работы проводит консультирование, работая с людьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, в условиях стресса. Оказание содействия клиенту включает информирование по интересующим вопросам; обучение навыкам и умениям, способствующим улучшению ситуации; помощь в анализе проблем, прояснении конфликтных зон и поиск решения проблемы. Работа с пожилыми и престарелыми клиентами требует еще больших усилий со стороны специалиста. Важно проявлять понимание, терпимость, сочувствие и внимание (Шамкова, 2014. С. 52).

В отношении пожилых людей использу-

[1] Население: Иркутскстат. Иркутск, 2018. [Электронный ресурс]. URL: http:// irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutsk-stat/ru/statistics/population/ (15.04.2022).

ют следующие базовые технологии социального обслуживания:

– *социальная диагностика* включает в себя исследование нетрудоспособности граждан, нуждающихся в уходе на дому, а также проведение анализов потребностей пожилых граждан в социальных услугах с помощью опросных методов;

– *социальное обеспечение* выступает в роли помощника при оформлении пособий, пенсий и оплате коммунальных услуг и льгот. Кроме того, для назначения пенсии необходим ряд условий, таких как наличие страхового стажа, достижение определенного возраста, подтверждение заработка, и наличия индивидуального коэффициента и т. д. Все пожилые люди, достигшие пенсионного возраста, не остаются без помощи государства. В связи с этим выделяют следующие такие категории получателей выплат и льгот.

– *социальная помощь* носит адресный и неотложный характер с привлечением других структур, занимающихся проблемами оказания психологической, медико-социальной, социальной и правовой помощи пожилым людям;

– *социальная адаптация* включает в себя помощь в восстановлении документов, помощь в оформлении пакета документов для организации постоянного социального обслуживания и сопровождения восстановления семейных отношений;

– область *консультирования* предоставляет важную информацию о различных социальных услугах для пожилых людей;

– *социально-культурная реабилитация* состоит из посещений выставок, экскурсий, музеев, клубов, культурных и общественных мероприятий, конкурсов, фестивалей, мастер-классов и т. д.

Фактическое здоровье пожилых людей напрямую влияет на их способность участвовать в жизни общества. По разным оценкам, только 22 % пожилых людей действительно здоровы, в целом по России около 5 млн пожилых граждан могут нуждаться в различной помощи, из них 1,5 млн – в посторонней помощи и уходе. Известный человек в области благотворительности Е. Д. Максимов отмечал об устройстве в семью как одного из форм призрения «совершенно неспособных к труду престарелых, расслабленных, убогих».

Старение населения становится реальной социально-демографической тенденцией. В нашей стране накопилась большая проблема понимания нравственных, психологических и социальных особенностей пожилых людей. Поэтому в условиях старения населения система социального обслуживания должна учитывать интересы и потребности пожилых людей и способствовать развитию современных технологий социального обслуживания (Анциферова, 2001).

Долговременный уход по своей технологической сущности является комплексным, при этом он предполагает постоянное взаимодействие между медицинской и социальной сферой, равно как и между формальным и неформальным (семейным) уходом, и тем самым представляет ключевой ресурс для пожилых людей в том, что касается «здорового старения» (Дубовикова, 2017. С. 111). В книге Н. Ф. Басова отмечается высказывание Г. С. Абрамовой, которая подчеркивает, что «специфичным для пожилого возраста являются характерологические изменения, обусловленные как усилением присущих людям в молодом возрасте черт, так и привносимые самим процессом старения» (Басов, 2013). О. А. Нор-Аревян отмечает, что «пожилые люди, проживающие относительно долгую жизнь, вследствие чего они уже испытывают определенные психофизические ограничения, независимо от наличия или отсутствия заболевания, в некоторых случаях они функционально недееспособны либо им необходима помощь со стороны» (Нор-Аревян, 2014). По мнению А. Черного, рынок услуг по уходу на дому будет расти на 10–20 % каждые пять лет, сопровождаясь развитием новых уровней услуг социальной помощи, которые будут экономически приемлемыми, чем стационарная помощь (Видмер, 2012. С. 42.)

Библиотерапия – специальное коррекционное воздействие на пожилое лицо даже с ограниченными возможностями с помощью специально подобранной литературы в целях нормализации или оптимизации его психического состояния. Библиотерапия осуществляется через художественное чтение, дискуссии, литературные вечера, встречи с персонажами художественных произведений или их авторами, тренинг-конкурсы на скорочтение, литературные и поэтические клубы, выставки книг. Реабилитационное воздействие чтения проявляется в том, что образы и чувства, усвоенные с помощью книги, восполняют недостаток собственных представлений, восстанавливают душевное (Глазунова, 2011).

Во многих странах, таких как Португалия, Бельгия, Франция, Италия, Соединенное Королевство и Испания действует организационная модель, в которой медицинское обслуживание на дому является частью системы здравоохранения, а «социальная» – частью системы социального обеспечения. В таких странах как Дания, Финляндия и Швеция оказание социальной помощи на дому осуществляется на уровне местного самоуправления – в рамках организации, подотчетной агентству – муниципалитету, непосредственно подчиненному центральному правительству.

Бригадный метод – еще одно новшество в сфере социального обслуживания на дому. Этот вид обслуживания позволяет оказывать все необходимые услуги с учетом индивидуальных потребностей клиентов старшего возраста. Бригадный метод социального обслуживания на дому применяется в основном по отношению к гражданам, неспособным самостоятельно обеспечивать свои жизненные потребности в силу травмы, заболевания или возраста, гражданам, полностью или частично утратившим способность к самообслуживанию в связи с наличием инвалидности (Сурнина, 2017).

Важнейшие особенности и тенденции развития системы социального обслуживания населения в современной России были описаны в работе А. В. Мигуновой (Мигунова, 2019). Опыт регионов Российской Федерации по развитию стационарозамещающих технологий был проанализирован Е. А. Цацура (Цацура, 2018). Стационарозамещающие технологии как инновационную форму социального обслуживания старшего поколения рассматривали О. В. Ковальчук и Е. А. Олейник. На сегодня это такие технологии, как «Стационар на дому», «Хоспис на дому», «Приемная семья для пожилого человека», «Договор пожизненной ренты», «Мобильные бригады», «Детский сад для пожилых» и др. Прежде всего они направлены на повышение качества жизни граждан пожилого возраста и инвалидов, улучшение и поддержание их социального, физического и психологического статуса в условиях наиболее комфортных для них, не в стенах стационарных учреждений социального обслуживания, а либо на дому, либо в месте, расположенном недалеко о места проживания (Ковальчук, 2018).

В России социальной помощью пожилым считается прежде всего уход. Поэтому основная цель социальных технологий – максимально приблизиться к потребностям граждан. Благодаря форме социального обслуживания на дому пожилые граждане получают не только необходимую социальную и медицинскую помощь, но и другие формы поддержки, такие как обеспечение продуктами питания.

Таким образом, проанализировав вышеприведенные научные исследования, мы видим, что проблема пожилых людей вызывает серьезные последствия в обществе, не только напрямую затрагивая жизнь пожилых людей, но и все общество, вызывая множество стрессовых ситуаций. Поэтому этот вопрос стоит очень остро, он требует большего внимания со стороны государства, разработки стратегии, совершенствования закона о защите прав пожилых людей, и в то же время проведения и применения вышеуказанного закона в масштабах всей страны, не только

в городе, но и в сельской местности. Пока существует данная острая проблема в обществе, нам необходимо анализировать и исследовать, находить наиболее оптимальные решения.

Методы

В работе были использованы такие методы, как анализ научной информации, сравнительный анализ различных исследований по изучаемой проблеме, метод опроса (анкетирование), SWOT-анализ.

Результаты

Эмпирическое исследование было проведено в отделении № 8 ОГАУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения». Цель состояла в изучении социальных проблем пожилых людей и удовлетворенности качеством оказания социальных услуг для обоснования рекомендаций по совершенствованию технологий социального обслуживания пожилых людей на дому.

Анализ источников информации о социальных услугах на дому показал, что 38,5 % пожилых людей узнали через своих родственников, друзей и знакомых как получить социальные услуги в организации, остальные – это предложения помощи от социальных работников (28,2 %) или работников сферы здравоохранения (28,2 %). Небольшой процент (12,8 %) составляют пожилые люди старше 90 лет, которые узнали про эту информацию через радио, газеты, телевидения (СМИ). Приведенные цифры показывают, что работники постоянно работают над тем, чтобы «достучаться» до пожилых людей, содействие и предоставление пожилым людям социальных услуг, позволяет пожилым людям иметь лучшее качество жизни.

Всего 77 % положительно оценили период ожидания услуг: из которых 36 % отметили, что не имели очередей, а 41 % не ждали слишком долго. Что касается оценки того, что ожидание было дольше положенного времени, то причин много, таких как: во всех городах разное обслуживание, проблемы с доставкой документов в центр, медленный их сбор и т.д., что затрудняет процесс получения документов. В целом результаты показывают, что удовлетворенность пожилых людей периодом ожидании получения социальных услуг достаточно высока.

Согласно анкетированию 92,3 % пожилых люди в возрасте от 70 лет и старше (что составляет 89,7 % опрошенных), отметили, что не могут позаботиться о себе и нуждаются в регулярном уходе. Кроме того, есть еще одна причина, по которой пожилые люди обращаются в центры социального обслуживания за получением услуг – 20,5 % пожилых людей не имеют близких родственников. Кроме того, отсутствует поддержка или помощь со стороны близких (18 % опрошенных), а при перепадах настроения старики легко злятся, поэтому отношения с детьми, внуками постепенно угасают. Небольшой процент составляют пожилые люди, которым не помогают родственники, потому что они живут в другом городе. В целом, можно подытожить трудности, с которыми сталкиваются пожилые люди, и у них нет другого способа, кроме как помочь себе в силу состояния здоровья, это обратиться за поддержкой в центр социального обслуживания.

Помимо того, что пожилые люди часто общаются с социальными работниками, есть еще 59 % пожилых людей, которые общаются со своими соседями, так как из-за многих проблем со здоровьем пожилые люди не могут далеко уехать. Поэтому высокий показатель имеет общение с соседями, помимо общения с родственниками и друзьями с показателями 38,5 % и 35,9 % (рис. 2.19). Небольшой процент общается только с медицинскими работниками, коллегами и родственниками по телефону. Также очень печально, что есть небольшой процент людей, которые ни с кем не общаются, пожилые люди чувствуют себя одинокими, хотят уйти из жизни.

Вежливость и доброжелательность социальных работников пожилые люди оце-

Таблица 1. Уровень удовлетворенности пожилых людей социальными услугами в ОГАУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения» (%)
Table 1. The level of satisfaction of older people with social services in the OGAUSO "Comprehensive Center for Social Services for the Population" (%)

№		Полностью удовлетворен	Частично удовлетворен	Не удовлетворен
1	Периодичность прихода социальных работников на дому	71,8	23,1	5,1
2	Конфиденциальность услуг	89,7	10,3	0
3	Возможность подачи жалоб, замечаний, предложений	87,2	12,8	0
4	Открытость и доступность информации об организации	82	18	0
5	Комфортность условий и доступность получения социальных услуг	94,9	5,1	0
6	Качество проводимых мероприятий, имеющий групповой характер (оздоровительных, досуговых, профилактических и пр.)	41	53,8	5.2
7	Профессиональная компетентность персонала (профессиональная грамотность) при предоставлении услуг	61,5	38,5	0

нивают на 48,7 % (при ответе «да, всегда и в любой ситуации») и 51,3 % (при ответе «скорее да, чем нет»). Поэтому об этом свидетельствуют следующие данные: пожилые люди, участвующие в получении услуг на дому, доверились и лояльны к центру, большинство участвовало в получении услуг от 3 до 5 лет, что составляет 35,9 %, свыше 5 лет приходилось 30,8 %, также есть лица пожилого возраста, получавшие социальные услуги менее 3 лет, что составляет 33,3 %.

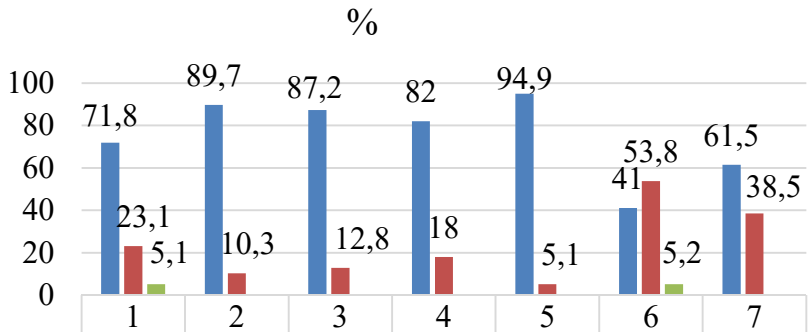
Данные анализа показывают результаты самооценки состояния своего здоровья: 64,1 % ответили, что оно было «удовлетворительное», а у остальных оно было очень плохим и плохим (соответственно 7,7 % и 28,2 %). Оценивая свое эмоциональное состояние, пожилые граждане (58,9 %) чувствуют себя в целом удовлетворительно. Малый процент граждан был в очень плохом (5,1 %) и плохом (30,9 %) настроении и также небольшой процент опрошенных смог иметь хорошее настроение.

При очень высоком проценте 89,7 % пожилых людей готовы рассказать своим родственникам и знакомым о социальных услугах центра, о том, что они ими пользуются. Для небольшого процента пожилых людей еще не определено конкретное направление, социальные услуги, поэтому им сложно было ответить о даче советов родственникам и друзьям.

В настоящее время существует большая потребность в помощи со всех сторон, чтобы иметь возможность вернуть их к жизни в положительном направлении, поддерживая и помогая им развивать свои собственные интересы, заниматься спортом и ходьбой, чтобы вести здоровый образ жизни, улучшить эмоциональное и духовное состояние. Из общего числа опрошенных пожилых людей только 12,9 % составляют мужчины, это показывает, что женщины составляют 87,1 %. Чем старше мужчины становятся, тем ниже этот процент по сравнению с соотношением женщин.

В целом, судя по результатам, процент удовлетворенности оказанными социальными услугами пожилых людей относительно высок (табл. 1).

Динамика показывает качество социальных услуг, открытость и доступность информации, конфиденциальность услуг и так далее, но также видим, что процент данных в реализации мероприятий со-



	1	2	3	4	5	6	7
Полностью удовлетворен	71,8	89,7	87,2	82	94,9	41	61,5
Частично удовлетворен	23,1	10,3	12,8	18	5,1	53,8	38,5
Не удовлетворен	5,1					5,2	

Полностью удовлетворен Частично удовлетворен Не удовлетворен

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Дайте оценку качества предоставляемых услуг по каждой строке таблицы», в процентах к общему количеству опрошенных
Fig. 1. Distribution of answers to the question: "Give an assessment of the quality of services provided for each line of the table", as a percentage of the total number of respondents

ставляет 41 %, качество на самом деле не слишком высокое (рис. 1).

Профессиональная компетентность персонала в предоставлении услуг для пожилых людей имеет не очень высокий процент 61,5 %.

В целом пожилые люди довольны качеством услуг центра, только есть проблема неудовлетворенности или только частичное удовлетворение от проводимых мероприятий и развлечений. Таким образом, можно сделать вывод о том, что пожилые люди всегда нуждаются во внимании со всех сторон, не только со стороны центра социального обслуживания, но также со стороны семьи. Социально ориентированное государство должно нести ответственность за то, чтобы пожилые люди могли жить лучше после выхода на пенсию.

Проведенный анализ показал, что в социальном обслуживании пожилых граждан на дому существуют следующие проблемы: ухудшение состояния здоровья, одиночество, низкое качество проводимых мероприятий, имеющих групповой характер, снижение способности к самообслуживанию, утрата привычного социального статуса и ухудшение экономического положения, а также психологический статус и т. д.

Также в рамках исследования был проведен SWOT-анализ, направленный на понимание трудностей, которые могут напрямую повлиять на внедрение технологий социального обслуживания пожилых людей на дому (табл. 2). Для достижения цели улучшения качества жизни пожилых людей необходимо изучить первопричины существующего снижения качества жизни пожилых людей. Технология социального обслуживания имеет множество различных методов, как только будут обнаружены конкретные причины снижения качества жизни пожилых людей, могут быть применены технологии социального обслуживания, более подходящие для каждого пожилого человека.

Благодаря SWOT-анализу мы можем видеть то, что, хотя есть много трудностей, которые существуют у пожилых людей, их все же можно преодолеть, если они знают, как максимально использовать силы и возможности, которые в настоящее время стоят перед ними. Например, благодаря профессионализму социальных работников, постоянному предложению государства и применению национальных программ помощи пожилым людям удалось преодолеть некоторые трудности. Помимо профессиональных рабочих навыков, можно сказать, что центры также организуют курсы повышения квалификации для членов семей с пожилыми людьми, чтобы в период временного отсутствия

Таблица 2. Результаты SWOT-анализа проблем в социальном обслуживании пожилых людей в ОГАУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения»
Table 2. The results of the SWOT analysis of problems in the social services for the elderly in the OGAUSO «Integrated Center for Social Services for the Population»

Сильные стороны (S)	– Профессиональные работники; – внедрение национальной программы; – проведение медицинских мероприятий по раннему выявлению симптомов тех или иных заболеваний у граждан пожилого возраста; – обучение членов семей, проведение тренингов, психологическая адаптация, временная замена помощи родственников на социальных работников в необходимых случаях; – уделение внимания разработке Кодекса этики и служебного поведения социальных работников;
Слабые стороны (W)	– низкое качество проводимых мероприятий, имеющих групповой характер (оздоровительно-досуговый, профилактический и пр.); – слабое здоровье у пожилых людей; – одиночество – дефицит общения; – социальный статус, связанный с прекращением или ограничением трудовой и общественной деятельности, снижается; – проблема с капиталом;
Возможности (O)	– развитие системы компьютерного образования; – накопление денег с раннего возраста; – проведение два раза в год общей диагностики здоровья; – вовлечение в занятия физической культуры; – совершенствование нормативно-правовых актов; – привлечение общественности и изучение мирового опыта; – привлечение людей старшего поколения к работе различных обществ;
Угрозы (T)	– размер пенсии; – отсутствие родственников; – снижение трудоспособности; – разногласия между поколениями; – недостаточное информирование.

социальных работников, их родственники могли правильно и эффективно ухаживать за пожилыми людьми. В условиях развития информационных технологий, которые требуют постоянного обучения и эффективного использования среди пожилых людей, позволит им общаться с близкими через компьютерную систему с большими и четкими изображениями, чтобы пожилые люди не чувствовали себя одинокими. Также государство должно иметь план и предложения по улучшению и дополнению положений закона, чтобы обеспечить пожилым людям уровень жизни выше минимального прожиточного минимума. Государству следует создавать программы для привлечения активных и творческих пожилых людей к активному участию в различных видах деятельности, что делает мозг всегда активным, преодолевая потерю памяти.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы в рамках проведенного анализа:

– информацию об использовании услуг центра в основном получают от родственников и друзей, но и работники сферы здравоохранения и социальной защиты активно обращаются к пожилым людям;

– удовлетворенность пожилых людей в периоде ожидании получения социальных услуг достаточно высока;

– неспособность к самообслуживанию, нуждаемость по состоянию здоровья в постоянном уходе и отсутствие близких родственников – основные причины обращения за поддержкой в комплексный центр социального обслуживания;

– благодаря вежливому и доброжелательному стилю социальных работников и качеству социальных услуг центра для

пожилых людей они уже много лет пользуются социальными услугами;

– высокий процент пожилых людей готовы рекомендовать своим родственникам и друзьям социальные услуги центра;

– продолжительность жизни у женщин выше, чем у мужчин, при старости часто первым умирает супруг, затем супруга постепенно впадает в состояние депрессии и ей труднее становится общаться с окружающими.

В целом, судя по полученным результатам, процент удовлетворенности пожилых людей относительно высокий. Существуют некоторые недостатки в том, как организованы мероприятия для пожилых людей. Поэтому, на наш взгляд, необходимо также изучать зарубежный опыт, чтобы повышать уровень информированности о методах и способах повышения качества предоставления социальных услуг и качества жизни пожилых людей в целом.

Список источников / References

Анцыферова Л. И. Психология старости: особенности развития психологии личности в период поздней зрелости // Психологический журнал. 2001. № 3. С. 86–99.

Ancyferova L. I. (2001) Psychology of old age: features of the development of personality psychology in the period of late maturity. *Psihologicheskij zhurnal = Psikhologicheskii zhurnal.* No. 3. P. 86–99. (In Russ.)

Басов Н. Ф. Социальная геронтология. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. 418 с.

Basov N. F. (2013) Social gerontology. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova. 418 p. (In Russ.)

Бородина О. Д., Савченко В. В. Инновационные формы социального обслуживания инвалидов и граждан пожилого возраста на дому // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 2. С. 321–324.

Borodina O. D., Savchenko V. V. (2016) Innovative forms of social services for disabled and elderly citizens at home. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij = International journal of applied and fundamental research.* No. 2. P. 321–324. (In Russ.)

Бутуева З. А. Современные технологии социального обслуживания людей старшего возраста в условиях демографического старения // Вестник Волгоградского государственного университета. 2015. № 4. С. 74–80.

Butueva Z. A. (2015) Modern technologies of social services for older people in the context of demographic aging. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta = Science journal of Volgograd state university.* No. 4. P. 74–80. (In Russ.)

Видмер Т. Круглый стол «Специфика и проблемы социальной работы с пожилыми людьми и инвалидами в сельской местности» // Социальная работа. 2012. № 5. С. 42–43.

Vidmer T. (2012) Round table "Specifics and problems of social work with the elderly and disabled in rural areas". *Social'naja rabota = Social work.* No. 5. P. 42–43. (In Russ.)

Глазунова О. В. Библиотерапия: история, методика, практика. Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. 28 с.

Glazunova O. V. (2011) Bibliotherapy: history, methodology, practice. Rostov-na-Donu: Feniks. 28 p. (In Russ.)

Дубовикова Л. А., Полевая Н. М. Стационарозамещающие технологии социальной работы с пожилыми людьми (на примере Амурской области) // Вестник Амурского государственного университета. 2017. № 78. С. 111–115.

Dubovikova L. A., Polevaja N. M. (2017) Stationary-replacing technologies of social work with the elderly (on the example of the Amur Region). *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Amur State University.* No. 78. P. 111–115. (In Russ.)

Климова С. В. Стационарозамещение: взаимодействие социального обслуживания и здравоохранения. Саратов: Изд-во СГУ, 2019. 114 с.

Klimova S. V. (2019) Stationary substitution: the interaction of social services and health care. Saratov: Izd-vo SGU, 114 c. (In Russ.)

Ковальчук О. В., Олейник Е. А. Стационарозамещающие технологии как инновационная форма в социальном обслуживании граждан пожилого возраста // Current issues of social researches and social work. 2018. № 3. С. 21–23.

Koval'chuk O. V., Olejnik E. A. (2018) Stationary-replacing technologies as an innovative form in social services for the elderly. *Current issues of social researches and social work*. No. 3. P. 21–23. (In Russ.)

Мигунова А. В. Основные черты и тенденции развития современной российской системы социального обслуживания населения // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2019. № 3. С. 39–50.

Migunova A. V. (2019) The main features and trends in the development of the modern Russian system of social services for the population. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehnicheskogo*

universiteta = PNRPU sociology and economics bulletin. No. 3. P. 39–50. (In Russ.)

Нор-Аревян О. А. Социальная геронтология. М.: Дашков и К, 2014. 312 с.

Nor-Arevjan O. A. (2014) Social gerontology. Moscow: Dashkov i K. 312 p. (In Russ.)

Сурнина Н. Н., Чернышева Н. В. Бригадный подход в практике социальной работы: теоретический аспект // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. 2017. № 1. С. 1555–1566.

Surnina N. N., Chernysheva N. V. (2017 Team approach in the practice of social work: theoretical aspect. *Kul'tura, lichnost', obshhestvo v sovremennom mire: metodologija, opyt jempiricheskogo issledovanija = Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research.* No. 1. P. 1555–1566. (In Russ.)

Цацура Е. А. Стационарозамещающие технологии социального обслуживания: опыт регионов // Отечественный журнал социальной работы науки. 2018. № 2. С. 33–40.

Cacura E. A. (2018) Stationary-replacing social service technologies: regional experience. *Otechestvennyj zhurnal social'noj raboty nauki = Domestic journal of social work.* No. 2. P. 33–40. (In Russ.)

Шамкова С. В. К вопросу об инновационных технологиях социальной работы с лицами пожилого возраста в Санкт-Петербурге // Вестник Орловского государственного университета. 2014. № 2. С. 52–55.

Shamkova S. V. (2014) On the issue of innovative technologies of social work with the elderly in St. Petersburg. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Orel state university.* No. 2. P. 52–55. (In Russ.)

Информация об авторах

Нгуен Тхи Хуен,
студент бакалавриата,
кафедра социологии и психологии,
Байкальский государственный университет,
664003, Иркутск, ул. Ленина, д. 11,
Российская Федерация,
nguyenthihuyen280398@gmail.com

Татьяна Григорьевна Бахматова,
доцент,
кандидат экономических наук,
кафедра социологии и психологии,
Байкальский государственный университет,
664003, Иркутск, ул. Ленина, д. 11,
Российская Федерация,
bakhmat@mail.ru

Information about the Authors

Nguyen Thi Huen,
Undergraduate Student,
Department of Sociology and Psychology,
Baikal State University,
11 Lenin St., 664003 Irkutsk,
Russian Federation,
nguyenthihuyen280398@gmail.com

Tatiana G. Bakhmatova,
Associate Professor, Candidate of Economic Sciences,
Department of Sociology and Psychology,
Baikal State University,
11 Lenin St., 664003 Irkutsk,
Russian Federation,
bakhmat@mail.ru

Вклад авторов

Авторы выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение и подготовили рукопись к печати.

Contribution of the authors

The Authors carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final version of this manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 07 сентября 2022 г.; одобрена после рецензирования 17 сентября 2022 г.; принята к публикации 01 октября 2022 года.

Information about the article

The article was submitted September 07, 2022; approved after reviewing September 17, 2022; accepted for publication October 1, 2022.

Оригинальная статья / Original article
УДК 316.354.4

Мотивация волонтеров Паралимпийских игр

© М. П. Сухарькова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Научно-учебная лаборатория междисциплинарных исследований некоммерческого сектора,
Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора,
Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты волонтерской деятельности на спортивном парамега-событии – Паралимпийских играх. Доказано, что волонтеры – это важный человеческий фактор для успеха любых спортивных мероприятий. Однако чаще всего в подобного рода исследованиях внимание уделялось добровольцам спортивных мега-событий, но недостаточно изучена деятельность участников волонтерских программ парамероприятий. Цель данной статьи заключается в изучении мотивации добровольцев, работавших на Паралимпийских играх 2021 года, и их желании в дальнейшем участвовать в мероприятиях такого типа. Задачи исследования состояли в том, чтобы получить детальную информацию о волонтерах и выявлении наиболее значимых аспектов их деятельности. Эмпирическая база статьи – комплексное социологическое исследование, проведенное методами онлайн опроса и интервью с добровольцами, которые принимали участие в организации и проведении Паралимпийских игр, проходивших в Токио (Япония) в 2021 году. Опрос осуществлялся в сентябре, участие в нем приняли 362 респондента. Интервью состоялось в октябре – ноябре. Информантами выступили 20 волонтеров. По его итогам было установлено, что почти всеми добровольцами движет альтруизм, при этом важное значение имеет и такой фактор, как удовлетворение от результатов работы. Более половины участников исследования ответили, что планируют продолжать волонтерскую деятельность, в том числе в рамках других крупных спортивных мероприятий.

Ключевые слова: волонтерство, мотивация, событийное волонтерство, волонтеры спортивных мега-событий, параспортивные мероприятия, Паралимпийские игры

Для цитирования: Сухарькова М. П. Мотивация волонтеров Паралимпийских игр // *Социальная компетентность.* 2022. Т. 7. № 2–3. С. 238–249.

Motivation of Volunteers of Paralympic Games

© Marina P. Sukharkova
National Research University Higher School of Economics (HSE),
Laboratory for Interdisciplinary Studies in Non-Commercial Sector,
Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector,
Moscow, Russian Federation

Abstract. The article discusses the theoretical aspects of volunteering at a sports paramega-event – the Paralympic Games. It has been proven that volunteers are an important human factor for the success of any sporting event. However, most often in this kind of research, attention was paid to volunteers of sports mega-events, but the activities of participants in volunteer programs of para-events have not been sufficiently studied. The purpose of this article is to explore the motivation of volunteers who worked at the 2021 Paralympic Games and their desire to continue to participate in events of this type. The objectives of the study were to obtain detailed information about the volunteers and identify the most significant aspects of their activities. The empirical base of the article is a comprehensive sociological study conducted by online survey methods and interviews with volunteers who took part in the organization and holding of the Paralympic Games held in Tokyo (Japan) in 2021. The survey was carried out in September, 362 respondents took part in it. The interview took place in October-November. 20 volunteers acted as informants. As a result, it was found that almost all volunteers are driven by altruism, while such a factor as satisfaction with the results of work is also important. More than half of the study participants said they planned to continue volunteering, including at other major sporting events.

Keywords: volunteering, motivation of volunteers, event volunteering, volunteers of sports mega-events, parasport events, Paralympic Games

For citation: Sukharkova M. P. (2022) Motivation of Volunteers of Paralympic Games. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 7. No. 2-3. P. 238-249. (In Russ.)

Введение

Подготовка к Олимпийским играм 2014 года в числе прочих социальных преобразований породила относительно новую для нашей страны форму организации общества – волонтерское движение. Необходимость привлечения добровольцев для проведения такого широкомасштабного событийного мероприятия как Олимпийские игры стимулировала государственные структуры к организации волонтерских центров, задачами которых в самом обобщенном виде стали отбор, обучение и организация участия добровольцев в тех или иных мероприятиях. Эта государственная инициатива получила позитивный отклик в широких слоях общества, потому что по своей сути отвечала как прагматическим, так и идеологическим потребностям субъектов общественных отношений. Привлечение неоплачиваемой рабочей силы к проведению краткосрочных проектов различного уровня реализовалось в организации не только спортивного, но и социального волонтерства.

Обратившись к опыту других стран, в которых волонтерские объединения уже много лет привлекаются к организации и проведению мероприятий различного масштаба, стало очевидно, что для эффективной вербовки и организации в нашей стране необходим ряд психологических, социологических и иных исследований. Волонтеры признаны незаменимым ресурсом для успешного проведения спортивных мероприятий (Bang, at al., 2009). На сегодняшний день исследователи часто обращаются к изучению событийных волонтеров. В статьях, посвященных волонтерам, которые принимали участие в организации и проведении спортивных мероприятий, делается акцент на том, что мотивацией к этой деятельности послужили следующие факторы: чувство удовлетворения от конечных результатов мероприятия, приверженность к сообществу волонтеров и чувство общности. Проблема исследований волонтерского опыта заключается в том, что они представляют собой разрозненные источники. Такая разрозненность является следствием того, что у исследователей есть фрагментарное понимание волонтерского опыта, потому что такая мотивация, как удовлетворение, приверженность и чувство общности зачастую изучается независимо друг от друга и без привязки к кому или иному волонтерскому опыту.

Отдельные работы в международном комплексе литературы посвящены изучению волонтерского опыта на спортивных парамероприятиях (мероприятиях, участие в которых принимают люди с ограниченными возможностями здоровья). В сравнении с научными разработками других направлений, а также других типов мероприятий, исследования волонтеров в параспортивных организациях и мероприятиях ограничены и малочисленны как в российских, так и иностранных источниках. Ученые пишут о том, что особенности спортивных парамероприятий могут оказать влияние на волонтеров, которые принимают участие в их организации и проведении (Misener, Darcy, 2014). Таким образом мы не можем предположить, что исследования, проведенные в условиях других типов мероприятий, автоматически применимы к волонтерам параспортивных мероприятий.

Волонтеры спортивных мероприятий

Волонтерство на спортивных мероприятиях – это добровольная деятельность, в рамках которой люди оказывают помощь в подготовке и проведении единоразовых или регулярных спортивных мероприятий, различающиеся по объему, масштабу и местоположению (Cuskelly, at al, 2006). Исследовательские работы по мотивации волонтеров спортивных мероприятий представляют собой отрасль спортивного менеджмента (Kim, Cuskelly, 2017) и включают исследования, посвященные различным темам, таким как мотивация волонтеров (Farrell, at al, 1998); их удовлетворение от итогов волонтерской работы (Elstad,

1996); приверженность волонтерскому сообществу и сфере спорта (Cuskelly, Boag, 2001); чувство сообщества среди волонтеров (Kerwin, at al., 2015); эффективные меры удержания людей в волонтерской деятельности (Darcy, at al., 2015); процессы набора волонтеров (Wicker, 2017); обучение и подготовка волонтеров (Kim, Cuskelly, 2017); наследие волонтерских программ (Bang, at al., 2009). Эти научные работы составляют большой объем знаний (Farrell, at al., 1998) о волонтерском опыте и характеристиках волонтеров: это и мотивация, и чувство удовлетворения от проделанной работы, и чувство сообщества. Традиционно исследователи наибольшее внимание уделяют изучению мотивации волонтеров (Farrell, at al., 1998). В исследованиях, связанных с ней, рассматривается отношение, например, к обязательствам (MacLean, Hamm, 2007); чувство удовлетворения (Twynam, at al., 2002); намерение остаться в волонтерской деятельности (Coyne, Coyne, 2001); волонтерство как способ организация досуга (Strigas, Jackson, 2003), а также темы, связанные с управлением волонтерами, например, технология набора волонтеров или их удержание в волонтерской деятельности (Khoo, at al., 2011); различия в мотивации (Vetitnev, at al., 2018); межкультурные факторы (Bang, at al., 2013). Также тема мотивации рассматривалась исследователями в связи с принятыми обязательствами (Du, 2009); неоднозначностью роли волонтеров (Aisbett, Hoye, 2015); удовлетворенностью волонтерской работой (Costa, at al., 2006); поддержкой волонтеров со стороны организаций и руководителей (Cuskelly, Boag, 2001), с приверженностью волонтеров к спортивным мероприятиям и их удовлетворенностью проделанной работой (Green, Chalip, 1998), текучестью волонтерских кадров (Costa, at al., 2006).

В отличие от исследований мотивации, удовлетворения и приверженности чувству единства гораздо меньше внимания уделяется другим темам. Несмотря на то, что волонтеры придают большое значение социальным факторам своей деятельности (Kerwin, at al., 2015), опубликованы только два исследования, в которых затрагивается изучение целостности сообщества волонтеров спортивных мероприятий. Например, Карла Коста и ее коллеги (Costa, at al., 2006) провели анализ отношений между чувством общности, удовлетворением и обязательствами в деятельности волонтеров. Их исследование выявило взаимосвязь между осознанием смысла и приверженности волонтерской деятельности к удовлетворению от волонтерской работы. Однако было выявлено, что смысл волонтерской работы косвенно влияет на удовлетворенность через обязательство. Несмотря на это, связь между чувством сообщества и другими конструкциями (например, мотивацией), а также её влияние на волонтерский опыт, остается неизвестной, хотя это важно для волонтеров спортивных мероприятий (Kim, Cuskelly, 2017). Эти конструкции часто обсуждаются и исследуются по отношению друг к другу, но они редко обсуждаются вместе в отношении к волонтерскому опыту. Эта сегментация была выделена в работах Энджунга Кима и Грэм Кускелли (Kim, Cuskelly, 2017). В своей статье они сделали систематический обзор, в результате которого выявили в общей сложности 24 различных причинно-следственнных отношения (например, влияние мотивации на удовлетворенность (Kitchin, Howe, 2014) и исследовали 22 различных взаимосвязи между переменными (например, такими как взаимосвязь между мотивацией, приверженностью и намерением остаться). Таким образом, в текущих знаниях о спортивном опыте волонтеров не хватает целостного понимания с учетом фрагментации исследуемых конструкций по отдельности или в отношении двух или более конструкций.

Контекст параспортивного мероприятия

В зарубежной литературе по теме параспортивные мероприятия рассматриваются такие направления как инклюзия (Wicker P., Breuer, 2013); программы развития спорта

для разных категорий граждан, включая людей с ограниченными возможностями здоровья (Misener, at al., 2013); организационные проблемы в сфере парамероприятий (Darcy, at al., 2014); наследие этих событий (Du, 2009), а также контексты таких мероприятий как Паралимпийские игры (Darcy, at al., 2014) и Всемирные летние игры Специальной Олимпиады (Dickson, at al., 2013). Однако существует несколько работ, в которых изучается волонтерское сообщество, принимающее участие в параспортивных мероприятиях (Khoo, at al., 2011; Darcy, at al., 2014). Опыт волонтеров на параспортивных мероприятиях чаще исследуется в рамках спортивных мега-событий (например, Олимпийские и Паралимпийские игры) и ориентирован на удовлетворение от итогов работы и мотивацию (Du, 2009). Здесь исследователи пришли к выводу о том, что удовлетворение волонтеров от своей работы на Всемирных летних играх Специальной Олимпиады в 2007 году было связано с их предыдущим опытом и ощущением поддержки среди волонтеров (Dickson, at al., 2013). В свою очередь мотивация волонтеров параспортивного мероприятия была связана с участием в крупномасштабном спортивном мероприятии, получением опыта, альтруистическими и целенаправленными (эгоистическими) факторами (Ahn, 2018). Поэтому необходимы дополнительные исследования в этой сфере, учитывая растущее число спортивных параспортивных мероприятий, их масштаб и число участников (Invictus Games (Игры непобежденных) и Чемпионат мира по хоккею на колясках), а также уникальные характеристики, с которыми сталкиваются на таких соревнованиях, по сравнению с другими мероприятиями. Точнее, некоторые параспортивные мероприятия, такие как хоккей на инвалидных колясках, имеют значительно меньшую поддержку общественности и низкий уровень осведомленности в местном сообществе по сравнению с их аналогом для здоровых спортсменов (например, хоккей с шайбой). Более того, участникам параспортивных мероприятий часто требуется дополнительная помощь (например, личный вспомогательный ассистент), специализированный транспорт и оборудование, которые могут создать логистические проблемы для организаторов мероприятий с ограниченными возможностями их участников. Таким образом, в настоящем исследовании автор пытается дать представление об опыте волонтеров на спортивном парамероприятии крупного масштаба.

На данный момент российские исследователи уделяют недостаточное внимание изучению волонтерской деятельности в контексте параспортивных мероприятий. Однако группа отечественных ученых проводила изучение волонтеров Паралимпийских игр 2014 года, которые проходили в Сочи (Макарова, 2015; Романова, 2014).

Мотивация и желание продолжать волонтерскую деятельность

На данный момент существуют эмпирические исследования, результаты которых показывают взаимосвязь между мотивацией волонтеров и их намерением продолжать свою волонтерскую деятельность. Так, Ён-Джу Ан (Ahn, 2018) в своей статье доказал, что волонтеры, которые руководствовались эгоистическими мотивами чаще имели желание продолжать волонтерскую деятельность. Хеджин Банг, Доён Вон и Ёнджэ Ким (Bang, at al., 2009) провели исследование, согласно которому важными факторами, оказывающими влияние на последующие намерения в продолжении волонтерской деятельности, являются мотивы участия в волонтерстве и внешние вознаграждения. Еще одно исследования продемонстрировало подобные результаты в отношении ценности внешних вознаграждений для формирования желания продолжать волонтерскую деятельность (Bang, Lee, 2014). Вместе с этим, исследования Кирстины Халльманн и Жезин Хармса (Hallmann, Harms, 2012) показывают обратную зависимость. Они выявили, что поддержание ценностей волонтерства и возможность личностного роста являются мотивами, которые оказывают наибольшее

влияние на желание людей продолжать волонтерство. Такую зависимость демонстрирует не единственное исследование. Так, другие европейские исследователи (Koutrou, Pappous, 2016) определили, что возможность установления и поддержания межличностных контактов имеет важное влияние на намерение волонтеров продолжать свою добровольную работу.

Сон Бом Ким, Александр Аманда и Дэ Ён Ким (Kim, at al., 2016) обнаружили также связь влияния фактора удовлетворенности на регулирование мотивации с последующими намерениями волонтерской деятельности. Среди молодых волонтеров, принимающих участие в спортивном волонтерстве на мероприятиях, исследователи (Johnson, at al., 2016) заметили важность приобретения новых навыков и карьерного роста, также среди данной группы волонтеров значимыми являются социальные мотивы волонтерства. Вэйшэн Чиу, Ён Чжу Ли и Доён Вон (Chiu, at al., 2016) обнаружили, что спортивное событийное волонтерство представляет собой более популярное направление волонтерской деятельности среди студентов и молодых людей, именно в нем они намерены продолжать работу.

Об исследовании

Для изучения мотивации паралимпийских волонтеров нами было проведено комплексное исследование методами онлайн опроса и интервью. Участникам онлайн опроса предлагалось ответить на вопросы анкеты о причинах вступления в паралимпийскую волонтерскую программу, удовлетворенности от участия в Паралимпийских играх и установках на продолжение волонтерской деятельности и, в частности, участия в волонтерских программах крупных спортивных и параспортивных мероприятий. Опрос проводился в онлайн формате с 6 по 19 сентября 2021 года.

Участниками стали волонтеры Паралимпийских игр 2021 года, которые проходили в городе Токио, Япония в августе – сентябре. Всего было опрошено 362 респондента.

Среди участников онлайн опроса было 52 % мужчин и 48 % – женщин. 74 % респондентов были в возрасте до 25 лет, 15 % – от 26 до 35 лет и 11 % – старше 36 лет (из них 3 % – старше 50 лет). 66 % участников исследования имели предшествующий паралимпийской волонтерской программе опыт волонтерства, 40 % – имели опыт предшествующей волонтерской деятельности на крупных спортивных мероприятиях, таких как Олимпийские или Паралимпийские игры или чемпионаты мира.

Отбор участников онлайн опроса проводился в свободной форме. Приглашение к участию в исследовании направлялось волонтерам, которые в свою очередь привлекали для опроса своих коллег и знакомых по волонтерской работе.

Участникам интервью задавались вопросы для получения более детальной информации о причинах участия людей в паралимпийской волонтерской программе, удовлетворении от участия в практиках волонтерства на спортивном мега-парамероприятии. Всего было проведено 20 интервью в сентябре – октябре 2021 года, информантами выступили волонтеры Паралимпийских игр в возрасте от 18 до 60 лет, из которых было 50 % – мужчин и 50 % – женщин. Отбор участников качественного этапа исследования проводился также в свободной форме.

Результаты

Результаты проведенного нами исследования демонстрируют, что волонтеры Паралимпийских игр руководствуются как альтруистическими, так и эгоистическими мотивами при выборе волонтерской деятельности.

Альтруистические мотивы паралимпийских волонтеров

Среди участников исследования паралимпийских волонтеров игр в Токио наиболее часто упоминаемыми мотивами были следующие: возможность оказания

помощи в подготовке и проведении паралимпийских мероприятий (54 %); возможность помощи людям с ограниченными возможностями здоровья (50 %); возможность помощи людям (40 %), лучшее понимание окружающих (38 %); развитие волонтерского сообщества (32 %); развитие паралимпийского движения (28 %).

В интервью волонтеры подтверждали вышеуказанные основания мотивации и давали более подробную информацию об альтруистических мотивах участия в паралимпийской волонтерской программе. Так, ряд информантов говорили при ответе на вопросы, что для них основной причиной вступления в практики паралимпийского волонтерства была возможность сделать свой вклад в подготовку и проведение паралимпийских мероприятий:

«Для меня сама возможность стать частью игр была сказкой. Я так много видела и слышала про игры, которые будут проходить в Японии, что даже мечтать не могла о том, что я буду работать на них. Стать частью игр, встречать спортсменов – это большая удача, впечатления о которых останутся на всю жизнь».

Женщина, 30 лет.

«В самом начале рекламной компании перед играми я заинтересовался тем, каким образом я могу принять участие в организации этих мероприятий. Я был готов на любую работу, главное, чтобы я мог вложить свои силы и знания в это глобальное событие».

Мужчина, 38 лет.

Важным аспектом альтруистической мотивации волонтеров был выявлен, по результатам интервью, сам контекст Паралимпийских игр. Возможность помощи людям с ограниченными возможностями здоровья и их поддержка были для волонтеров значимыми причинами вступления в среду волонтерства.

«Некоторые люди не задумываются над этим, но именно Паралимпийские игры – это праздник жизни, те, кому значительно сложнее жить, чем нам, побеждают себя и достигают высоких спортивных результатов. Познакомиться с такими людьми – это важно, они заряжают уникальными эмоциями и это настоящие герои».

Мужчина, 41 год.

Эгоистические мотивы паралимпийских волонтеров

Вместе с альтруистическими мотивами, среди ответов паралимпийских волонтеров, можно выделить и эгоистические мотивы, которые отмечали участники исследования: возможность посещения паралимпийских мероприятий (56 %); возможность получения опыта работы (50 %); возможность получения новых знаний и навыков (44 %); возможность приятного времяпрепровождения или полезных знакомств (36 %); разнообразные «бонусы», которые дает волонтерская деятельность (30 %).

Участники исследования, часто респонденты в возрасте до 30 лет, отмечали, что для них повышенной ценностью обладал процесс обучения и подготовки в качестве паралимпийского волонтера. Этот вариант мотивации выбрали 80 % респондентов в возрасте до 30 лет.

В интервью волонтеры также отмечали, что они осознают, что опыт волонтерства на крупном спортивном мероприятии дает им возможность удовлетворить индивидуальные потребности или получить некие личные выгоды:

«Меня привлекло количество сервисов для волонтеров. Мало того, что волонтеры попадают на паралимпийские соревнования, церемонии, так еще и комплект одежды, жилье, питание, транспорт».

Мужчина, 20 лет

«Такие мероприятия как Паралимпийские игры – это глобальные события, опыт работы на которых значительно повышает профессиональный уровень любого специалиста. Пройти отбор, получить возможность обучения на международном уровне и сам опыт работы

на Паралимпийских играх – хороший трамплин в успешную карьеру».

Женщина, 26 лет.

Волонтерство на крупных спортивных мероприятиях как возможность профессионального роста часто озвучивалась информантами в интервью. Таким образом волонтеры рассматривали свой опыт волонтерской деятельности как старт профессиональной деятельности на рынке труда или возможность повышения квалификации и получения новых навыков для роста по карьерной лестнице.

Следует отметить, что среди участников исследования, которые обладали предшествующим Паралимпийских играм волонтерским опытом, несмотря на все сервисы, которые предоставлялись волонтерам и бонусы, отмечали, что волонтеры в первую очередь бескорыстно помогают специалистам и участникам игр, также информанты уделяли внимание особой атмосфере внутри волонтерского сообщества.

«Для меня это уже третьи игры, на которых я волонтер. Быть волонтером на крупных международных мероприятиях очень почетно и престижно, более того – это уникальные впечатления. Я могу вам сказать о том, что, на самом деле, всегда больше запоминаются эмоции, знакомства, встречи, нестандартные ситуации. Хотя внешние атрибуты, безусловно, приятны и необходимы для высокого уровня оказания услуг спортсменам и другим участникам игр».

Мужчина, 45 лет

Таким образом, совокупность причин по которым люди принимают участие в волонтерской программе Парлимпийских игр можно разделить на альтруистические и эгоистические. Несмотря на то, что волонтеры Паралимпийских игр не получают прямого денежного вознаграждения за свою работу, они имеют некоторые бонусы, включая материальные вознаграждения, например, такие как комплект одежды, сервисы по проживанию, питанию, транспортные услуги. Волонтеры данного направления могут вступать в волонтерскую деятельность, руководствуюсь не только альтруистическими мотивами, но и для решения индивидуальных запросов.

Удовлетворенность паралимпийских волонтеров

Отвечая на вопросы анкеты об удовлетворенности участия в паралимпийской волонтерской программе, 60 % респондентов ответили, что они удовлетворены волонтерской работой на Паралимпийских играх 2021 года, 34 % – не удовлетворены и 6 % – затруднились ответить на данный вопрос. 52 % волонтеров хотели повторить подобный опыт паралимпийского волонтерства.

В интервью волонтеры выражали и общую удовлетворенность от участия в Паралимпийских играх, выделяя эмоциональную составляющую данного периода своей жизни.

«Я думаю, что все волонтеры остались довольны, другого не может быть, не всем предоставляется такой шанс в жизни. Буду вспоминать Паралимпийские игры как сказку, рассказывать своим знакомым и своим будущим детям».

Женщина, 20 лет.

«Все мои страхи и переживания, которые были перед играми не оправдались. Я бы не простил себе, если бы не дошел до конца. Думаю, что каждый должен испытать такие эмоции, найти много новых друзей, попробовать себя в таком крупном мероприятии».

Мужчина, 28 лет.

Важно заметить, что те волонтеры, которые выражали неудовлетворенность участием в паралимпийской программе выделяли следующие негативные аспекты:

— необходимость соблюдения многочисленных требований, вызванных пандемией;

«Еще до начала Паралимпийских игр мы знали о том, что работать будет нелегко: многочасовые рабочие

смены; массовые мероприятия; высокий уровень ответственности и др., но ситуация пандемии привела к еще более сложным условиям работы. Именно волонтеры должны нести ответственность за соблюдением всех мер безопасности. В итоге напряжение во время выполнения рабочих обязанностей было максимальное».

Женщина, 42 года.

– недостатки процесса управления волонтерскими ресурсами;

«Организация любого мероприятия – сложная задача, а когда необходимо провести крупное спортивное мероприятие – необходимо помнить, что в любой момент могут произойти непредвиденные обстоятельства. Работа волонтеров на Паралимпийских играх контролировалась и сопровождалась профессиональными менеджерами, которые имели опыт работы с волонтерами. Несмотря на это, были недоработки по вопросам планирования работы волонтеров, рабочее время было неточно рассчитано, также как и объем работ».

Мужчина, 48 лет.

– индивидуальные личные причины волонтеров.

«Я остался недоволен участием в волонтерстве на Паралимпийских играх по собственным причинам, так произошло, что именно во время игр в моей семье были серьезные проблемы, но я не мог бросить работу и был далеко от своих близких. Так, я выполнял свои обязанности, но мысленно был далеко, что и привело к чувству неудовлетворенности».

Мужчина, 31 год.

Подводя итог, заметим, что более половины паралимпийских волонтеров – участников исследования остались удовлетворены участием в данной работе Среди причин, которые были отмечены волонтерами в качестве оснований для неудовлетворения: дополнительная ответственность волонтеров в обеспечении безопасности; проблемы менеджмента, а также индивидуальные причины волонтеров.

Желание паралимпийских волонтеров продолжить волонтерскую деятельность

Говоря о своем желании продолжать волонтерскую деятельность 71 % участников исследования ответили, что они планируют принимать участие в волонтерской деятельности в будущем. 48 % – планируют принимать участие в волонтерских программах крупных спортивных мероприятий, 62 % – в паралимпийском волонтерстве.

В числе других направлений волонтерства, в которых планируют принимать участие в будущем, чаще других участники исследования выделяли следующие: социальное волонтерство (60 %); образовательное (54 %); культурное волонтерство (50 %); онлайн (44 %) и экологическое (40 %).

В интервью волонтеры отчетливо озвучивали свои планы на активное участие в дальнейшей волонтерской деятельности. Участники исследования осознавали, что обладают значительным опытом в волонтертве, по этой причине паралимпийские волонтеры обладают желанием принимать участие в других волонтерских проектах, обучать новых волонтеров для развития волонтерского сообщества.

«Для меня игры стали началом нового этапа жизни, я понял, что обладаю всеми возможностями для помощи. Могу сказать точно, я буду принимать участие во всех волонтерских проектах, вкладывать все свои знания и опыт в эту работу».

Мужчина, 22 года.

«Я настолько прониклась волонтерством, что серьезно планирую принимать активное участие в некоммерческих проектах, обучать желающих стать волонтерами. Любой проект – это в первую очередь люди, нужно вкладывать себя в любимое дело и тогда успех неизбежен».

Женщина, 36 лет.

Заключение

В последние годы, наблюдается возрастающее значение волонтеров в олимпийском и паралимпийском движении и, как

следствие, важность исследований, посвященных конкретным характеристикам и опыту людей, которые посвящают свое время и усилия Олимпийским играм. Волонтеры таких крупных спортивных мероприятий как Паралимпийские игры – это люди, которые добровольно прошли этапы отбора, обучения, подготовки в качестве персонала мероприятия, выполняли трудовые обязанности по организации и проведению игр без получения за это прямого денежного вознаграждения.

На основе эмпирического исследования, проведенного методами онлайн опроса и интервью с волонтерами, нами было выявлено, что волонтеры Паралимпийских игр руководствовались как альтруистическими, так и эгоистическими мотивами при решении вступления в волонтерскую деятельность на Паралимпийских играх.

Более половины паралимпийских волонтеров, которые приняли участие в исследовании, говорили о том, что они остались удовлетворены участием в Паралимпийских играх. Также более половины участников исследования ответили, что планируют продолжать волонтерскую деятельность, в том числе в рамках других крупных спортивных мероприятий, а также рассматривают и других направления волонтерства, такие как социальное, образовательное, культурное, онлайн или экологическое.

Список источников / References

Макарова И. Н., Романова Г. М., Мазниченко М. А., Юрченко Ю. А. Волонтерское наследие Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 г.: организационные и социальные аспекты // Теория и практика физической культуры. 2015. № 1. С. 9–11.

Makarova I. N., Romanova G. M., Maznichenko M. A., Yurchenko Yu. A. (2015) Volunteer legacy of the 2014 Olympic and Paralympic Games: organizational and social aspects. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and practice of physical culture*. No. 1. P. 9–11. (In Russ.)

Романова Г. М., Макарова И. Н., Шашков А. В. Удовлетворенность волонтеров Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 г. различными аспектами организации волонтерской деятельности // Известия Сочинского государственного университета. 2014. № 2. С. 30.

Romanova G. M., Makarova I. N., Shashkov A. V. (2014) Satisfaction of the volunteers of the Olympic and Paralympic Games 2014 with various aspects of the organization of volunteer activities. *Izvestiya Schinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Sochi State University.* No. 2. P. 30. (In Russ.)

Ahn Y. J. Recruitment of volunteers connected with sports mega-events: A case study of the PyeongChang 2018 Olympic and Paralympic Winter Games // Journal of destination marketing & management. 2018. Vol. 8. P. 194–203.

Ahn Y. J. Recruitment of volunteers connected with sports mega-events: A case study of the PyeongChang 2018 Olympic and Paralympic Winter Games. *Journal of destination marketing & management.* 2018. Vol. 8. P. 194–203.

Bang H., Lee C. S. The roles of large-scale sporting event volunteer motivations in predicting behavioural intention within the theory of planned behaviour // International Journal of Hospitality and Event Management. 2014. Vol. 1. No. 2. P. 111–134.

Bang H., Lee C. S. The roles of large-scale sporting event volunteer motivations in predicting behavioural intention within the theory of planned behavior. *International Journal of Hospitality and Event Management.* 2014. Vol. 1. No. 2. P. 111–134.

Bang H., Ross S., Reio T. G. From motivation to organizational commitment of volunteers in non-profit sport organizations: The role of job satisfaction // Journal of Management Development. 2013. Vol. 32. P. 96–112.

Bang H., Ross S., Reio T. G. From motivation to organizational commitment of volunteers in non-profit sport organizations: The role of job satisfaction. *Journal of Management Development*. 2013. Vol. 32. P. 96–112.

Bang H., Won D., Kim Y. Motivations, commitment, and intentions to continue volunteering for sporting events // Event Management. 2009. Vol. 13. P. 69–81.

Bang H., Won D., Kim Y. Motivations, commitment, and intentions to continue volunteering for sporting events. *Event Management.* 2009. Vol. 13. P. 69–81.

Chiu W., Lee Y., Won D. Bifactor analysis of motivation for charity sport event participation // International Review on Public and Nonprofit Marketing. 2016. Vol. 13. No. 1. P. 1–13.

Chiu W., Lee Y., Won D. Bifactor analysis of motivation for charity sport event participation. *International Review on Public and Nonprofit Marketing.* 2016. Vol. 13. No. 1. P. 1–13.

Costa C. A., Chalip L., Green B. C., Simes C. Reconsidering the role of training in event volunteers' sat-

isfaction // Sport Management Review. 2006. Vol. 9. P. 165–182.

Costa C. A., Chalip L., Green B. C., Simes C. Reconsidering the role of training in event volunteers' satisfaction. *Sport Management Review*. 2006. Vol. 9. P. 165–182.

Coyne B. S., Coyne E. J. Getting, keeping and caring for unpaid volunteers for professional golf tournament events // Human Resource Development International. 2001. Vol. 4. P. 199–216.

Coyne B. S., Coyne E. J. Getting, keeping and caring for unpaid volunteers for professional golftournament events. *Human Resource Development International.* 2001. Vol. 4. P. 199–216.

Cuskelly G., Boag A. Organisational commitment as a predictor of committee member turnover among volunteer sport administrators: Results of a time-lagged study // Sport Management Review. 2001. Vol. 4. P. 65–86.

Cuskelly G., Boag A. Organisational commitment as a predictor of committee member turnover among volunteer sport administrators: Results of a time-lagged study. *Sport Management Review*. 2001. Vol. 4. P. 65–86.

Cuskelly G., Hoye R., Auld C. Working with volunteers in sport: Theory and practice. 2006. New York. NY: Routledge.

Cuskelly G., Hoye R., Auld C. Working with volunteers in sport: Theory and practice. 2006. New York. NY: Routledge.

Darcy S., Dickson T. J., Benson A. M. London – 2012 Olympic and Paralympic Games: Including volunteers with disabilities – A podium performance? // Event Management. 2014. Vol. 18. P. 431–446.

Darcy S., Dickson T. J., Benson A. M. London – 2012 Olympic and Paralympic Games: Including volunteers with disabilities – A podium performance? *Event Management.* 2014. Vol. 18. P. 431–446.

Dickson T. J., Benson A. M., Blackman D. A., Terwiel A. F. It's all about the games! 2010 Vancouver Olympic and Paralympic winter games volunteers // Event Management. 2013. Vol. 17. P. 77–92.

Dickson T. J., Benson A. M., Blackman D. A., Terwiel A. F. It's all about the games! 2010 Vancouver Olympic and Paralympic winter games volunteers. *Event Management.* 2013. Vol. 17. P. 77–92.

Doherty A. The volunteer legacy of a major sport event // Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events. 2009. Vol. 1. P. 185–207.

Doherty A. The volunteer legacy of a major sport event. *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events.* 2009. Vol. 1. P. 185–207.

Du M. Job satisfaction among volunteers of the 2007 Special Olympics World Summer Games // Asian Journal of Physical Education & Recreation. 2009. Vol. 15. P. 29–34.

Du M. Job satisfaction among volunteers of the 2007 Special Olympics World Summer Games. *Asian Journal of Physical Education & Recreation*. 2009. Vol. 15. P. 29–34.

Elstad B. Volunteer perception of learning and satisfaction in a mega-event: The case of the XVII Olympic Winter Games in Lillehammer // Festival Management & Event Tourism. 1996. Vol. 4. P. 75–83.

Elstad B. Volunteer perception of learning and satisfaction in a mega-event: The case of the XVII Olympic Winter Games in Lillehammer. *Festival Management & Event Tourism.* 1996. Vol. 4. P. 75–83.

Farrell J. M., Johnston M. E., Twynam D. G. Volunteer motivation, satisfaction, and management at an elite sporting competition // Journal of Sport Management. 1998. Vol. 12. P. 288–300.

Farrell J. M., Johnston M. E., Twynam D. G. Volunteer motivation, satisfaction, and management at an elite sporting competition. *Journal of Sport Management.* 1998. Vol. 12. P. 288–300.

Green B. C., Chalip L. Sport volunteers: Research agenda and application // Sport Marketing Quarterly. 1998. Vol. 7. P. 14–23.

Green B. C., Chalip L. Sport volunteers: Research agenda and application. *Sport Marketing Quarterly.* 1998. Vol. 7. P. 14–23.

Hallmann K., Harms G. Determinants of volunteer motivation and their impact on future voluntary engagement: A comparison of volunteer's motivation at sport events in equestrian and handball // International journal of event and festival management. 2012. Vol. 3. P. 272–291.

Hallmann K., Harms G. Determinants of volunteer motivation and their impact on future voluntary engagement: A comparison of volunteer's motivation at sport events in equestrian and handball. *International journal of event and festival management.* 2012. Vol. 3. P. 272–291.

Johnson J. E., Giannoulakis C., Scott B. F., Felver N., Judge L. W. Gender Differences in Motivation, Satisfaction, and Retention of Sport Management Undergraduate Student Volunteers // Journal of Applied Sport Management. 2016. Vol. 45. P. 40–45.

Johnson J. E., Giannoulakis C., Scott B. F., Felver N., Judge L. W. Gender Differences in Motivation, Satisfaction, and Retention of Sport Management Undergraduate Student Volunteers. *Journal of Applied Sport Management.* 2016. Vol. 45. P. 40–45.

Kemp S. The hidden workforce: Volunteers' learning in the Olympics // Journal of European Industrial Training. 2002. Vol. 26. P. 109–116.

Kemp S. The hidden workforce: Volunteers' learning in the Olympics. *Journal of European Industrial Training.* 2002. Vol. 26. P. 109–116.

Kerwin S., Warner S., Walker M., Stevens J. Exploring sense of community among small-scale sport event volunteers // European Sport Management Quarterly. 2015. Vol. 15. P. 77–92.

Kerwin S., Warner S., Walker M., Stevens J. Exploring sense of community among small-scale sport event volunteers. *European Sport Management Quarterly.* 2015. Vol. 15. P. 77–92.

Khoo S., Surujlal J., Engelhorn R. Motivation of volunteers at disability sports events: A comparative study of volunteers in Malaysia, South Africa, and the United States // African Journal for Physical, Health Education, Recreation & Dance. 2011. Vol. 17. P. 356–371.

Khoo S., Surujlal J., Engelhorn R. Motivation of volunteers at disability sports events: A comparative study of volunteers in Malaysia, South Africa, and the United States. *African Journal for Physical, Health Education, Recreation & Dance.* 2011. Vol. 17. P. 356–371.

Kim E., Cuskelly G. A systematic quantitative review of volunteer management in events // Event Management. 2017. Vol. 21. P. 83–100.

Kim E., Cuskelly G. A systematic quantitative review of volunteer management in events. *Event Management.* 2017. Vol. 21. P. 83–100.

Kim S. B., Amanda A., Kim D. Y. Volunteers' Motivation, Satisfaction, and Intention to Volunteer in the Future: The London 2012 Olympic Games // 관광레저연구. 2019. Vol. 31. No. 7. P. 431–454.

Kim S. B., Amanda A., Kim D. Y. Volunteers' Motivation, Satisfaction, and Intention to Volunteer in the Future: The London 2012 Olympic Games. 관광레저연구. 2019. Vol. 31. No. 7. P. 431–454.

Kitchin P. J., Howe P. D. The mainstreaming of disability cricket in England and Wales: Integration 'One Game'at a time // Sport Management Review. 2014. Vol. 17. P. 65–77.

Kitchin P. J., Howe P. D. The mainstreaming of disability cricket in England and Wales: Integration 'One Game'at a time. *Sport Management Review*. 2014. Vol. 17. P. 65–77.

Koutrou N., Pappous A. S. Towards an Olympic volunteering legacy: Motivating volunteers to serve and remain–a case study of London 2012 Olympic Games volunteers // Voluntary Sector Review. 2016. Vol. 7. No. 3. P. 269–291.

Koutrou N., Pappous A. S. Towards an Olympic volunteering legacy: Motivating volunteers to serve and remain–a case study of London 2012 Olympic Games volunteers. *Voluntary Sector Review.* 2016. Vol. 7. No. 3. P. 269–291.

MacLean J., Hamm S. Motivation, commitment, and intentions of volunteers at a large Canadian sporting event // Leisure. 2007. Vol. 31. P. 523–556.

MacLean J., Hamm S. Motivation, commitment, and intentions of volunteers at a large Canadian sporting event. *Leisure*. 2007. Vol. 31. P. 523–556.

Misener L., Darcy S., Legg D., Gilbert K. Beyond Olympic legacy: Understanding Paralympic legacy through a thematic analysis // Journal of Sport Management. 2013. Vol. 27. P. 329–341.

Misener L., Darcy S., Legg D., Gilbert K. Beyond Olympic legacy: Understanding Paralympic legacy through a thematic analysis. *Journal of Sport Management.* 2013. Vol. 27. P. 329–341.

Rogalsky K., Doherty A., Paradis K. F. Understanding the sport event volunteer experience: An investigation of role ambiguity and its correlates // Journal of Sport Management. 2016. Vol. 30. P. 453–469.

Rogalsky K., Doherty A., Paradis K. F. Understanding the sport event volunteer experience: An investigation of role ambiguity and its correlates. *Journal of Sport Management.* 2016. Vol. 30. P. 453–469.

Strigas A. D., Jackson E. N. Motivating volunteers to serve and succeed: Design and results of a pilot study that explores demographics and motivational factors in sport volunteerism // International Sports Journal. 20303. Vol. 7. P. 111.

Strigas A. D., Jackson E. N. Motivating volunteers to serve and succeed: Design and results of a pilot study that explores demographics and motivational factors in sport volunteerism. *International Sports Journal.* 2003. Vol. 7. P. 111.

Taks M., Green C. B., Misener L., Chalip L. Evaluating sport development outcomes: The case of a medium-sized international sport event // European Sport Management Quarterly. 2014. Vol. 14. P. 213–237.

Taks M., Green C. B., Misener L., Chalip L. Evaluating sport development outcomes: The case of a medium-sized international sport event. *European Sport Management Quarterly*. 2014. Vol. 14. P. 213–237.

Twynam G. D., Farrell J. M., Johnston M. E. Leisure and volunteer motivation at a special sporting event // Leisure. 2002. Vol. 27. P. 363–377.

Twynam G. D., Farrell J. M., Johnston M. E. Leisure and volunteer motivation at a special sporting event. *Leisure.* 2002. Vol. 27. P. 363–377.

Vetitnev A., Bobina N., Terwiel F. A. The influence of host volunteer motivation on satisfaction and attitudes toward Sochi 2014 Olympic Games // Event Management. 2018. Vol. 22. P. 333–352.

Vetitnev A., Bobina N., Terwiel F. A. The influence of host volunteer motivation on satisfaction and attitudes toward Sochi 2014 Olympic Games. *Event Management.* 2018. Vol. 22. P. 333–352.

Wicker P. Volunteerism and volunteer management in sport // Sport Management Review. 2017. Vol. 20. P. 325–337.

Wicker P. Volunteerism and volunteer management in sport. *Sport Management Review*. 2017. Vol. 20. P. 325–337.

Wicker P., Breuer C. Exploring the organizational capacity and organizational problems of disability sport clubs in Germany using matched pairs analysis // Sport Management Review. 2013. Vol. 17. P. 23–34.

Wicker P., Breuer C. Exploring the organizational capacity and organizational problems of disability sport clubs in Germany using matched pairs analysis. *Sport Management Review.* 2013. Vol. 17. P. 23–34.

Информация об авторе

Марина Петровна Сухарькова,
аналитик,
научно-учебная лаборатория
междисциплинарных исследований
некоммерческого сектора,
Центр исследований гражданского общества
и некоммерческого сектора,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101978, г. Москва, ул. Мясницкая, 20,
Российская Федерация,
msukharkova@hse.ru

Information about the Author

Marina P. Sukharkova,
Analyst,
Laboratory for Interdisciplinary Studies
in Non-Commercial Sector,
Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector,
National Research University Higher
School of Economics (HSE),
20 Myasnitskaya St., 101978 Moscow,
Russian Federation,
msukharkova@hse.ru

Вклад автора

Автор выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Contribution of the author

The Author carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of this manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 11 июля 2022 г.; одобрена после рецензирования 23 июля 2022 г.; принята к публикации 2 сентября 2022 года.

Information about the article

The article was submitted July 11, 2022; approved after reviewing July 23, 2022; accepted for publication September 2, 2022.

Том 7 № 2-3
2022

SOCI@COM

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

сетевое издание № 2-3 2022

Сетевое издание зарегистрировано 26.12.2017
(Свидетельство Роскомнадзора о регистрации средства
массовой информации Эл № ФС77-72033).

Главный редактор Е.Н. Струк

Ответственный за выпуск Е.Г. Копалкина

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции:
690922, Приморский край, г. Владивосток,
о. Русский, п. Аякс, 10.
E-mail: sociacom@mail.ru
Тел.: +7 902 5 687 647

Учредитель и издатель:
ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»